Федеральное архивное агентство
Российский государственный архив
Военно-Морского Флота

ЕЛАГИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Выпуск IX

Группа МИД»
Санкт-Петербург
2018

УДК 355.49
ББК 68.54
Е47

Составители:
М. Е. Малевинская, кандидат исторических наук;
Ю. Т. Вартанян
Научный редактор:
доктор исторических наук В. Г. Смирнов

Е47 **Елагинские чтения** / Федеральное архивное агентство; РГАВМФ. — Вып. VIII. — СПб.: 2016. — 142 с.: ил.

ISBN 978-5-60408-390-1

Девятые Елагинские чтения, проходившие в 2018 году, были посвящены теме «Российский флот на рубеже эпох: от Императорского к Рабоче-Крестьянскому Красному».

Книга предназначена для специалистов и всех интересующихся историей российского военно-морского флота.

УДК 355.49
ББК 68.54

© Российский государственный архив Военно-Морского Флота, 2016
© Авторы, 2018

Предисловие научного редактора

26 января 2018 года в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (РГАВМФ) состоялись очередные, 9-е Елагинские чтения. Их тематика была предопределена 100-летней годовщиной событий, происходивших в нашем Отечестве: «Российский флот на рубеже эпох: от Императорского к Рабоче-Крестьянскому Красному». В то же время было учтено и то обстоятельство, что конференция проходила в год 100-летия создания Государственной архивной службы России.

В чтениях приняли участие ученые и специалисты из Санкт-Петербурга и Москвы. В сборнике помещены 11 статей, подготовленные на основе материалов РГАВМФ. Эти статьи можно разделить на три блока: историко-научные (Д. Ю. Козлов, О. В. Каримов и О. В. Пумпянская, С. Е. Виноградов, А. Д. Федечкин, С. В. Куликов, И. А. Карпенко), историко-биографические (В. Н. Фотуньянц, В. Г. Смирнов, Е. Г. Удалова) и историко-архивные (Ю. Т. Вартанян, А. Ю. Емелин).

В представленных статьях читатель найдет свидетельства трагедий, свойственных революционным эпохам, как для организаций и учреждений, так и для людей и кораблей. Материалы чтений убеждают в том, что выход из кризисных ситуаций «рубежа эпох» длился годами и десятилетиями. И если «железо» (корабли), организации и учреждения (воинские части, штабы) с течением времени можно построить заново или восстановить, то погибших людей не вернешь НИКОГДА.

Поэтому главным для нас — граждан современной России — является сохранение исторической памяти о том трудном, переломном, трагическом и героическом времени. Авторы сборника 9-х Елагинских чтений вносят свой посильный вклад в решение этой задачи.

Директор РГАВМФ,
доктор исторических наук,
капитан 1 ранга запаса
В. Г. Смирнов

Д. Ю. Козлов

Органы стратегического руководства Российским флотом в 1917 году: от реформ Временного правительства до революционного коллапса

В годы Первой мировой войны система военно-морских органов в стратегическом и оперативно-стратегическом звеньях управления неоднократно претерпевала существенные изменения. В эволюции этой системы представляется уместный выделить три этапа.

На протяжении первого этапа — с августа (н.ст.) 1914 г. (начало военных действий и создание военно-морских управлений в штабах верховного главнокомандующего и главнокомандующего 6-й армией) до февраля (н.ст.) 1916 г. (учреждение Морского штаба главковерха) — конфигурация системы органов управления действующими флотами определялась «Положением о полевом управлении войск в военное время», спешно введенном в действие буквально накануне войны. Балтийский флот подчинен главкому 6-й армии (с сентября (н.ст.) 1915 г. — главнокомандующему армиями Северного фронта), Черноморский — главкому армий Юго-Западного фронта (август 1914 г.), затем верховному главнокомандующему через военно-морские управления соответствующих штабов. Морской генеральный штаб, подготовленные операторские кадры которого были обращены на укомплектование военно-морских управлений, из контура управления действующими силами фактически исключен (последнее, впрочем, справедливо и в отношении Главного управления Генерального штаба). Общевойсковые началь-

ники в отношении подчиненных флотов ограничиваются директивными указаниями с постановкой задач, точнее, определением основных направлений деятельности в предельно общих формулировках. Сроки, искомые показатели результативности действий, формы, способы, наряд сил и средств определяются, как правило, командованием флотов по своему усмотрению. Система стратегического управления военно-морским флотом разбалансирована, свое предназначение выполняет лишь в части определения приоритетов деятельности действующих флотов, а также ограничения их активных действий с целью обеспечения гарантированного выполнения оборонительных задач.

Второй этап (февраль (н.ст.) 1916 г. – апрель 1917 г.) характеризовался сосредоточением функций руководства флотами Балтийского и Черного морей в Морском штабе верховного главнокомандующего. Подчинение руководителя «флотского» органа ставки непосредственно главковерху (императору), вывод флота Балтийского моря из подчинения ближайшему сухопутному начальнику способствовали повышению роли морского министра адмирала И. К. Григоровича в решении ключевых вопросов не только строительства, но и применения военно-морского флота, а также централизации руководства действующими объединениями, приданию морскому органу верховного командования известной самостоятельности. Фактическое объединение должностей начальника Морского штаба главковерха, помощника (заместителя) морского министра и начальника Морского генерального штаба в лице адмирала А. И. Русина создало предпосылки для привлечения потенциала Морского генерального штаба к управлению силами. Однако в силу малочисленности Морского штаба верховного главнокомандующего и его загруженности второстепенными функциями административного характера, а также из-за сохранившегося отрыва генмора от деятельности ставки, сущность руководства действующими флотами со стороны верховного командования принципиальных изменений не претерпела. Это закономерно привело de facto к дальней-

шему повышению функционального статуса командующих флотами, расширению структуры и увеличению численности их штабов.

Начало третьему этапу положили реформы центрального военно-морского управления, предпринятые после победы Февральской революции верховным главнокомандованием и первым составом Временного правительства.

Прежде всего, приказом верховного главнокомандующего генерала от инфантерии М. В. Алексеева от 1 (14) апреля 1917 г. № 54 Балтийский флот (вице-адмирал А. С. Максимов) с входящими в его состав соединениями сухопутных войск, крепостями и укрепленными позициями был возвращен в оперативное подчинение главнокомандующему армиями Северного фронта (генерал от инфантерии Н. В. Рузский). Очевидно, это решение было обусловлено тем обстоятельством, что на фоне резкого снижения боеспособности Балтфлота (это наглядно продемонстрировали, в частности, мартовские кровавые события в Кронштадте и Гельсингфорсе[1]) его готовность к решению самостоятельных задач вызывала вполне обоснованные сомнения, и ставка полагала уместным сосредоточить основные усилия морских сил на Балтике на содействии сухопутным войскам[2]. *«Балтийский флот — потерял боеспособность, и нет никакой надежды на скорое приведение его в порядок… Не рассчитывая на Балтийский флот, надо организовать оборону Финляндии и подступов к Петрограду, что потребует усиления Северного фронта»*, — констатировало совещание, состоявшееся 18 марта (1 апреля) под председательством генерал-квартирмейстера Штаба главковерха генерал-лейтенанта А. С. Лукомского[3].

В штабе Северного фронта было воссоздано военно-морское управление (три офицера и восемь нижних чинов) во главе с капитаном 1 ранга В. М. Альтфатером[4]. Начальник управления являлся «ближайшим сотрудником» начальника штаба по морским вопросам, имел права начальника дивизии и поддерживал связь с соответствующими флотскими штабами и учреждениями. Черноморский флот остался

в подчинении Морскому штабу ставки, штат которого был сокращен. В подчинении начальника штаба остались чин для поручений, флаг-капитан, два его помощника и два старших флаг-офицера.

Одновременно в ведение Морского штаба верховного главнокомандующего поступили озерные и речные флотилии, так как контр-адмирал Свиты Е.И.В. великий князь Кирилл Владимирович, с сентября 1915 г. состоявший *«начальником морских батальонов и речных флотилий в действующей армии»*, был уволен от службы в числе других членов семьи Романовых[5].

Через несколько дней, 6 (19) апреля, распоряжением Временного правительства адмирал А. И. Русин был отчислен от должностей помощника морского министра и начальника Морского генерального штаба с оставлением в должности начальника Морского штаба верховного главнокомандующего[6]. Эта мера, вероятно, была продиктована желанием военного и морского министра А. И. Гучкова, мало сведущего в вопросах управления морским ведомством[7] и, кроме того, занятого в основном проблемами армии, повысить служебный статус своего ближайшего помощника по морской части — контр-адмирала М. А. Кедрова, который и занял посты помощника министра и начальника генмора[8].

Под руководством А. И. Русина Морской штаб главковерха продолжал функционировать до 1 (17) июня 1917 г., когда пост начальника штаба занял вице-адмирал А. С. Максимов[9]. Это назначение имело, очевидно, исключительно политические мотивы — Андрей Семенович, избранный на должность командующего Балтийским флотом после убийства вице-адмирала А. И. Непенина 4 (17) марта 1917 г.[10], был весьма популярен в матросской среде. Во всяком случае, в работу штаба А. С. Максимов практически не вмешивался. *«Я его даже редко видел, а все доклады делал помимо него, непосредственно Верховному Главнокомандующему и отправлял распоряжения за подписью последнего»*, — свидетельствует А. Д. Бубнов, всю войну прослуживший в военно-морских органах ставки[11].

В начале сентября, после провала «корниловского мятежа», А. Ф. Керенский, возложивший на себя обязанности верховного главнокомандующего, и новый военный министр генерал-майор А. И. Верховский провели кампанию по замене руководящего состава ставки, *«поскольку он замешан в мятеже генерала Корнилова, новыми, преданными республике, опытными офицерами»*[12]. Морской штаб был упразднен, и в ставке вновь учреждалось Военно-морское управление, начальником которого был назначен контр-адмирал А. Д. Бубнов.

По его инициативе 16 (29) ноября 1917 г. флот Черного моря *«с входящими в его состав войсками, крепостями и позициями»* перешел в оперативное подчинение помощнику главнокомандующего армиями Румынского фронта генералу от инфантерии Д. Г. Щербачеву (номинально главкомом армий фронта являлся румынский король Фердинанд)[13], в штабе которого появилось военно-морское управление во главе с капитаном 1 ранга Э. С. Моласом[14]. В этой связи приказом временно исправляющего должность главковерха генерал-лейтенанта Н. Н. Духонина от 13 (26) ноября 1917 г. № 962 Военно-морское управление при верховном главнокомандующем было упразднено, и *«личный состав его обращен в свои части»*[15]. В тот же день приказом № 963 при начальнике Штаба главковерха учреждались две должности *«штаб-офицеров для связи с действующими флотами»*, приравненных к должностям штаб-офицеров для делопроизводства и поручений[16]. Через два дня была введена еще и должность *«старшего флаг-офицера… в чине Каперанга»*[17]. Приказом главковерха от 16 (29) ноября № 967 на эти посты были назначены капитан 1 ранга Н. П. Остелецкий (старший флаг-офицер), капитан 2 ранга князь К. П. Ливен и поручик по адмиралтейству Киндеев (штаб-офицеры)[18].

Представляется очевидным, что с точки зрения теории и практики военного управления подчинение Черноморского флота главному командованию Румынского фронта являлось мерой не только нецелесообразной, но и вредной, так как перечень задач флота, определенный самой же Ставкой, далеко не ограничивался содействием сухопутным войскам,

тем более войскам Румынского фронта (гораздо интенсивнее Черноморский флот взаимодействовал с Кавказской армией). В соответствующем приказе главковерха мотивировка этого шага не приведена, а сам инициатор реорганизации А. Д. Бубнов в своих мемуарах довольно уклончиво объясняет ее тем, что *«после большевистского переворота не осталось больше сомнений в том, что дни Ставки сочтены»*[19]. Однако, как представляется, причины этого шага лежали в плоскости политической. По мнению К. Б. Назаренко, вероятно, не лишенному оснований, передача Черноморского флота в подчинение Д. Г. Щербачеву, штаб которого стал одним из центров зарождающегося антибольшевистского сопротивления, была осуществлена *«уже в рамках борьбы против советского правительства в Петрограде»*[20].

Судя по содержанию служебной переписки этого периода, Н. П. Остелецкий и К. П. Ливен к своим новым обязанностям так и не приступили — первый не мог выехать из штаба Северного фронта, так как ему некому было сдать дела по прежней должности, а второй получил двухмесячный отпуск *«по расстроенному здоровью»*[21]. 19 ноября (2 декабря) поручик Киндеев телеграфировал в Яссы капитану 1 ранга Э. С. Моласу (№ 1166): *«Бубнов уехал совсем. Пока остаются для связи старшим капераанг Остелецкий, вторым князь Ливен и третьим поручик Киндеев. Сейчас в ставке остался один я для ликвидации дел»*[22].

На следующий день — 20 ноября (3 декабря) 1917 г. — ставка была занята сводным вооруженным отрядом (солдаты Литовского полка, отряд балтийских моряков и др.), прибывшим с новым главковерхом прапорщиком Н. В. Крыленко, и прекратила свою деятельность как орган стратегического управления вооруженными силами[23]. Теперь перед ставкой были поставлены задачи недопущения использования действующей армии в «контрреволюционных и империалистических целях» и проведения ее «полной демократизации», а также введение в организованное русло начавшейся стихийной демобилизации. С подписанием мирного договора с Германией и ее союзниками решением Высшего военного

совета № 2 от 5 марта 1918 г. должность главковерха была упразднена, а ставка — расформирована[24]. Как было показано выше, к этому времени в ее составе военно-морских органов уже не существовало.

Что же касается Морского генерального штаба, то после Февральской революции его полномочия существенно расширились. 7 (20) марта 1917 г. все центральные учреждения морского ведомства были подчинены помощнику морского министра, за исключением генмора, который остался в прямом подчинении министру.

Правда, на работу Морского генерального штаба, как, впрочем, и других подразделений Морского министерства, наложили отпечаток политические катаклизмы, пошатнувшие двухвековые устои флотской службы. Д. Н. Федотов-Уайт, который, занимая посты помощника военно-морского агента в Северо-Американских Соединенных Штатах и затем в Великобритании, был неплохо знаком с персоналом штаба и организацией его работы, вынес из своих визитов под адмиралтейский шпиль весной 1917 г. тягостное впечатление о способности офицеров генмора эффективно выполнять свои функции в новых условиях: *«Морской генеральный штаб выбрал путь бесконечных компромиссов и постепенных уступок… Все они — очень достойные люди, но, за редким исключением, безвольные, с темпераментом, не пригодным для столь трудных времен… Успехи санкюлотов во времена Великой французской революции заставляют их верить, что то же самое может повториться и в России, и революционные войска смогут успешно вести войну с Германией… Общим впечатлением… было преобладание туманного идеализма и нежелание признать реалии жизни»*[25]. Хотя, вероятно, эти оценки отчасти были обусловлены политическими расхождениями автора с морскими генштабистами.

Как ни странно, в первые месяцы своего существования Временное правительство и, в частности, военный и морской министр А. И. Гучков (впервые в российской истории — штатское лицо) продемонстрировали гораздо больше по-

нимания основ теории военного управления (в частности, принципа недопустимости дублирования функций), нежели военно-политическое руководство царской России. Новые власти[26] обозначили стремление к устранению функционального параллелизма в руководстве силами флота путем создания единого центра стратегического управления. После упразднения Морского штаба главковерха таковым центром – в соответствии с буквой и духом «Наказа Морскому генеральному штабу» 1906 г.[27] — вновь стал генмор. 5 (18) марта 1917 г. приказом А.И. Гучкова на должность помощника министра — начальника Морского генерального штаба был назначен контр-адмирал М. А. Кедров[28], бывший начальник минной дивизии Балтийского моря.

В автобиографии Михаил Александрович именует свою должность «технический помощник» министра по морской части с «правами управляющего Морским министерством» и указывает, что он был избран на этот пост А.И. Гучковым по рекомендации И. К. Григоровича. В качестве кандидатов рассматривались также начальник 1-й бригады линейных кораблей Балтийского моря контр-адмирал М. К. Бахирев и начальник дивизии подводных лодок Балтийского моря контр-адмирал Д. Н. Вердеревский, однако новый министр предпочел вверить Морской генеральный штаб и, по существу, руководство флотом и морским ведомством сравнительно молодому (39 лет) М. А. Кедрову. Очевидно, принятию этого кадрового решения немало поспособствовало то, что последний не только обладал солидным боевым опытом и навыками самостоятельного командования, но, в отличие от других претендентов на высокий пост, был знаком с жизнью политического бомонда — при «старом режиме» Михаил Александрович состоял в царской свите, был знаком с членами императорской семьи и вращался в высших государственных сферах, представлен руководителям некоторых иностранных государств. Однако проявить свои управленческие навыки на новом посту в полном объеме М. А. Кедрову, очевидно, не удалось. *«Все мое время уходило на бесконечные ходатайства за арестованных и обижен-*

ных повсюду», — писал впоследствии Михаил Александрович, вспоминая свою службу под адмиралтейским шпицем весной 1917 г.[29]

Однако уже через два месяца последовала новая реорганизация центрального аппарата морского ведомства. 8 (21) мая *«для скорейшего проведения в жизнь предуказаний морского министра, а также для более тесной связи его со штабами и управлениями Морского министерства»* был сформирован Походный штаб морского министра во главе с флаг-капитаном морского министра капитаном 2 ранга Б. П. Муравьевым (с 23 сентября (6 октября) по 1 (14) декабря 1917 г. должность исполнял лейтенант А. А. Коптелов)[30]. Во время совмещения должностей руководителей Военного и Морского министерств (то есть до 30 августа (12 сентября) 1917 г.) начальник Походного штаба подчинялся начальнику Кабинета военного министра. Походный штаб, объявленный *«осведомительным и распорядительным органом министра в политическом и административном отношениях»* являлся, очевидно, временной «надстройкой», вызванной совмещением должностей военного и морского министров, а также тем обстоятельством, что объединенный пост занимали гражданские политики А. И. Гучков и затем А. Ф. Керенский. Хотя этот весьма немногочисленный (помощники флаг-капитана по политической и административной частям, чины для поручений, флаг-офицер и делопроизводитель) орган не имел непосредственного отношения к управлению силами, к нему перешла часть функций генмора — например, сношения с военно-морскими агентами зарубежных государств, руководство деятельностью «Морского сборника». Приказом по флоту и морскому ведомству № 62 от 29 ноября (12 декабря) 1917 г. Походный штаб министра был преобразован в канцелярию Верховной морской коллегии[31], состоящую из отделений общих дел, юридического, законодательного и кодификационного[32].

Новое «растаскивание» полномочий вновь поставило Морской генеральный штаб в весьма неопределенное положение, тем более что с 1 (14) июня генмор, ранее подчи-

нявшийся напрямую министру, был передан в ведение его первого помощника вместе с Главным морским штабом (6 (19) июня преобразован в Главное управление по делам личного состава), Главным военно-морским судным управлением, Управлением санитарной частью флота, канцелярией и архивом. Одновременно помощник морского министра-начальник Морского генерального штаба стал именоваться первым помощником министра с освобождением от должности начальника генмора[33].

29 июня (12 июля) были введены в действие новые организация и штат Морского генерального штаба (вице-адмирал, 50 офицеров, 10 кондукторов, 21 нижний чин и 43 вольнонаемных служащих). Основу структуры генмора составляли оперативный и организационно-тактический отделы при наличии самостоятельных отделений другого предназначения.

Месяцем позже Временное правительство утвердило в должности начальника генмора капитана 1 ранга графа А. П. Капниста (с производством в контр-адмиралы). Тогда же был учрежден иностранный отдел под начальством капитана 1 ранга Е. А. Беренса — бывшего военно-морского агента в Италии, до войны возглавлявшего 2-ю оперативную часть. Он же исполнял обязанности помощника начальника штаба.

К октябрю 1917 г. в генморе насчитывалось 56 штатных и 12 «дополнительных» должностей, подлежащих замещению офицерами. Вспомогательный персонал состоял из 58 военных чиновников и гражданских сотрудников, включая 16 писарей. Радиостанцию и телеграф обслуживал технический взвод из 33 нижних чинов под командой офицера[34].

Таким образом, к концу войны Морской генеральный штаб стал самым крупным учреждением министерства. Однако очередное понижение статуса генмора и начавшийся после Октябрьской революции лавинообразный процесс развала старой системы военного управления так и не позволил штабу в полной мере реализовать свои функции. 15 (28) ноября был уволен от службы контр-адмирал граф А. П. Капнист, попытавшийся взять на себя управление морским ведомством после ареста капитана 1 ранга С. А. Ку-

келя (последний 11 (24) ноября принял пост морского министра у контр-адмирала Д. Н. Вердеревского и сразу ясно обозначил свою антибольшевистскую позицию), и временно исполняющим должность начальника штаба стал капитан 1 ранга Е. А. Беренс, избранный на этот пост сотрудниками МГШ по предложению председателя Военно-морского революционного комитета и члена Верховной морской коллегии И. И. Вахрамеева[35].

Итак, в 1917 г. централизованная система управления Российским флотом, созданная в начале третьей кампании мировой войны, была постепенно демонтирована. Возвращение Балтийского флота в подчинение главнокомандующему армиями Северного фронта, освобождение начальника Морского штаба ставки от должностей начальника Морского генерального штаба и помощника морского министра (апрель), упразднение Морского штаба главковерха с воссозданием в ставке Военно-морского управления (сентябрь) и, наконец, ликвидация последнего с подчинением Черноморского флота главному командованию армий Румынского фронта (ноябрь) привели к тому, что к моменту ликвидации ставки в первых числах марта 1918 г. военно-морских подразделений в штабе главковерха не существовало. Временное правительство (во всяком случае, первый военный и морской министр А. И. Гучков, вероятно, не без влияния своего ближайшего помощника по морской части контр-адмирала М. А. Кедрова) попыталось придать статус единого центра стратегического руководства военно-морским флотом Морскому генеральному штабу, однако принятые в этом направлении меры оказались непоследовательными и половинчатыми, поэтому положительных результатов не дали.

И структурные преобразования системы управления, и ключевые кадровые решения в завершающей военной кампании определялись не столько военными, сколько политическими резонами, в результате чего к моменту подписания перемирия с Германией и ее союзниками в декабре 1917 г. система управления военно-морским флотом была, по существу, разрушена.

Примечания

[1] *Елизаров М. А.* Убийства флотских офицеров в период февральской революции 1917 г. // Военно-исторический журнал. Интернет-приложение. 2007. № 1 (5); [Пепеляев В.Н.] «Один из возмутительнейших эпизодов нашей революции». Записки комиссара Временного правительства В.Н. Пепеляева о событиях в Кронштадте в марте–июне 1917 г. / публ. В.И. Шишкина // Исторический архив. 2007. № 4. С. 70–110.

[2] *Хесин С. С.* Русский флот накануне Октября (положение, численность, состав) // Исторические записки. Вып. 81 (1968). С. 70.

[3] Цит. по: *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. Жуковский; М.: Кучково поле, 2001. С. 390, 391.

[4] РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 92. Л. 201; Д. 312. Л. 303.

[5] *Назаренко К. Б.* Балтийский флот в революции. 1917–1918 гг. М.: Эксмо, Яуза; СПб.: Якорь, 2017. С. 195; Полный послужной список Гвардейского экипажа свиты его величества контр-адмирала его императорского высочества великого князя Кирилла Владимировича, 1 января 1916 г. // Кирилл Владимирович, вел. кн. Моя жизнь на службе России. С приложением биографического очерка о великой княгине Виктории Федоровне. М.: Захаров, 2006. С. 213.

[6] Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII. Журналы заседаний Временного правительства: Март — октябрь 1917 года. В 4 т. Том 1. Март — апрель 1917 года / отв. ред. тома Б. Ф. Додонов. Сост. Е. Д. Гринько и О. В. Лавинская. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. С. 246.

[7] Очевидно, именно оторванность А. И. Гучкова от военно-морской профессиональной корпорации стала причиной весьма негативных оценок его министерской деятельности во флотской среде. *«Избави нас Боже в будущем от штатских морских министров с их «деланием политики толпы» и полным непониманием этими калифами на час ни характера морской силы, ни ее задач, ни пределов возможного и невозможного. Гучков у нас развалил дисциплину. В Германии канцлер Бетман Гольвег 2½ года срывал блокаду подводными лодками вопреки настояниям военного командования, пока не погубил ее окончательно, вызвав во флоте бунты. В Англии первый Лорд Адмиралтейства, т.е. штатский морской министр, Черчилль послал флот брать Дарданеллы — операция, о которой Морской Лорд, адмирал Фишер, предупреждал, что она окажется «могилой флота», что и случилось. О Франции и говорить нечего. Достаточно посмотреть историю французского флота в минувшей войне, чтобы бесповоротно убедиться в полной не-*

состоятельности штатских людей на постах, откуда исходят высшие военные директивы», — писал в 1929 г. представитель русской военно-морской эмиграции А.И. Бенклевский («Парламентские Министры» / публ. А.И. Бенклевского // Морской журнал (Прага). 1929. № 9 (21). С. 9).

[8] РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 213. Л. 238.

[9] Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VIII. Журналы заседаний Временного правительства: Март — октябрь 1917 года. В 4 т. Том 2. Май — июнь 1917 года / отв. ред. тома Б.Ф. Додонов. Сост. Е.Д. Гринько и О.В. Лавинская. М.: Российская политическая энциклопедия, 2002. С. 199.

[10] *Смолин А.В.* Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А.И. Непенина // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы восьмой ежегодной Международной научной конференции (13–14 апреля 2006 г.) / под ред. В.Н. Барышникова, П.А. Кротова. СПб.: РХГА, 2007. С. 22–33.

[11] *Бубнов А.Д.* В царской ставке. СПб.: Облик, 1995. С. 148.

[12] См. подробнее: *Милюков П.Н.* История второй русской революции. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. С. 430–433.

[13] Приказ ВГК от 13 (26) ноября 1917 г. № 954. (РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 224. Л. 12.)

[14] Приказ ВГК от 13 (26) ноября 1917 г. № 955. (РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 224. Л. 11.)

[15] РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 224. Л. 15.

[16] Там же. Л. 14.

[17] Приказ ВГК от 15 (28) ноября 1917 г. № 892. (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 224. Л. 24.)

[18] РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 224. Л. 54.

[19] *Бубнов А.Д.* Указ. соч. С. 159.

20 *Назаренко К.Б.* Балтийский флот в революции. 1917–1918 гг. С. 196.

[21] РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 224. Л. 112, 127.

[22] Там же. Л. 100.

[23] Военно-Морской Революционный Комитет. Сборник документов / сост. В.И. Александрова, Н.А. Андреева, А.Е. Иоффе; отв. ред. С.С. Хесин. Л.: Наука, 1975. С. 144, 281.

[24] *Кавтарадзе А.* Октябрь и ликвидация контрреволюционной Ставки // Военно-исторический журнал. 1968. № 4. С. 120.

[25] *Федотов-Уайт Д.Н.* Пережитое. Война и революция в России / пер. с англ. А. Дементьева. М.: Изд. книжного магазина «Циолковский», 2018. С. 151, 159.

[26] После Февральской революции по главе флота и морского ведомства стояли: А. И. Гучков (март–май 1917 г., военный и морской министр), А. Ф. Керенский (май–август 1917 г., военный и морской министр), В. И. Лебедев (июнь–август 1917 г., временно управляющий Морским министерством), Б. В. Савинков (август 1917 г., управляющий Морским министерством), Д. Н. Вердеревский (август–ноябрь 1917 г., морской министр), П. Е. Дыбенко (ноябрь 1917 г. – февраль 1918 г., народный комиссар по морским делам), С. А. Кукель (ноябрь 1917 г., исполняющий обязанности морского министра), М. В. Иванов (ноябрь 1917 г. – январь 1918 г., управляющий Морским министерством).

[27] Указатель правительственных распоряжений по Морскому Ведомству. № 27 Август 1906 г. // Собрание узаконений, постановлений и других распоряжений по Морскому Ведомству за 1906 год. СПб.: Типография Морского Министерства, в Главном Адмиралтействе, 1907. С. 808–813.

[28] РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 213. Л. 238.

[29] ГАРФ. Ф. р-6666. Оп. 1. Д. 18. Л. 21 об.–24.

[30] Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 4: Центральные государственные учреждения. Министерство иностранных дел. Военное министерство. Морское министерство. СПб.: Наука, 2004. С. 202.

31 Верховная морская коллегия была образована по решению Совета Народных Комиссаров от 7 ноября 1917 г. для управления флотом и морским ведомством. Приступила к работе 14 ноября в составе народного комиссара по морским делам П. Е. Дыбенко, управляющего Морским министерством капитана 1 ранга М. И. Иванова и В. В. Ковальского. 30 января 1918 г. преобразована в Коллегию народного комиссариата по морским делам, а 18 декабря 1918 г. упразднена с передачей функций Морскому отделу, выделенному из состава Реввоенсовета Республики.

[32] *Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть в России: 1917т — 1921. М.: Квадрига, Русская панорама, 2011. С. 205.

[33] *Монаков М. С., Родионов Б. И.* и др. Главный штаб ВМФ: история и современность. 1696–1997. М.: Научная книга, 1998. С. 52.

[34] *Симоненко В. Г.* Органы управления русского флота в первую мировую войну // Военно-исторический журнал. 1975. № 9. С. 103–106; Его же. Для стратегического управления флотом (к 90-летию Морского генерального штаба) // Морской сборник. 1996. № 4. С. 85–87.

[35] *Назаренко К. Б.* Балтийский флот в революции. 1917–1918 гг. С. 231.

О. В. Каримов, О. В. Пумпянская

Кризис российской военно-морской разведки (октябрь 1917 – февраль 1918 гг.)

Накануне и в годы Первой мировой войны организацией и ведением военно-морской разведки занималась Иностранная часть[1] Морского Генерального штаба (МГШ или Генмор). В 1914 г. из его состава было выделено Особое делопроизводство, руководившее деятельностью морских агентов. Особое делопроизводство (ОДЕ) осуществляло руководство и формировало задания для русских морских агентов в следующих странах: Германия и Нидерланды (капитан 1 ранга М. М. Римский-Корсаков; Италия и Австро-Венгрия (капитан 2 ранга барон П. Г. Врангель); Франция, Бельгия, Испания и Португалия (капитан 1 ранга В. И. Дмитриев); Великобритания (контр-адмирал Н. А. Волков); Турция (капитан 2 ранга А. Н. Щеглов); Греция (капитан 1 ранга А. А. Макалинский); Швеция и Норвегия (капитан 1 ранга В. А. Сташевский); Дания (капитан 2 ранга Б. С. Безкровный); Япония и Китай (капитан 2 ранга А. Н. Воскресенский); Северо-Американские Соединённые Штаты (капитан 1 ранга Д. С. Васильев).

В своей деятельности морские агенты опирались на утвержденную 27 сентября (10 октября) 1908 г. «Инструкцию военно-морским агентам». Кроме обязательного информирования о состоянии военно-морских сил (ВМС) иностранных государств, предупреждения обо всех важных изменениях и военных приготовлениях страны пребывания, контроля за исполнением заказов Главного управления кораблестроения и снабжений, морским агентам была вменена в обязанность организация «негласной» разведки. Возглавил Особое

делопроизводство МГШ опытный разведчик капитан 2 ранга М. И. Дунин-Борковский[2].

Основными способами получения сведений о ВМС иностранных государств, для морских агентов были: регулярное участие в маневрах, получение сведений официальным путем из военного и морского министерств страны пребывания, изучение зарубежной прессы. «Инструкция…» ориентировала на сбор сведений с легальных позиций, ограничивая какое-либо использование нелегальной агентуры. Морским агентам приходилось опираться на так называемых «доброжелателей», продававших услуги третьих лиц. Поэтому к началу Первой мировой войны у МГШ практически отсутствовала своя агентурная сеть. Сформировать же ее в условиях войны оказалось достаточно сложной задачей. Немаловажную роль здесь играло то, что на оперативные расходы (оплату организационных расходов и вознаграждение агентуре) МГШ приходилось регулярно изыскивать и переводить резидентам крупные суммы в рублях и валюте.

Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. привел к коренным изменениям во всех сферах государственной деятельности. 8 ноября 1917 г. Второй Всероссийский съезд Советов образовал Комитет по военным и морским делам. Вместо морского министра был назначен народный комиссар по морским делам. При наркоме была учреждена Верховная морская коллегия по управлению бывшим Морским министерством. В ее состав вошли: нарком матрос П. Е. Дыбенко, военный специалист капитан 1 ранга М. В. Иванов, мичман Ф. Ф. Раскольников, матросы С. Е. Сакс и В. В. Ковальский.

Не осталась в стороне от изменений и военно-морская разведка. Поначалу некоторые морские агенты заняли нейтральную позицию, ожидая результатов революции в России, другие сразу не приняли ее и вошли в сношения с союзниками, передавая не только добытые сведения, но и агентуру[3]. В качестве примера подобных действий можно привести инициативу сотрудника Особого делопроизводства старшего лейтенанта Р. А. Окерлунда[4], В октябре 1917 г. он находился

в служебной командировке в Амстердаме и регулярно совершал поездки в Лондон и Париж для встреч с представителями английской и французской разведок с целью официального взаимного обмена разведывательной информацией.

В декабре 1917 г. фактически прекратилось финансовое обеспечение зарубежных разведывательных аппаратов Военно-морского флота[5]. Столкнувшись с недостатком средств, Окерлунд нашел выход в британской помощи. Он получил одобрение российского морского агента в Лондоне контр-адмирала Н. А. Волкова[6], который и организовал встречу с начальником английской военно-морской разведки адмиралом Р. Холлом.

В 1999 г. подтверждение этой встрече появилось в книге А. Джадда, расшифровавшего и опубликовавшего дневники первого начальника английской разведки СИС/МИ-6 М. Камминга: «8 декабря в офисе Холла встретился с адмиралом Волковым и лейтенантом Окерлундом из российской разведки. Они заявили, что их разведывательная служба стоит 15 тыс. фунтов стерлингов. Если мы согласимся с их предложением, то наше Казначейство сможет им выдать такую сумму в качестве аванса»[7]. Договорившись о получении средств, Окерлунд телеграфировал Дунину-Борковскому: «Надеюсь получить 15 000 фунтов стерлингов от англичан за счет России для продолжения нашей работы, что хватает на месяц… Адмиралтейство готово взять все наши полезные им организации со всем личным составом». Однако старший лейтенант предупредил начальника Особого делопроизводства, что без указаний МГШ он передавать агентуру не будет, но «наши сведения пока передаю им»[8].

Инициативно вступив в сотрудничество с англичанами, Окерлунд не преследовал цели личного обогащения и, естественно, не являлся врагом своей Родины. Он лишь попытался сохранить работоспособность военно-морской разведки на перспективу, чтобы пока в России решалось: кто же окажется у власти, разведка против Германии не прекращалась. Кстати, Окерлунд перевел полученные средства на оплату агентурных сетей агентов «Барона» (5 тыс.) и «Гого» (10 тыс.)[9].

Капитан 1 ранга Дунин-Борковский согласился с позицией офицера и 22 декабря 1917 г. телеграфировал в Лондон: «необходимо стараться сохранить дело для России. Прилагаю все усилия перевести деньги. Вейнмарн (Христиания) по моему приказанию перевел Сташевскому[10] 20 тысяч крон»[11]. Одновременно Михаил Иосифович ориентировал о положении в Особом делопроизводстве: «работа в ОДЕ продолжается без контроля, под моей личной ответственностью… шифровалка Генмора контролируется комиссаром, и только работа ОДЕ продолжается без контроля благодаря отдельным шифрам». Он сообщил, что контролируется и вся «бумажная» дипломатическая почта — «вализа просматривается комиссаром. Продолжайте работу, несмотря на все затруднения. Считаю Ваше пребывание в Лондоне очень полезным для дела»[12].

Не имея сведений о закулисной деятельности старшего лейтенанта Окерлунда, новое партийное руководство по «политическому чутью» не могло доверить организацию разведывательной работы морским агентам и резидентам, назначенным еще при царской власти. Оно стремились заменить личный состав зарубежных аппаратов разведки политически надежными лицами, которые должны были бы проводить разведывательную деятельность не только в отношении иностранных ВМС, но и осуществлять политическую разведку.

Против этого активно выступил начальник МГШ капитан 1 ранга Е. А. Беренс[13]. 27 января 1918 г. он подробно осветил Верховной Морской коллегии положение морских агентов в новых международных условиях и стоящие перед ними задачи. По словам Беренса, морские агенты назначались после предварительного запроса через МИД разрешения у правительств иностранных государств. Лишь после получения согласия и представления в зарубежном МИД и морском министерстве морской агент мог приступить к своей работе, но сейчас это невозможно «пока не существует еще признания заграничными представительствами нашего, и пока должности послов и посланников остаются незамещенными»[14].

По его мнению, если Советская власть в условиях непризнания другими государствами начнет назначать новых

морских агентов, то их деятельность сведется к нулю — они будут не в состоянии сноситься нормально ни с властями страны пребывания, ни с руководством ВМС. Таким образом, их роль приравняется к обычному корреспонденту, проживающему в стране на правах частного лица. Это, естественно, сказалось бы на сношениях с Генмором — отправка шифртелеграмм агенту была бы запрещена, а несекретные телеграммы он смог бы отправлять как частные и тогда они будут проходить цензуру. «Те наши агенты, которые находятся сейчас за границей, находятся там уже давно (большинство еще до начала войны), пользуются доверием правительств и адмиралтейств; что, в частности, облегчает переговоры как чисто военные, так и хозяйственные, связанные с заказами, платежами по их перевозкам, а теперь и ликвидацией. Все эти агенты имеют на руках большие отчетности, которые они должны еще закончить и в них разобраться, должны удовлетворить претензии к нашему морскому ведомству и вообще ликвидировать все многочисленные дела, вызванные войной»[15], — объяснял Беренс.

По мнению начальника МГШ, политикой морские агенты не должны были заниматься. Если же необходимость сохранения аппаратов морских агентов Советской властью будет признана, то основной их задачей будет добывание разведывательных сведений о ВМС зарубежных государств и сношение адмиралтейств между собой.

Уже в первые месяцы после революции стало ясно — большинство государств отказалось признавать Советскую власть, что незамедлительно отразилось на работе морских агентов: «телеграммы морского агента из США надолго задерживались американской цензурой. В Италии были запрещены к приему шифрованные телеграммы в Петроград от русского морского агента»[16].

Беренс пытался доказать Верховной морской коллегии, что замена всех русских морских агентов за границей крайне неразумна и МГШ необходимо постараться их агентуру сохранить настолько долго, насколько это возможно. Он выступил категорически против радикальных мер по замене всех

зарубежных аппаратов, мотивируя это тем, что «коль такие затруднения [*в отправке телеграмм — прим. авторов*] делаются лицам, которых давно знают, у которых с ними [*зарубежными ВМС — прим. авторов*] хорошие и доверительные отношения, то можно наверняка сказать, что новым лицам, если бы их даже желательно и возможно назначить, никогда не удастся сделать и того немногого, что еще могут теперешние агенты. Кроме того, надо иметь в виду, что им придется не только заводить связи и знакомства с адмиралтействами, но и с другими агентами прочих государств, которые в теперешнее время будут долго присматриваться к новым лицам»[17]. Однако доклад капитана 1 ранга Беренса был принят Верховной Морской коллегией к лишь сведению.

В этот же день Евгений Андреевич направил в Верховную морскую коллегию рапорт, который был своеобразным актом протеста против недальновидных действий коллегии в отношении военно-морской разведки: «Считаю долгом доложить следующее. Ввиду разногласий, происходящих у меня… с комиссаром Генмора, а также теперь и комиссариатом по иностранным делам, который взял на себя совершенно не присвоенную ему роль разбираться кто из наших служащих в агентствах подходит или не подходит к должности, я как технически ответственный за правильность службы Морского Генерального штаба, не имею более возможности продолжать нести эту ответственность в отношении заграничной части службы Штаба, о чем и докладываю»[18].

Чтобы предотвратить назревающий провал в разведывательной работе Е. А. Беренс обратился ко всем морским агентам с разъяснением сложившегося положения в России. Одновременно, исходя из запросов руководства Советской России, он поставил перед морскими агентами новые задачи: «Необходимо внимательно следить за настроениями правящих кругов и широких масс… Надо следить за официальными и полуофициальными органами печати, стараться подмечать и угадывать нарождающееся»[19].

В качестве главных задач разведки были указаны, следующие:

• выяснение наиболее авторитетных политических партий, их численности и количества сторонников, военной политики партий, отношения их к России; степень влияния партий на политику правительств, отношение политических партий к роли и значению вооруженных сил, в особенности к флоту и финансированию их развития;

• выяснение экономического положения страны пребывания; особенное внимание необходимо было обратить на международную морскую торговлю, ее статистику, зависимость государств от торговли и иностранных рынков, экономическая международная программа правительств;

• отслеживание судостроительных программ и непосредственной постройки кораблей, полемика по данному вопросу, выполнение программ; характеристика и состояние промышленности имевшей отношение к флоту, ее мобилизационных возможностей, роли и значения этой промышленности во внешней политике государств[20].

Начальник МГШ Беренс и начальник Особого делопроизводства Дунин-Борковский попытались сохранить у морских агентов лояльное отношение к событиям в России. Однако Наркомат иностранных дел (НКИД) потребовал прекратить все сношения с агентами, обвиняя последних в непризнании Советской власти. Например, в феврале 1918 г. НКИД в письме к комиссару Генмора Ф. Ф. Раскольникову характеризовал морского агента в Лондоне контр-адмирала Н. А. Волкова как «гражданина известного своей реакционной деятельностью»[21] (что, как мы видели выше, соответствовало действительности). Беренс вынужден был телеграфировать ему, что получил приказание ликвидировать все заграничные учреждения военно-морской разведки. Приговором разведке звучало: «В создавшейся обстановке никакие сведения использованы быть нами не могут, а потому и продолжение агентурной работы для России является бесцельным»[22].

По настоянию комиссара МГШ Раскольникова было принято постановление Верховной морской коллегии, согласно которому приказом по флоту и морскому ведомству от 08 (21) февраля 1918 г. № 163 военно-морские представи-

тельства за границей были упразднены, все аппараты морских агентов расформированы и ликвидированы. Самое главное — «ликвидируется и разведка. Первое было сделано помимо Генмора, а второе вопреки его докладу… Затем и Иностранный отдел в Генморе сделался ненужным и упразднен при сокращении штатов»[23], — писал Беренс. Уничтожение органов разведки объяснялось по-революционному просто: при изменившемся политическом строе разведка не может выполнять своего предназначения — морские агенты не одобрили Октябрьской революции, а с Германией уже начались предварительные переговоры о мире и, следовательно, агентурная работа против нее утратила смысл.

15 (28) февраля 1918 г. старший лейтенант Окерлунд получил из МГШ телеграмму от Дунина-Борковского, в которой говорилось: «Я получил приказание ликвидировать все заграничные организации морской разведки… Вследствие этого приказываю Вам: 1) по Вашему усмотрению и соглашению с Адмиралтейством передать им в полное распоряжение наши организации со всем личным составом… 3) Сообщить о происшедшей смене Сташевскому (Стокгольм), Безкровному (Копенгаген), Вейнмарну (Христиания), Спешневу (Амстердам), Яковлеву (Париж) и Макалинскому (Афины) и предложить желающим работу на новых условиях, а я их извещаю, что они получат дальнейшие указания от Вас... 5) Лично Вы свободны поступить по Вашему усмотрению, вследствие перевода флота на вольнонаемные начала, увольнение от службы производится беспрепятственно»[24].

На следующий день М. И. Дунин-Борковский направил в адрес упомянутых морских агентов телеграмму, в которой предупредил: «Дальнейшие указания по разведке будете получать от Окерлунда из Лондона»[25].

Таким образом, к середине февраля 1918 г. по военно-морской разведке был нанесен сильнейший удар. 22 февраля 1918 г. Совет народных комиссаров учредил Народный комиссариат по морским делам (НКМД). Верховная морская коллегия была переименована в коллегию этого наркомата. При НКМД был организован Морской штаб, а в нем было создано

Разведывательное отделение Оперативного управления, которое руководило лишь оперативной разведкой флотов и флотилий, агентурная разведка за пределами государства в его сферу деятельности не входила[26], что значительно снижало информированность центральных органов военно-морского управления о планах противника и его военном потенциале.

Примечания

[1] *Алексеев М.А.* Военная разведка России. От Рюрика до Николая II. — М.: Русская разведка, 1998. Т. 2. С. 84.

[2] Дунин-Борковский Михаил Иосифович (1878–?). Капитан 1 ранга. В 1898 г. окончил Морской корпус. С 1906 г. в военно-морской разведке. С 1908 г. — начальник Иностранной части, заведующий Иностранным отделом, заведующий Статистической части, начальник Особого делопроизводства МГШ. С февраля 1919 г. — начальник Морского агентурного отделения Регистрационного управления Полевого штаба РВСР. В апреле 1919 г. арестован по делу «Генмора». Признан виновным «в недостаточном наблюдении за подчиненными последствием чего были шпионские действия его подчиненных с заграничными агентами Антанты». Находился в Ивановском концлагере. Освобожден по амнистии 1 мая 1920 г. Работал в Главводе. С 1929 г. на пенсии.

[3] *Владимиров О.В.* «Следить за настроениями правящих кругов» // Родина. 2011. № 10. С. 15.

[4] Окерлунд Рагнар Ансельмович (1883–1919). Старший лейтенант. Окончил физико-математический факультет Императорского Александровского университета в Хельсинки. С 1907 г. на службе. С 1914 г. в военно-морской разведке. В 1919 г. по делу «Генмора» приговорен к расстрелу, как руководитель контрреволюционной организации «ОК».

[5] *Владимиров О.В., Могильников В.А.* «Я — русский, я — военный, я патриот». Деятельность отечественной военной разведки на примере службы российского морского агента в Швеции, Норвегии и Дании капитана 1 ранга В.А. Сташевского // Военно-исторический журнал. 2004. № 4. С. 34.

[6] Волков Николай Александрович (1870–1954). Контр-адмирал. В 1891 г. окончил Морской корпус. С 1913 г. морской агент в Великобритании.

[7] Alan Judd The Quest for C/ Sir Mansfield Cumming and the Founding of the British Secret Service — London. 2000// Цит. по Ю. Х. Тотров Из истории английской разведки. «Дело Генмора»// http://www.chekist.ru/article/4406

[8] Переписка с военно-морскими агентами в Англии и скандинавских странах о ликвидации морской разведки. 1917–1918 // РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 102. Л. 2 // Цит. по Ю. Х. Тотров Указ. соч.

[9] Там же. Л. 5.

[10] Сташевский Владимир Арсеньевич (1879–1955). Капитан 1 ранга. В 1900 г. окончил Морской корпус, в 1911 — Николаевскую военно-морскую академию. С 1912 г. в военно-морской разведке. С 1914 г. — морской агент в Швеции, Норвегии и Дании. В 1944 г. осужден на 2 года 10 месяцев шведским судом за разведывательную деятельность в интересах СССР. Умер в Стокгольме.

[11] Переписка с военно-морскими агентами в Англии и скандинавских странах о ликвидации морской разведки. 1917–1918 // РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 102. Л. 5// Цит. по Ю. Х. Тотров Указ. соч.

[12] Там же. Л. 8.

[13] Беренс Евгений Андреевич (1876–1928). Капитан 1 ранга. Окончил Морской корпус и штурманский офицерский класс. Участник русско-японской войны на крейсере «Варяг». С 1910 г. морской агент в Германии и Голландии, с 1915 — в Италии. С 1917 г. — начальник Иностранного (Статистического) отдела МГШ. С октября 1917 г. — начальник МГШ. С апреля 1919 г. — командующий РККФ. В 1924–1926 гг. военно-морской атташе СССР в Великобритании и Франции. Занимался возвращением из Бизерты кораблей русского флота, которые туда увел его брат контр-адмирал М. А. Беренс.

[14] «Доклад Е. А. Беренса Верховной Морской коллегии о положении военно-морского агентства за границей, в связи с международным положением Советской Республики и о задачах иностранного отдела Генмора» (27 января 1918 г.) // РГАВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 650. Л. 1.

[15] Там же. Л. 2.

[16] Там же. Л. 2.

[17] Там же. Л. 2.

[18] Там же. Л. 3.

[19] *Владимиров О. В.* Указ. соч. С. 15.

20 «Доклад Е. А. Беренса Верховной Морской коллегии о положении военно-морского агентства за границей, в связи с международным положением Советской Республики и о задачах иностран-

ного отдела Генмора» (27 января 1918 г.) // РГАВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 650. Л. 5.

[21] *Владимиров О. В., Могильников В. А.* «Я — русский, я — военный, я патриот». Деятельность отечественной военной разведки на примере службы российского морского агента в Швеции, Норвегии и Дании капитана 1 ранга В. А. Сташевского // Военно-исторический журнал. 2004. № 4. С. 34.

[22] *Владимиров О. В.* Указ. соч. С. 15.

[23] «Телеграммы о назначении военно-морского агента в Берлин» (8 апреля – 21 декабря 1918 г). // РГАВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 653. Л. 27.

[24] Переписка с военно-морскими агентами в Англии и скандинавских странах о ликвидации морской разведки. 1917–1918 // РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 102. Лл. 14–15 // Цит. по Ю. Х. Тотров Указ. соч.

[25] Там же. Л. 16.

[26] *Каримов О. В.* Советская военно-морская разведка в годы Гражданской войны // Вопросы истории. 2004. № 7. Сс. 131–138.

С. Е. Виноградов

Модернизационный потенциал боевых кораблей судостроительных программ 1911–1914 гг. и его реализация в РККФ

По принятым в России в 1911–1914 гг. четырём кораблестроительным программам пополнения флота после Русско-японской войны была развёрнута постройка значительного числа боевых кораблей новейших типов. К ним относились 12 дредноутов (8 линейных кораблей и 4 четыре линейных крейсера), 10 лёгких крейсеров, 53 эскадренных миноносца и 30 подводных лодок. Технический уровень этих кораблей не уступал передовым достижениям своего времени. В них были обобщены научные идеи, конструктивная мысль и инженерные решения в основных направлениях развития флота — тяжёлых броненосных артиллерийских кораблей, лёгких надводных сил, подводных лодок.

Большую часть этих кораблей удалось ввести в строй до крушения старого порядка осенью 1917 г. В строй вошли 7 линкоров, 27 эсминцев и 27 подводных лодок. Остальные корабли, находящиеся в различной степени готовности, были приостановлены постройкой. Часть их ввели в строй в 20–30 гг., достроив по частично или кардинально изменённым проектам уже при советской власти.

Вопрос пригодности инженерных решений, положенных в основу этих боевых единиц, для новых условий морской войны, определённых опытом боевых действий на море в 1914–1918 гг., уровень конструктивного предвидения отечественных морских специалистов начала XX в., степень модернизационных возможностей, а также перспектива

военно-технической реновации — все эти аспекты до сих пор не подвергались системному исследованию. В предлагаемом сообщении предпринята попытка краткого анализа опыта модернизации боевых кораблей периода Первой мировой войны в новую, послевоенную, эпоху развития военно-морской техники.

Линейные корабли (линкоры). Поскольку крупнокалиберная ствольная артиллерия — несмотря на интенсивное и неоспоримое развитие морской авиации, подводных лодок и минного оружия — сохранила свои позиции в качестве важнейшего боевого средства морской войны, её главные носители, линейные корабли и крейсера, продолжали оставаться основой военных флотов. В данной ситуации вопрос совершенствования уже существующих и будущих артсистем виделся на основе принципов повышения дальнобойности, увеличения поражающей способности боеприпасов, повышения меткости на основе разработки и внедрения новых средств управления и контроля артиллерийским огнём. Видный отечественный специалист старой школы, бывший штаб-офицер Морского Генерального штаба Н. И. Игнатьев, продолживший службу в РККФ, отмечал в этой связи, что «предел дальности артиллерийского огня кораблей нет причин ограничивать дальностью прямой видимости. Резкое увеличение дистанций боя совершенно очевидно; весьма вероятно положение, когда решительный результат будет достигнут за пределами видимости».[1] Оценивая итоги манёвров морских сил Балтийского и Черного морей в 1925 г. в контексте дальнейшего строительства РККФ, начальник Оперативного управления Штаба РККФ А. А. Тошаков заявлял, что «материальная часть существующего боевого ядра требует модернизации сообразно современному состоянию техники, средств войны на море».[2]

Линкоры. Это определяло основное направление модернизации оставшихся РККФ в наследство от старого флота четырёх линкоров типа «Севастополь» (один подлежал восстановительному ремонту). В докладе командования РККФ председателю РВС СССР М.В. Фрунзе «О состоянии и пер-

спективах развития РККФ» (15 июня 1925 г.) определялись основные направления будущей модернизации. «Два линейных корабля типа «Марат», несмотря на 10-летнюю давность со времени постройки, все же представляют единицы современного порядка, уступая последним типам линейных кораблей иностранных флотов, главным образом — в отношении бронирования, слабости противоаэропланной артиллерии и защиты от подводных взрывов. В целях поддержания их боевых качеств разработан план модернизации, предусматривающий усовершенствование центральной наводки, усиление крупной и противоаэропланной артиллерии, введение средств защиты от отравляющих веществ, установка параванов и полная модернизация приборов связи. Вся разработка модернизации на этих кораблях производится научно-техническими органами РККФ».[3]

Поначалу (в 1922 г.) имели место несколько теоретизированные построения относительно замены на «севастополях» их 12-дм калибра более крупным. Согласно расчётам, в рамках сохранения прежнего водоизмещения получалось разместить в наличных башнях линкоров, при соответствующем переоборудовании, по одному 16-дм (406, 4-мм) или по два 14-дм (355,6-мм) орудия. Первый вариант представлялся неосуществимым ввиду отсутствия готовых орудий, второй подкреплялся наличием восьми 14-дм орудий, поставленных в 1916 и 1917 гг. британской фирмой «Виккерс».[4] В конечном итоге вопрос о замене артиллерии на одном из дредноутов на 14-дюймовую всерьёз не обсуждался — как в силу технически весьма сложных мероприятий, так и по причине предложений о передаче имеющихся орудий на новые береговые батареи, подлежащие постройке. В середине 1920-х гг. такой батареей виделась батарея на Кара-Валдае (южное побережье Финского залива к востоку от меридиана Нарвы), где планировалось соорудить шесть 14-дм одиночных установок.[5]

Постановлением от 16 марта 1926 г. РВС СССР утвердил смету РККФ на судостроение и судоремонт 1925–1926 гг. Этим актом, по утверждению начальника и комиссара Морских сил РККФ В. И. Зофа (Шановича) было «положе-

но начало планомерного восстановления РККФ». Камнем преткновения являлся вопрос о размере ассигнований на модернизацию, исходя из чего проработали три варианта модернизации линкоров — малой, средней и большой (полной). Основной идеей каждого варианта было усиление горизонтального бронирования и улучшение конструктивной защиты корпуса от подводных взрывов.[6]

Первым из линкоров модернизацию в 1928–1931 гг. прошёл «Марат» («Петропавловск»). Его водоизмещение выросло на 500 т, скорость хода при этом увеличилась на 1 узел, хотя число котлов уменьшилось с 25 до 22. В 1931–1934 гг. модернизацию прошла «Октябрьская Революция» («Гангут»), за ней в 1933–1938 гг. «Парижская Коммуна» («Севастополь»). 25 котлов каждого корабля заменили двенадцатью усовершенствованного типа. Башни главного калибра оснастили 6-м дальномерами ДМ-6. Реновация «Парижской Коммуны» была наиболее основательной — помимо всех усовершенствований первых двух линкоров на ней были установлены бортовые противоторпедные наделки — були, угол вертикального возвышения главного калибра увеличен до +40° (это дало увеличение дальнобойности на четверть — с 127 до 156 кб), а толщина брони средней палубы доведена до 75 мм. Водоизмещение корабля достигло 27 тыс. т. по сравнению с 23 300 т. оригинального проекта.

Все три линкора были оборудованы полубаком, увеличившим высоту их надводного борта в носу на 1,5 м, толщина броневых крыш башен увеличена вдвое (до 152 мм). Носовая группа надстроек трансформировалась в развитую систему боевых и наблюдательных постов, отвечающих новым задачам повседневной и боевой деятельности. Котельная установка кораблей теперь работала на жидком топливе. Появилось авиавооружение — каждый корабль получил разведывательный гидросамолёт. Говоря языком морских специалистов, из имеющейся конструкции прежних дредноутов «было выжато всё, что только возможно».

Говоря о больших артиллерийских кораблях — линкорах, следует упомянуть и о четырёх сверхдредноутах типа

«Измаил», строительство которых было начато в Петербурге в 1913 г. Эти корабли сильнейшего типа официально классифицировались как линейные крейсера, хотя на деле представляли собой тип быстроходного линкора. Тяжёлая артиллерия каждого планировалась из двенадцати 14-дм орудий, поэтому в боевом отношении, с учётом прочих тактико-технических характеристик, один «Измаил» расценивался морским командованием как эквивалентный двум линкорам типа «Севастополь». При начале их постройки ещё при старом порядке не удалось избежать некоторого забегания вперёд — так, фабрикация гигантских 14-дм орудий и потребного количества толстой крупноразмерной брони представляла собой крайне напряжённую производственную задачу на фоне явного недостатка наличных отечественных металлургических мощностей. Поэтому передача поковок деталей станков для 14-дм орудий (вес самых крупных из них доходил до 43 т) была передана заграницу (в основном, в Австрию).[7] После начала войны летом 1914 г. это сделало нереальным их получение и сыграло основную роль в невозможности введения в строй хотя бы одного корабля.

Все четыре «измаила» в 1915 и 1916 гг. успешно сошли на воду, хотя впоследствии их достройка была фактически свёрнута в силу вышеизложенных причин. После катастрофических результатов Гражданской войны о достройке этих крупнейших кораблей за всю историю отечественного флота нечего было и думать. Советское правительство, озабоченное задачей скорейшего изыскания валюты для восстановления растерзанной страны, поспешило в 1923 г. продать 3 из 4 кораблей на слом в Германию. Однако правильнее было бы осуществить консервацию хотя бы двух из них для последующего перепроектирования в корабли других классов — предпочтительнее всего, в авианосцы.

Подобные аван-проектные работы в отношении «Измаила» велись в 1925–1926 гг. Заданием было предусмотрено оснащение будущего авианосца «не менее чем 50 самолётами» (12 «торпедо-бомбовозов», 27 истребителей, 6 разведчиков и 5 корректировщиков), артиллерийское вооружение

должно было состоять из 8 180-мм и 8 102-мм орудий. Планировалась бронированная полётная палуба толщиной 50–63 мм.[8] Скорость хода определялась в 30 узлов.[9]

При успешном развитии работ по переделке в авианосец «Измаила» командование РККФ ставило вопрос об обзаведении вторым подобным кораблём, который предполагалось получить на основе конверсии линкора «Фрунзе» (б. «Полтава»). Сметные исчисления на переделку обоих кораблей составляли соответственно 14 334 и 12 734 тыс. руб., расчётные сроки их вступления в строй намечались на 1928 и 1929 гг.[10]

Однако переоборудование по финансовым причинам не состоялось, и «Измаил» в 1931 г. был сдан на слом — данный факт в отношении полуготового корабля, уже оснащённого механизмами, может быть признан вопиющим. Успех Японии, в 20-е гг. осуществившей переделку недостроенного линейного крейсера «Акаги» и быстроходного линкора «Кага» (примерно аналогичных «Измаилу»), в крупные авианосцы, крайне успешные в боевом отношении на Тихом океане в 1941–1942 гг., является ярким примером в данном направлении.

Крейсера. Программами 1912 и 1914 гг. была предусмотрена постройка на верфях Николаева, Петербурга и Ревеля восьми лёгких крейсеров — по 4 для Балтики и Черного моря. Конструктивно корабли для обоих театров минимально различались между собой. Поскольку скорость постройки имела ключевое значение, а отработанной орудийной башенной установки для будущих крейсеров пока не было, пошли на размещение их пятнадцати 130-мм орудий в одиночных установках на палубных станках. Большим преимуществом русского типа крейсера являлся 75-мм броневой пояс по ватерлинии из крупповских цементированных плит. Это выводило защищённость проекта на наивысший уровень среди всех тогдашних лёгких крейсеров.

Как и в отношении линкоров, в начале 20-х гг. появились предложения об оснащении неоконченных постройкой крейсеров новым составом артиллерийского вооружения. В 1922 г. Николаевским госзаводом (б. ОНЗиВ) по заданию начальни-

ка морской артиллерии Г. Н. Пелля были составлены 2 варианта перевооружения крейсера «Адмирал Нахимов». Первый состоял в установке 3 8-дм/50 орудий за счёт отказа от 4 130-мм орудий, второй — в снятии всей 130-мм артиллерии и замене её на шесть 8-дм орудий.[11] Водоизмещение корабля практически не страдало. Последний вариант даже приглянулся командованию РККФ, как имеющий «громадные тактические преимущества», однако опасения относительно значительных затрат времени на крупные переделки практически готового корабля не позволили перейти к практической реализации этой интересной идеи. В середине 1923 г. она была оставлена окончательно, и корабль вошёл в строй в 1927 г. с оригинальным составом артиллерии.[12]

Однако план капитальной модернизации одного из полуготовых крейсеров всё же имел место. Этим кораблём стал «Красный Кавказ» (б. «Адмирал Лазарев», сошёл на воду в Николаеве в июне 1916 г.). В марте 1926 г. РВС был принят проект достройки крейсера по кардинально модифицированному проекту. Его изюминкой был совершенно переработанный состав артиллерии: вместо 15 130-мм пушек теперь основу вооружения крейсера составляли 4 новейших 180-мм орудия, по одному в башне. Орудия имели угол возвышения 60°, что позволяло рассчитывать на дальнобойность до 220 кб — наибольшую во всём РККФ. Зенитное вооружение, состоящее из 8 100-мм орудий, впоследствии неоднократно усиливалось. Крейсер мог брать на борт до 120 якорных мин заграждения. Корабль вступил в строй в начале 1932 г. Водоизмещение выросло на 1400 т (18,5%), скорость хода понизилась на один узел. Корабль был оснащён пневматической катапультой для запуска двух гидропланов-разведчиков. Бронирование осталось прежним.

Эскадренные миноносцы. Эсминцы программ пополнения флота 1911–1914 гг. (всего запланировано 53 ед.) представляли собой достаточно однородную в тактико-техническом отношении группу крупных (для своего класса) и быстроходных кораблей, выгодно отличавшихся от зарубежных сверстников усиленным составом торпедно-артиллерий-

ского вооружения. По проекту русские эсминцы несли по 2–3 102-мм орудия и по 10–15 торпедных аппаратов, а их основной довоенной идеей был массированный торпедный удар в дневном бою главных сил по линкорам и крейсерам противника. Именно реализации данной задачи была подчинена подобная высокая насыщенность ударным вооружением, которой не знало зарубежное военное кораблестроение.

Вступающие в строй, начиная с 1914–1915 гг., новые эсминцы в плане вооружения дорабатывались в соответствии с новыми реалиями боевых действий на море, превратившись в универсальные быстроходные корабли, пригодные как для действий торпедами и артиллерией, так и минных постановок, дозорной и разведочной службы. За счёт снятия одного торпедного аппарата они довооружались 1–2 орудиями, а также зенитной артиллерий и могли нести до 60 мин заграждения на борту. Их боевой счёт в 1915–1916 гг. был замечателен. Появление в составе флота кораблей этого класса способствовало появлению таких новаторских тактических приёмов, как залповая торпедная стрельба, взаимодействие эсминцев с гидроавиацией, активные минные постановки в водах противника.

Шесть кораблей из числа заложенных в 1913–1916 гг. были достроены в 20-е гг. уже для РККФ. В целом степень соответствия типов больших турбинных эсминцев признавалась в середине 1920-х гг. советскими экспертами вполне отвечающей текущему уровню состояния военно-морских вооружений. В докладе руководства РККФ Наркомвоенмору М. В. Фрунзе от 23 июня 1925 г. отмечалось, что состоявшие на этот момент в Балтийском флоте «восемь однотипных эскадренных миноносцев типа «Новик», вошедших в строй в 1915–1917 гг., (…) значительно износились (...) не будучи устаревшими по типу».[13] Проектом пятилетней программы строительства Морских Сил РККФ (доклад начальнику Штаба РККА С. С. Каменеву от 2 июля 1925 г.) предполагалось иметь на Балтийском и Чёрном морях соответственно по двенадцать и восемь эсминцев.[14] Эти корабли, последовательно довооружаясь зенитной артиллерией новых типов,

сохранили основной состав их оригинального торпедно-артиллерийского вооружения. Они послужили опытными площадками для испытания ряда новых образцов морского оружия (орудий, мин и глубинных бомб), а эсминец «Энгельс» в сентябре 1934 г. — даже огромного 12-дм орудия конструкции изобретателя Л. В. Курчевского. В 1941–1945 гг. три эсминца-«новика», входивших в состав Северного флота, успешно несли в тяжёлых арктических условиях службу наравне с более крупными и совершенными эсминцами новых типов постройки рубежа 30–40-х гг.

Единственным крупным классом боевых кораблей программ 1911–1914 гг., полностью потерявшим своё боевое значение в 20-е гг., стали подводные лодки. Это отчётливо понимало командование РККФ, признававшее, что «даже модернизация не улучшит их тактические свойства».[15] С начала 30-х гг. их было решено последовательно исключать из состава боевого флота, заменяя подлодками новой постройки.

Следует отметить, что скоропалительные решения советского государственного руководства в 20-е гг. о сдаче на слом большинства кораблей прежнего царского флота, как устарелых типов, так и многих новых, программ 1911–1914 гг., приостановленных постройкой, не могут оправдываться сложностью переживаемого страной момента. Корабли, в которые были аккумулированы гигантские финансовые средства и грандиозные усилия всей страны, стали бы весомым подспорьем для развития флота уже в 30-е годы, когда в стране было развёрнуто создание полноценных ВМС.

Великая Отечественная война стала серьёзным и суровым испытанием на прочность для кораблей, спроектированных и начатых постройкой в царской России. Модернизированные в 20–30-е гг., они достойно сражались в составе РККФ и вынесли на себе немалую долю боевой работы наряду с кораблями, разработанными и построенными уже в советское время. Их боевая устойчивость не уступала, а зачастую и превосходила характеристики кораблей советской постройки.

Так, стоявший в гавани Кронштадта «Марат» 23 сентября 1941 г. получил две полутонные авиабомбы, вызвавшие детонацию боезапаса погребов носовой башни главного калибра. Корабль наполнился водой и сел на грунт. Но уже 31 октября его корпус был загерметизирован, вода откачена и две башни возобновили огонь, а через неделю начала стрельбу третья башня. Вклад корабля в оборону Ленинграда в 1941–1944 гг. невозможно переоценить.

Крейсер Черноморского флота «Красный Кавказ», испытавший 4 января 1942 г. воздействие разрывов четырёх полутонных германских авиабомб, получил три крупные пробоины, через которые принял до 1800 т воды (30% запаса плавучести), отчего корма по четвёртую башню ушла под воду. Однако корабль оказался способен в условиях шестибалльного волнения самостоятельно совершить семиузловым ходом 180-мильный переход до Туапсе, а затем в Поти. Здесь он встал в крупный ремонт по корпусной и механической части, в условиях плохо оборудованной ремонтными средствами базы растянувшийся на 8 месяцев. В августе 1942 г. крейсер вернулся в строй и продолжил боевую службу.

Корабли сохраняли мореходность в условиях жесточайших штормов. Хрестоматийным примером является эпизод с линкором «Парижская Коммуна» и крейсером «Профинтерн», оказавшимися в декабре 1929 г. в Бискайском заливе в условиях жестокого шторма. В течение 48 часов 2–4 декабря корабли пытались преодолеть шторм, двигаясь по назначению из Бреста в Гибралтар, но были вынуждены вернуться в гавань, где отстаивались 36 часов. 7-го они вышли в море, однако 10-го опять вернулись. Шторм достиг ураганной силы — ветер до 12 баллов, волны высотой 10 м и длиной до 120. Линкор и крейсер получили множественные повреждения палубных устройств, зарываясь носом в волну. Лишь 24 декабря, произведя необходимый ремонт, корабли вышли по назначению.[16]

Превосходная мореходность эсминцев-«новиков» иллюстрируется участием «Карла Либкнехта» (б. «Капитан Белли») в обеспечении эвакуации дрейфующей поляр-

ной станции И. Д. Папанина СП-1 в феврале 1938 г. Операция проходила в высоких арктических широтах при шторме до 11 баллов, крен корабля доходил до 45°. В ходе ещё одного эпизода — штормового плавания «Либкнехта» 2 октября 1939 г. (11–12 баллов) — корабль почти лишился пера руля (осталось 25% его площади), но сохранил ход, плавучесть и остойчивость и продолжил выполнение боевой задачи. 20 ноября 1942 г. «Куйбышев» (б. «Капитан Керн») и «Урицкий» (б. «Забияка») в условиях 11-балльного шторма участвовали в спасении экипажа эсминца советской постройки «Сокрушительный» (проект 7), у которого ударами волн была оторвана корма. В ходе спасательных работ был снят 191 человек.

Все приведённые выше, а также ряд других примеров, наглядно подтверждают высокую надёжность, эксплуатационные характеристики и качество постройки русских боевых кораблей программ 1911–1914 гг., производной которых являлся их значительный модернизационный потенциал. Необходимо отметить, что в условиях, подобных описанным выше, корабли более поздней, советской постройки, страдали гораздо сильнее и даже гибли.

Обращение к теме модернизации боевых кораблей, спроектированных и начатых постройкой в России последних лет царской власти, представляется актуальным и в контексте сегодняшнего дня. Изучение этого вопроса позволяет лучше понять перспективные возможности наличных систем и разновидностей вооружений (включая боевые корабли), в том числе в контексте переживаемого в настоящее время нашей страной военно-политического момента.

Примечания

[1] РГАВМФ. Ф. р-303. Оп. 2. Д. 162. Л. 6.
[2] РГВА. Ф. 33989. Оп. 1. Д. 7. Л. 156.
[3] РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 105. Л. 11 об.
[4] РГАВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 1423. Л. 163.

[5] РГАВМФ. Ф. р-891. Оп. 2. Д. 4. Л. 2; РГВА. Ф. 33989. Оп. 1. Д. 7. Л. 162.

[6] РГАВМФ. Ф. р-910. Оп. 1. Д. 72.

[7] РГАВМФ. Ф. 401. Оп. 1. Д. 660. Л. 59.

[8] РГАВМФ. Ф. р-12. Оп. 2. Д. 87. Л. 101.

[9] Там же. Л. 150.

[10] Там же. Л. 399, 420.

[11] РГАВМФ. Ф. р-12. Оп. 2. Д. 100. Л. 45.

[12] РГАВМФ. Ф. р-1. Оп. 3. Д. 1990. Л. 102.

[13] РГВА. Ф. 4. Он. 2. Д. 105. Л. 12.

[14] РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 649. Л.2, 3.

[15] РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 105. Л. 12 об.

[16] РГАВМФ. Ф. р-315. Оп. 2. Д. 154. Л. 3–15; ЦВММ. Фотонег. фонд. НВ-149.2.

А. Д. Федечкин

Артиллерия русских броненосных крейсеров в Рабоче-Крестьянском Красном флоте (по материалам РГАВМФ)

К лету 1918 г. сложная экономическая обстановка в стране, тяжкие условия кабального Брестского мира, недостаток топлива и личного состава вынуждали высшее военно-морское командование Советской республики начать постепенное сокращение Морских сил Балтийского моря. Их состав в соответствии с техническим состоянием и боеготовностью предлагалось разделить на три категории — действующий флот, вооружённый резерв и корабли, передаваемые на долговременное хранение.[1] К последней группе отнесли и броненосные крейсера «Рюрик», «Адмирал Макаров», «Баян», «Россия» и «Громобой», обладавшие поясной защитой по ватерлинии и сильной 8–10 дюймовой (203–254 мм) артиллерией главного калибра.

Вступив в строй в 1897–1911 гг., они представляли собой воплощение различных концепций развития отечественных кораблей крейсерского назначения и к началу Первой мировой войны уже не считались современными представителями своего класса. Тем не менее, заложенные при проектировании достаточно высокие тактико–технические характеристики позволили им принять активное участие в операциях против германского флота на Балтике, включая действия на коммуникациях и минные постановки в неприятельских водах. При этом широкие возможности по модернизации обеспечили в 1915–1916 гг. проведение серьёзного перевооружения «России», «Громобоя», «Адмирала Макарова»

и «Баяна». Установка дополнительных 8”/45 и 6”/45 орудий заметно увеличила огневую мощь этих кораблей.

Однако к середине 1918 г. высокий технический износ машин и котлов привёл к значительному снижению скорости хода, что делало указанные боевые единицы малопригодными даже для обороны восточной части Финского залива в качестве плавучих батарей.[2] В значительной степени утратил прежний боевой потенциал и наиболее мощный из балтийских крейсеров — «Рюрик», требовавший серьёзного и продолжительного ремонта. «По приведению в готовность может дать ход в 15 уз., но участвовать в бою с равным противником не может…» — говорилось в заключении комиссии, осматривавшей корабль летом 1918 г.[3]

В итоге, к осени того же года, когда «угрожающее положение Петрограда и неразрывно связанное с ним положение флота понемногу стало улучшаться», все пять броненосных крейсеров ввиду неудовлетворительного технического состояния и катастрофической нехватки топлива решено было вывести из боевого состава и передать на долговременное хранение в порты.[4] При этом, из-за тихоходности и относительно слабого бронирования, последующее восстановление «России», «Громобоя», «Адмирала Макарова» и «Баяна» признавалось нецелесообразным.[5]

Наряду с прекращением отопления от бортовых котлов, консервацией главных и вспомогательных механизмов, с кораблей надлежало демонтировать часть артиллерии и выгрузить оставшийся на борту боезапас.. В первую очередь разоружить предполагалось наиболее устаревшие «Россию» и «Громобой», с которых до начала ноября 1918 г. предписывалось снять все палубные и казематные 6” установки. К тому времени оба корабля находились в Кронштадте («Россия» возле Константиновского дока, «Громобой» — у стенки Пароходного завода), что значительно облегчало параллельное ведение на них работ силами одного порта. Однако из-за ограниченного числа портовых кранов и нехватки плавсредств для транспортировки орудий их демонтаж продвигался крайне медленно. Большую сложность

представлял значительный объём подготовительных работ, включавший снятие и укупорку прицельных устройств, замков, очистку каналов стволов от ржавчины, комплектование положенными по штату запчастями и принадлежностями. Снимаемые тела орудий переносились при помощи кранов на подведённые к борту баржи отдельно от станков, которые перед выгрузкой с корабля требовалось разобрать, тщательно проверив и смазав составные части и механизмы.

При этом серьёзной проблемой, влияющей на сроки завершения демонтажа артиллерии, стала малочисленность и неопытность личного состава, зачастую совершенно незнакомого с материальной частью и попавшего на корабли уже после начала работ.[6] Например, в ноябре 1918 г. в разгар работ по снятию орудий экипажи «России» и «Громобоя» насчитывали не более 75–80 «военморов», из которых лишь единицы имели артиллерийские специальности. В дальнейшем, в связи с убытием части моряков на сухопутный фронт, их количество продолжало сокращаться.[7] Большая нехватка квалифицированных кадров наблюдалась и среди осуществлявшего значительную часть работ гражданского персонала пароходного завода и мастерских Кронштадта, откуда в указанный период наблюдался массовый «отток мастеровых в Петроград и на родину».[8]

Эти обстоятельства значительно удлинили сроки разоружения обоих крейсеров, в результате чего лишь к середине декабря 1918 г. с них удалось демонтировать все 6”/45 установки системы Канэ (14 с «России» и 20 с «Громобоя»), отправленные затем на Обуховский сталелитейный завод для дальнейшего распределения. Ещё медленнее работы по снятию среднекалиберной артиллерии велись на «Адмирале Макарове» и «Баяне», находившихся в Петрограде у Нового Адмиралтейства. К концу года с них было выгружено лишь по четыре 6”/45 орудия из 12 имевшихся на каждом крейсере. Но, несмотря на значительные трудности, до весны 1919 г. с балтийских броненосных крейсеров демонтировали пятьдесят восемь 6” скорострельных пушек. Позже, в июне – августе это число пополнили и двадцать 120мм/50 установок «Рюрика».[9]

В тот же период на кораблях приступили к демонтажу 8” артиллерии. Из-за сложности и трудоёмкости работ снятию подлежали главным образом палубные и казематные орудия «России» и «Громобоя», с которых в течение года были выгружены все четырнадцать 8”/45 установок.[10] Ещё два палубных орудия того же калибра сняли с «Адмирала Макарова» и «Баяна», сохранивших, вместе с тем, свои уникальные 8” одноствольные башенные артустановки (их выгрузили лишь в 1922 г. перед продажей кораблей на слом).[11] Общее же число демонтированных с броненосных крейсеров орудий составили не менее 2/3 всей крупно- и среднекалиберной артиллерии, снимаемой с выводимых из боевого состава кораблей.

Не менее сложной оказалась проблема выгрузки имевшихся боеприпасов. Главную трудность представляло отсутствие на крейсерах работоспособных источников постоянного тока для питания артиллерийских элеваторов, подать который с берега подобно отоплению и освещению не представлялось возможным. Не удалось воспользоваться и электрогенераторами с находящихся в строю кораблей. Так, в конце августа 1919 г. начальник Кронштадтской морской базы запрашивал начальника Действующего отряда о возможности подачи на «Россию» постоянного тока в 50А с одного из эсминцев типа «Новик». Однако из-за «малоудовлетворительного» состояния их динамомашин это нестандартное решение осталось нереализованным.[12] Многочисленный боезапас пришлось выгружать отдельными партиями при помощи ручной системы подачи, что в условиях некомплекта личного состава сильно затрудняло ведение работ. Ускорить их пытались при помощи формирования сводной рабочей роты из состава команд больших кораблей и выплаты морякам денежного вознаграждения от портового управления.[13] В итоге, к началу 1920 г. только с «России» и «Громобоя» удалось переправить на береговые склады до 7200 6” и 8” выстрелов. Это составило около половины (47%) имевшихся в распоряжении Кронштадтского порта снаряженных артиллерийских боеприпасов соответствующих калибров.[14]

Снимаемая с броненосных крейсеров артиллерия и боезапас направлялись прежде всего для оснащения формируемых многочисленных речных и озёрных флотилий. Для них морские силы Балтийского моря, Кронштадтский и Петроградский порты выполняли функции своеобразного резервуара, откуда «черпались все необходимые для вооружения и оборудования (…) средства».[15] При этом, как вспоминал позже один из «военспецов» РККФ А. А. Соболев, «в первый период гражданской войны (1918 – начало 1919 гг.) (…) ресурсы Балтийского флота были столь значительны, что их хватало на удовлетворение всех заявок потребностей».[16]

Так, 8”/45 орудия «Громобоя» и «России» поступили на вооружение Онежской военной флотилии, созданной летом 1918 г. Главной задачей объединения являлось оказание поддержки сухопутным частям, действующим в Карелии против белофинских войск, а также защита «северных водных рубежей, в том числе обеспечение свободного судоходства по Мариинской системе».[17] Помимо этого, несколько 6”/45 установок с «Баяна» и часть 120мм/50 орудий «Рюрика» использовались на Северной Двине и Волге. Ими вооружались импровизированные канонерские лодки, наскоро переоборудованные из речных пароходов (например, «Богатырь», «Волгарь-доброволец», «Авангард революции»), а также несамоходные баржи, обращённые в плавучие артиллерийские батареи.[18] Например, осенью 1919 г. два подобных сооружения — плавбатареи №1 и №2 водоизмещением 188 и 265 т, оснащённые одной 8”/45 и одной 3” зенитной пушками, вошли в состав Онежской, а ещё три — «Москва», «Туркестан» и «Канск» с двумя 6”/45 орудиями — в состав Северо-Двинской флотилий.

Большой вес артсистем и значительные нагрузки при выстреле требовали тщательного подбора и серьёзной предварительной подготовки мобилизуемых судов и плавсредств. Наиболее распространённым мероприятием стала установка металлических листов под орудия, а также дополнительных палубных стрингеров и пиллерсов. Подобная схема подкреплений оказалась весьма жёсткой и практически не гаси-

ла усилия отдачи при стрельбе, передавая их на корпусной набор. В результате чего через несколько десятков выстрелов «некоторые суда выходили из строя совсем или требовали значительного ремонта».[19] Подобный случай, например, имел место в октябре 1919 г., когда одна из двух плавбатарей Онежской военной флотилии, оснащённых 8”/45 орудиями с броненосных крейсеров, получила сильные повреждения при стрельбе и была направлена на ремонт в Петроград.[20]

Наряду с этим, большая изношенность снятых с кораблей артсистем и их интенсивное применение наряду с высокими начальными скоростями снарядов требовали частой смены стволов и создания в пунктах базирования большого запаса последних. Данные обстоятельства привели к заметному снижению количества 6” и 8”установок, имевшихся в распоряжении Кронштадтского порта. На его складах к декабрю 1919 г. оставалось лишь одно исправное 8”/45 с «России» и пять 6”/45 орудий, два из которых были демонтированы с «Громобоя».[21]

Первоначально действие тяжёлой морской артиллерии красных военных флотилий не отличалось большой эффективностью, чему в немалой степени способствовала низкая дисциплина огня. Даже при наличии на берегу или в боевых порядках поддерживаемых сухопутных частей корректировочных постов пристрелка часто велась «на глазок», а «число даром и без нужды выпущенных снарядов никого не смущало». Лишь во второй половине 1919 г. привлечение артиллерийских специалистов из числа бывших морских офицеров и разработка простейших правил стрельбы дали возможность заметно повысить её качество. «Залповый огонь из нескольких морских орудий, — отмечал позже один из участников Гражданской войны, — производит на войска впечатление, способное часто вызвать панику и бегство. Впечатление усиливается, когда залпы быстро следуют один за другим и снаряды ложатся удачно. Если же обстрел направлен в тыл противника и достаточно продолжителен с изменением прицела, то моральное действие настолько значительно, что превышает результаты частичного поражения.

На своих же один внешний вид морской пушки, с длинным дулом, большим углом возвышения, высокой тумбой и внушительным снарядом производит самое благоприятное впечатление. Усиливается вера в успех и крепнет надежда на действительную поддержку...». [22]

В результате ни одна крупная армейская и фронтовая операция, проводившаяся в полосе действия красных речных и озёрных флотилий, не обходилась без массированного применения имевшейся морской артиллерии. Так, плавбатареи Онежской флотилии приняли активное участие в Видлицкой десантной операции и штурме позиций белых у Медвежьей Горы, сыгравших важную роль при обороне северных подступов к Петрограду. Помимо этого, пушки с броненосных крейсеров Балтийского флота использовались в боях на Северной Двине, Волге, а также на Каспии, куда к началу 1920 г. было направлено одно 8”/45 орудие.[23] Наличие тяжёлой артиллерии обеспечило, по признанию противника, заметное преимущество красных сил «по вооружению и всем другим боевым элементам».[24]

Помимо речных и озёрных флотилий снимаемая с крейсеров артиллерия направлялась на усиление береговой обороны. Так, в январе 1919 г. восемь 6”/45 орудий «России» поступили на вооружение флотилии Советской Латвии.[25] Установленные на береговых батареях крепости Усть-Двинск, они четыре месяца спустя приняли участие в обороне Риги, ведя огонь по наступавшим на город частям немецкого корпуса генерала фон дер Гольца.[26]

Весной 1919 г. в целях усиления артиллерии Кронштадтской крепости на фортах № 6 и «Константин» были установлены по четыре 6”/45 орудия «Громобоя». Позже для них с крейсера передали и необходимый боезапас в количестве 980 выстрелов с фугасными снарядами.[27] Эти артсистемы оставались в строю более четверти века, приняв участие в обороне Ленинграда в 1941–1944 гг. и были демонтированы лишь в 1946 г. При этом два орудия переданы на крейсер «Аврора» и в настоящее время находятся в его экспозиции.[28]

Выход Красной армии весной 1920 г. к побережью Азовского моря позволил советскому командованию приступить к созданию на данном театре военной флотилии. Для её вооружения из Петрограда и Нижнего Новгорода направлялось более трёх десятков установок различных калибров, включая пять 8”/45 с броненосных крейсеров. Из-за крайне неудовлетворительной работы железнодорожного транспорта переброска материальной части шла медленно, требуя, по воспоминаниям известного историка отечественной морской артиллерии Г. Н. Четверухина, не менее двух месяцев на продвижение только одного эшелона.[29] В итоге все необходимые артсистемы и боезапас удалось получить лишь к осени того же года. Но недостаточное количество мобилизованных судов и плавсредств, пригодных для оснащения тяжёлыми орудиями, заставило направить последние на вооружение береговых батарей. Так, например, в сентябре 1920 г. две 8”/45 пушки установили на временных основаниях на подступах к Мариуполю, однако эти артсистемы пришлось взорвать при отступлении красных частей.

С окончанием Гражданской войны в условиях разрухи и полного экономического коллапса советским правительством было принято решение о продаже на слом большей части кораблей Балтийского флота. В это число включили и находившийся на долговременном хранении «Рюрик». Демонтируемое с него оставшееся вооружение передавалось Артиллерийскому управлению РККА для установки на береговых батареях Петроградского укреплённого района. Первоначально 10” орудиями крейсера планировалось вооружить форт «Передовой» (б. «Серая Лошадь»), а позже «Первомайский» (б. «Тотлебен»). Туда летом 1923 г. доставили обе башни главного калибра, однако в связи с неудовлетворительным техническим состоянием их механизмов и устройств, требовавших значительного ремонта, большим износом стволов и отсутствием запасного комплекта этот проект остался нереализованным.[30]

Гораздо больше повезло 8” установкам, в 1925–1927 гг. смонтированным на фортах «Первомайский» и «Красноар-

мейский» (б. «Обручев»). С учётом опыта мировой войны башни (по две на каждом укреплении) были герметизированы, оснащены системами противохимической защиты, а в начале 30-х гг. на них увеличили угол вертикального наведения орудий и усилили бронирование. В обновлённом качестве башенные установки «Рюрика», входившие в состав 11-го (форт «Первомайский») и 12-го («Красноармейский») отдельных дивизионов береговой обороны КБФ, приняли участие в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. Вновь вести огонь по противнику им пришлось уже в сентябре 1941 г., отражая натиск финских войск, продвигавшихся к Ленинграду со стороны Карельского перешейка. Боевая работа «рюриковских» орудий продолжалась до самого снятия блокады, причём только в январе 1944 г. во время контрнаступления войск Ленинградского фронта ими было выпущено более 1000 снарядов. Установки крейсера находились на вооружении Кронштадтского укрепрайона до середины 50-х гг. и лишь с расформированием дивизионов были демонтированы и отправлены на переплавку.

Таким образом, артиллерия отечественных броненосных крейсеров, высокая огневая мощь которой являлась отличительной чертой этих кораблей, построенных задолго до Октябрьской революции, стала на переломном этапе истории серьёзным подспорьем для зарождавшегося Рабоче-Крестьянского Красного флота. На протяжении ряда лет она способствовала дальнейшему укреплению военно-морской мощи страны, в то время как накопленный опыт по использованию снятых орудий был востребован советскими специалистами, с успехом применявшими его в годы Великой Отечественной войны.

Примечания

[1] Гражданская война. Боевые действия на морях речных и озерных системах. Т. II, часть 1. — Л., 1926. С. 96.

[2] РГАВМФ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 24. Л. 65об.; Ф. 479. Оп. 3. Д.171. Л. 4–5.;Ф. р-92. Оп. 10. Д. 104. Л. 1.

[3] РГАВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 187. Л. 69.

[4] РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 167. Л. 4.

[5] РГАВМФ. Ф. р -342. Оп. 1. Д. 31. Л. 8.

[6] РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 266. Л. 55.

[7] РГАВМФ. Ф. р-1390. Оп. 1. Д. 81. Л. 2, 15, 31.

[8] РГАВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д .31. Л. 99.

[9] РГАВМФ. Ф. р-50. Оп. 1. Д .58. Л .67.

[10] РГАВМФ. Ф. р-50. Оп. 1. Д .58. Л. 1–3.

[11] РГАВМФ. Ф. р-305. Оп. 2. Д. 326. Л. 80.

[12] РГАВМФ. Ф. р-50. Оп. 1. Д .49. Л. 120.

[13] РГАВМФ. Ф. р-305. Оп. 1. Д. 760. Л. 118–122об.; Д. 778. Л. 44.

[14] РГАВМФ. Ф. р-50. Оп. 1. Д.13. Л. 70, 181, 189об.

[15] *Стасевич П.Г.* Кампания Волжской флотилии на реке Каме в 1919 г. — Л.: ВМА РККА, 1930. С.12.

[16] *Соболев А.* Красный флот в войне 1918–1921 гг. //Морской сборник. 1922, № 12. С. 39.

[17] РГАВМФ. Ф. р-124. Оп. 1, д.18. Л.21.

[18] *Бережной С.С., Лысикова Т.Д., Гигаури В.С. и др.* Корабли и вспомогательные суда советского Военно-Морского Флота (1917–1927 гг.) (Справочник) — М.: Воениздат, 1981. С.17.; Виноградов С.Е., Федечкин А.Д. Броненосный крейсер «Рюрик». Флагман Балтийского флота. — М.: Коллекция: Яуза: ЭКСМО, 2010. С. 152.

[19] *Стасевич П.Г.* Кампания Волжской флотилии на реке Каме в 1919 г. — Л.: ВМА РККА, 1930. С.11.

[20] РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 266. Л. 427.

[21] РГАВМФ. Ф. р-50. Оп. 1. Д .58. Л. 76.

[22] Морская артиллерия в речной войне в 1918 и 1919 гг. — Птрд., 1920. С. 11.

[23] РГАВМФ. Ф. р-50. Оп. 1. Д. 81. Л. 95.

[24] *Вирен Р.Э.* Каспийская военная флотилия в период гражданской войны 1919–1920 //Бизертинский морской сборник 1921–1923. Избранные страницы. — М.: Согласие, 2003. С. 320.

[25] РГАВМФ. Ф. р-50. Оп. 1. Д. 58. Л. 6.

[26] *Мордвинов Р.Н.* Курсом «Авроры». — М., 1952. С. 278.

[27] РГАВМФ. Ф. р-52. Оп. 1. Д. 104. Л. 88.

[28] РГАВМФ. Ф. р-50. Оп. 1. Д. 13. Л. 52.

[29] *Четверухин Г. Н.* Сполохи воспоминаний. //Морской сборник. 1990, № 12. С. 87.

[30] РГАВМФ. Ф. р-423. Оп. 1. Д. 157. Л. 228.

С. В. Куликов

Материалы военно-морских игр как источник по истории отечественного Военно-Морского Флота на рубеже эпох (1910–1929 гг.)

В конце XIX – первой половине XX столетия военные игры прочно вошли в систему подготовки офицерских кадров ведущих армий и флотов мира. Изобретенная в своем современном виде в первой четверти XIX столетия в Пруссии, в России в 1871 г. военная игра уже была включена в программу подготовки слушателей Николаевской академии Генерального штаба[1]. А в 1895–1896 учебном году стратегическая военно-морская игра была введена в качестве практических занятий по прикладной стратегии для слушателей курса военно-морских наук Николаевской морской академии[2]. Следует отметить, что для слушателей курса военно-морских наук стратегическая игра являлась мероприятием аттестационным.

Неудачная для России Русско-японская война выявила серьезные недостатки в системе подготовки кадров для русского флота. В области стратегических военно-морских игр, проводимых в Николаевской морской академии главными недостатками были разрыв между теорией (военно-морской наукой) и практикой (военно-морским искусством), а так же слишком сжатые сроки, выделявшиеся на подготовку и проведение игры.

В связи с серьезными финансовыми трудностями, в период с 1906 по 1909 г. стратегические военно-морские игры в Николаевской морской академии не проводились[3]. В этот период стратегическая военно-морская игра была заменена

защитой аттестационной письменной работы на заданную тему[4]. Несмотря на то, что практически все слушатели подходили к выполнению и защите этих работ очень ответственно, профессорско-преподавательский состав Николаевской морской академии признал опыт защиты письменных работ неудачным.

Возобновление практики проведения стратегических игр в Николаевской морской академии связано с реформированием системы военно-морского образования. Вместо ранее существовавшего курса военно-морских наук, в 1910 г. в академии был создан военно-морской отдел. Срок обучения на военно-морском отделе составлял два года. Кроме того, слушатели, показавшие особо выдающиеся результаты в ходе обучения, получили возможность продолжить образование на дополнительном курсе (срок обучения 7 месяцев), что давало им в дальнейшем право на занятие должностей в Морском Генеральном штабе.

Изменение сроков обучения позволило руководству военно-морского отдела академии подойти к подготовке и проведению стратегических игр более системно. В 1911 г. были приняты временные правила[5], а в 1912 г. введена постоянная «Инструкция для ведения практических занятий по прикладной стратегии в Николаевской морской академии» (далее по тексту — Инструкция 1912 г.)[6]. Темы стратегических игр слушателей Николаевской морской академии 1910–1914 гг., с указанием особенностей их проведения приведены в таблице 1.

Таблица 1

Темы стратегических военно-морских игр, проведенных в период 1910 — 1914 гг.[7]

№ п/п	Учебный год	Тема игры	Примечания
1	1910–1911	Война Швеции с Россией	
2	1911–1912	Военные действия на Балтийском море в Европейской войне 1911–1912 годов.	

№ п/п	Учебный год	Тема игры	Примечания
1	1910–1911	Война Швеции с Россией	
2	1911–1912	Военные действия на Балтийском море в Европейской войне 1911–1912 годов.	
3	1912–1913	Военные действия на Балтийском море в ходе войны с Германией в 1915 году.	Точное название темы игры не установлено и сформулировано в соответствии с материалами игры
3	1913–1914	Война России и Франции с коалицией в составе Австрии, Италии и Турции в 1918 году, совместные с армией операции русских Балтийского и Черноморского флотов	В соответствии с замыслом игры основные силы русского Балтийского флота разворачивались в Средиземное море для совместных действий с Французским флотом.

В Инструкции 1912 г. указывалось: *«Практические занятия по прикладной стратегии имеют целью изучение обстановки и условий подготовки и ведения современной войны, и практику в применении теоретических положений учения о войне...»*[8]. А сущность стратегической игры состоит в том, что *«партии слушателей, составившие коллективным трудом планы кампаний, имеют практику, как в применении этих планов, так и в дальнейшем их развитии, сообразно с постепенно развивающейся перед ними обстановкой»*[9].

Прикладная стратегия по новой схеме академического курса (для военно-морского отдела) составляла вторую часть (III и IV разделы) курса «Учение о войне» (III раздел — подготовка войны, IV раздел — ведение войны). Новая система подготовки офицеров флота предполагала, что практические занятия по прикладной стратегии делятся на занятия по подготовке войны (проводились в течение первого года обучения) и занятия по ведению войны. Последние, в свою очередь, подразделялись на занятия по «Выполнению стратегических операций» (проводились в течение второго года обучения) и «Двустороннее выполнение операций» (соб-

ственно «стратегическая игра», проводилась на дополнительном курсе с активным привлечением слушателей младшего и старшего курсов академии)[10].

В соответствии с Инструкцией 1912 г. определялся следующий порядок подготовки игры. Подготовка к игре заключалась в «работах общих», без разделения участников на соревнующиеся коллективы (младший курс), и «работах специальных», ведущихся с соблюдением обоюдной тайны (старший курс).

В ходе занятий по подготовке к войне слушатели младшего курса должны были произвести:

• описание театра войны в указанных им границах;

• описание указанных им флотов.

Описание театра войны должно было состоять из ряда военно-статистических карт, схем, планов, сводных таблиц, графиков и пояснительных записок. Важная часть статистических данных содержалась в пояснительных записках о материальной части флота, к которым прилагались сводные таблицы, графики и схемы, и которые должны были включать следующие разделы[11]:

• материальная часть;

• личный состав;

• организация.

Предусмотрен был Инструкцией 1912 года и еще один, новый, вид работ в области военно-морской географии и статистики. После завершения младшего курса академии слушатели должны были проверить и дополнить выполненные ими теоретические работы по описанию театра войны фактическими данными, для чего откомандировывались на тот или иной театр[12]. Так, например, в 1911 г., в период летних практических занятий слушателями военно-морского отдела были выполнены 17 практических работ по Балтийскому театру, в том числе[13]:

• «Военно-статистическое описание Либавы и порта Императора Александра III»;

• «Военно-статистическое описание северного берега Финского залива»;

• «Военно-статистическое описание южного берега Финского залива»;

• «Военно-статистическое описание Санкт-Петербурга»;

• «Описание шхерного района Поркалла-Удд–Свеаборг»;

• «Стратегическое значение Гогландской позиции и ее оборудование».

После завершения общих подготовительных работ дальнейшая подготовка велась уже по партиям с соблюдением обоюдной тайны. Отправной точкой для начала второго этапа подготовительных работ служило получение игровыми коллективами (партиями) задания. Как правило, задание для стратегической игры содержало следующие элементы[14]:

1) состав сил каждой стороны;

2) политическую обстановку, ясно очерчивающую отношение не участвующих в войне сопредельных государств к каждой из воюющих сторон;

3) основную операционную линию (замысел действий) для каждой стороны;

4) обстановку начала военных действий.

Далее работа в партиях велась по следующей схеме. На каждого участника партии возлагалось исполнение определённой обязанности по командованию военно-морскими силами и учреждениями; на все время игры и подготовки к ней назначались: главнокомандующий, его помощники (начальники морского и сухопутного штабов) командиры эскадр, дивизий, бригад, десантных экспедиций, служб наблюдения и связи, командиры портов. Совместно с этими лицами главнокомандующий определял наиболее вероятный способ действий противника и разрабатывал план войны, планы отдельных кампаний, а так же производил выбор операционной линии. Выбор операционной линии в военно-морской стратегической игре предполагал[15]:

• определение главной цели;

• выбор промежуточных целей, ведущих к достижению главной цели;

• выбор непосредственных целей, ведущих к достижению промежуточных целей;

• разработку планов операций, ведущих к достижению непосредственных целей;

• разработку плана стратегического развертывания;

• разработку плана дислокации мирного времени;

• разработку плана мобилизации;

• разработку плана организации тыла.

Контроль хода подготовки к игре и её проведения возлагался на руководителя игры и совет посредников. В период подготовки к игре посредники следили, чтобы при составлении документов на игру не допускалось грубых ошибок, а учебная обстановка максимально соответствовала реальной.

Таким образом, выработанная в 1910–1914 гг. организация подготовки к стратегической военно-морской игре способствовала тому, что в течение двух лет обучения слушатели академии производили сбор, обобщение и систематизацию огромного объема фактического материала, который затем тщательно документировался.

В ходе последовавших Первой мировой войны и революционных потрясений, занятия на военно-морском отделе Морской академии (в дальнейшем Военно-Морской Академии РККА) не проводились, однако руководству академии удалось сохранить костяк научно-педагогических кадров. Это, в свою очередь, обеспечило преемственность образовательных программ и сохранение роли и места военно-морских игр в учебном процессе.

В 20-е гг. стратегическая военно-морская игра продолжала оставаться одним из важных элементов системы подготовки руководящих кадров для флота. Как и до революции, проведение стратегической военно-морской игры преследовало две важные цели:

• для слушателей академии военно-морская игра играла роль комплексного аттестационного мероприятия (завершающим изучение стратегии, тактики, военно-морской географии и статистики);

• для командования Военно-морских сил РККА военно-морская игра была, прежде всего, исследовательским мероприятием, в ходе которого отрабатывались различные вари-

анты строительства и применения Военно-морских сил на различных театрах.

Первая стратегическая военно-морская игра была проведена уже осенью 1920 г. со слушателями первого советского набора. При этом одной из основных задач, которые ставились перед слушателями из состава «красной партии» (свои силы) было определение фактического состояния Морских сил Балтийского моря[16]. Состав авиации так же предстояло определить самим слушателям, основываясь на изучении фактического положения дел[17].

Последующие военно-морские игры (таблица 2) так же содержат большой объем собранного слушателями военно-морской академии фактического материала.

Таблица 2

Темы военно-морских игр, проведенных в период 1920–1928 гг.[18]

№ п/п	Учебный год	Тема игры	Примечания
1	1919–1920	Война на Балтийском театре	противники — Великобритания и Польша
2	1923–1924	Война на Балтийском театре	заключительные стратегическая и тактическая военно-морские игры объединены под общим названием «Военно-морская игра», организация и руководство игрой переданы кафедре Служба генерального штаба
3	1924–1925	Война на Черноморском театре	
4	1925–1926	Война на Балтийском театре	противники — по состоянию на 1930 год
5	1926–1927	Война на Балтийском театре	первоначально, в соответствии с программой 1925/1926 уч. года, планировалось проведение игры на Черноморском театре
6	1927–1928	Война на Балтийском театре	

№ п/п	Учебный год	Тема игры	Примечания
7	1928–1929	Военно-морская игра не проводилась	На 3 курсе вместо одной большой «военно-морской» игры введена целая серия игр оперативных и тактических

Так, в частных заданиях, поставленных слушателям академии на военно-морскую игру 1926–1927 учебного года, было предписано:

• для «красной» партии (свои силы) — «2. Определить потребное количество из числа фактически существующих и могущих быть мобилизованными транспортов Госпароходства для устройства маневренной базы; ... 8. Представить подробную дислокацию и состав флота и морской авиации»19. Помимо этого материалы игры 1926–1927 учебного года содержат интересные фактические данные по социальному составу экипажей соединений и отдельных кораблей Морских сил Балтийского моря, собранные слушателями военно-политической академии им. Толмачева (таблица 3) принимавшими участие в игре.

Таблица 3

Социальный состав экипажей кораблей и частей Морских сил Балтийского моря по состоянию на август 1927 г.[20]

Категория личного состава в %	Социальная группа				
	Рабочие	Крестьяне	Прочие	Парт. комсомол. ядро	Краскомы
Бригада линкоров / «Октябрьская Революция»					
команда	46	50,5	3,5	49	
комсостав	34		66	44	55
Бригада эскадренных миноносцев					
команды	50	46	4	60	
комсостав	26	29	45	47	40
Бригада подводных лодок					
команды	57	33	10	60	
комсостав	8	21	71 из них ¾ бывшие офицеры — дворяне	23	

Как и до революции, военно-морские игры 20-х годов предварялись военно-географическим описанием Балтийского и Черноморского театров. Значительный интерес представляет состав и организация на военно-морскую игру слушателей академии, многие из которых впоследствии занимали высокие посты в руководстве Морских Сил РККА (схема 1).

В материалах военно-морских игр так же можно найти информацию, отражающую техническое состояние флота в 20-е годы. Так, в ходе розыгрыша тактического эпизода одной из военно-морских игр преподавателями и слушателями электротехнического отдела факультета Военного судостроения академии было установлено, что: «существующая (…) схема канализации тока на линейных кораблях, типа «Марат», имеет два существенных недостатка в отношении обеспечения их механизмов подачей электроэнергии»[21]. По результатам игры в адрес Управления ВМС РККА (Технического управления по III отделу) руководством академии была направлена докладная записка профессора Фролова, об изменении схемы канализации электрического тока на линкорах, в результате рассмотрения которой было принято решение осуществить предложенные изменения[22].

Важно отметить, что несмотря на то, что весь материал по играм готовился в учебных целях, в период с 1910 по 1929 гг. он так же был весьма востребован флотскими штабами различных уровней.

Таким образом, говоря о материалах военно-морских игр как источнике по истории отечественного Военно-Морского Флота на рубеже эпох, следует отметить следующие важные моменты.

Материалы военно-морских игр периода 1910–1929 гг. содержат широкий спектр информации, объективно отражающей состав, состояние, планы применения, систему подготовки кадров, а так же взгляды на развитие отечественного Военно-Морского Флота в переломный период и имеют большой научный потенциал и историческую ценность.

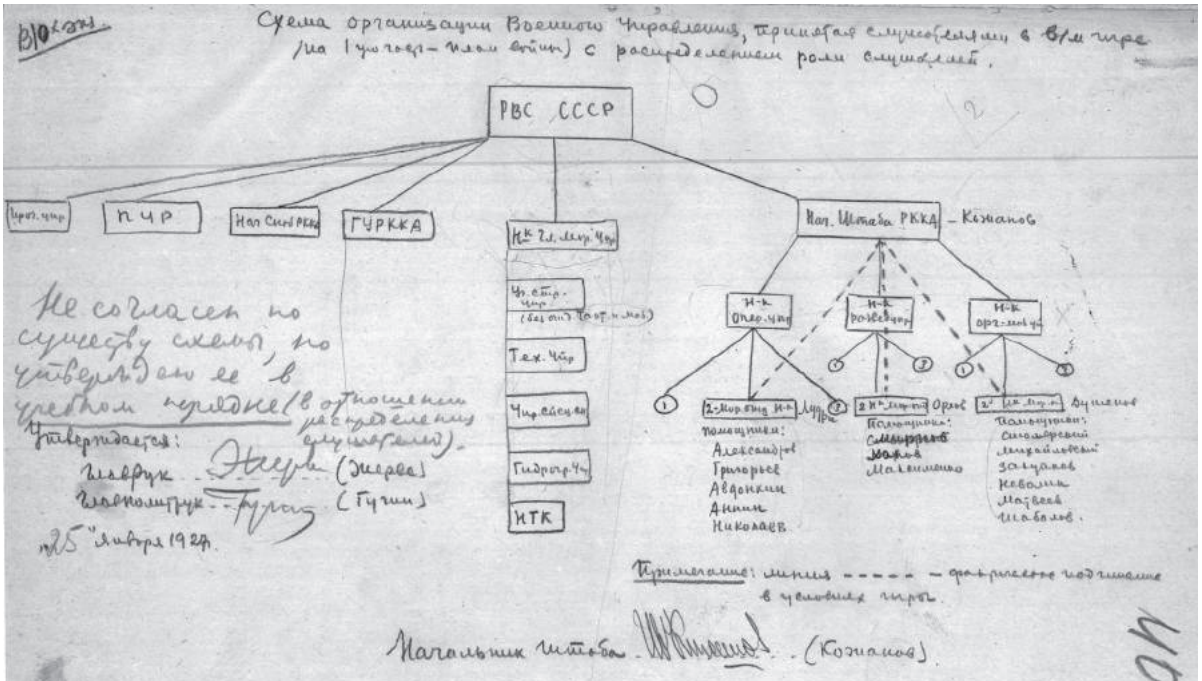

Схема 1. Организация слушателей Военно-морской академии РККА на первый этап военно-морской игры 1926 / 1927 учебного года (источник: РГА ВМФ Ф. р-352. Оп. 3, Д. 60. Л. 40)

Материалы военно-морских игр на сегодняшний день еще недостаточно изучены, как и история военно-морских игр в целом.

Сами материалы игр, которые в 30-е годы XX в. были сконцентрированы в «кабинете военно-морских игр» Военно-морской академии РККА, в настоящее время фрагментарно и неравномерно распределены между фондами РГАВМФ на Миллионной улице и Серебристом бульваре, а так же научным фондом библиотеки ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия» и фондами Центральной военно-морской библиотеки, что создает известные трудности для их систематического изучения.

Примечания

[1] *Скугаревский А. [П.]* Военная игра. Сборник задач для тактических упражнений. Часть первая. Введение, объяснение задач, приложения и карты / А. [П.] Скугаревский. — СПб: Типография В. С. Балашева, 1874. С. 4.

[2] Курс военно-морских наук при Николаевской морской академии (1896 г.). Программа Морской стратегии // РГАВМФ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 89. Л. 49.

[3] Письмо Начальника Николаевской морской академии на имя Начальника Главного морского штаба С. А. Воеводского, январь 1908 г. // РГАВМФ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 231. Л. 80.

[4] Темы работ слушателей академии защищаемых в марте 1908 г. // РГА ВМФ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 231. Л. 111.

[5] Временные правила для ведения стратегической игры при Николаевской морской академии / СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1911. — 20 С.

[6] *Кладо Н. Л.* Инструкция для ведения практических занятий по прикладной стратегии в Николаевской морской академии / Н. Л. Кладо. — СПб.: Экономическая Типо-Литография, 1912. С. 40 с.

[7] Таблица составлена по: РГАВМФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–26.; Д. 210. Л. 108; Ф. 433. Оп. 1. Д. 107. Л. 1.; Д. 194. Л. 4–5; Д. 271. Л. 4–5; Д. 322. Л. 1.; Д. 351. Л. 3.; Д. 362. Л. 99–105.; Д. 10. Л. 2.; Ф. 1236. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2.

[8] *Кладо Н. Л.* Инструкция для ведения практических занятий по прикладной стратегии в Николаевской морской академии / Н. Л. Кладо. — СПб.: Экономическая Типо-Литография, 1912. С. 1.

[9] Там же. С. 23.

[10] Там же. С. 1–4.

[11] Там же. С. 9.

[12] Там же. С. 12.

[13] Список работ слушателей по Николаевской морской академии по описанию Балтийского моря. Работы 1911 года / РГАВМФ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 425. Л. 111. Л. 12–14.

[14] Тема стратегической военно-морской игры 1911/1912 г. / РГАВМФ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 271. Л. 4–5 об.

[15] *Кладо, Н.Л.* Инструкция для ведения практических занятий по прикладной стратегии В Николаевской морской академии / Н. Л. Кладо. — СПб.: Экономическая Типо-Литография, 1912. С. 15–16.

[16] Отношение Помощника начальника морской академии в адрес Начальника штаба Балтийского флота от 20 апреля 1920 г. № 700 / РГАВМФ. Ф. р-352. Оп. 1. Д. 63, Л. 60.

[17] *Жерве Б. Б.* Отчет о стратегической игре на Военно-Морском отделе Морской академии / Б. Б. Жерве. — Петроград: Мор. академия, 1920. С. 21.

[18] Таблица составлена по: РГАВМФ. Ф. р-352. Оп. 1. Д. 155. Л. 184–185; Оп. 3. Д. 24. Л. 147–156, 173–184; Д. 29. Л. 241–252, 294–298; Д. 46. Л. 151; Д. 59, Л. 2; Д. 60, Л. 2, 76, 107, 112; Д. 138, Л. 270–271, 386.

Жерве, Б. Б. Отчет о стратегической игре на Военно-Морском отделе Морской академии / Б. Б. Жерве. — Петроград: Мор. академия, 1920. — С. 1–2.

Программы Военно-Морского факультета на 1925–26 год / Военно-Морская Академия : Ленинград, Тип. В.Т.А., 1925. С. 148–150.

[19] Частные задания «красной» стороне / РГАВМФ. Ф. р-352. Оп. 3. Д. 60. Л. 75.

[20] Обзор политического состояния частей Балтийского флота. Политсводка ПУбалта от 28 августа 1927 г. / РГАВМФ. Ф. р-352. Оп. 3. Д. 60. Л. 42–46.

[21] Докладная записка старшего руководителя кафедры «Судовой электротехники» Военно-морской академии Р. Н. Фролова / РГАВМФ. Ф. р-352. Оп. 3. Д. 131. Л. 433–434.

[22] Отношения Управления ВМС РККА начальнику Военно-морской академии от 16 июля 1930 г. № 23/1407с и 13 августа 1930 г. № 23/1605с // РГАВМФ. Ф. р-352. Оп. 3. Д. 131. Л. 435–436.

В. Н. Фотуньянц

Н. Н. Александров и Г. Н. Четверухин: две судьбы в эпоху войн и революций.

На долю офицерского состава Балтийского флота в первой трети XX века выпали неизмеримые трудности и испытания. Переустройство российского общества вызвало коренные перемены в системе подготовки, воспитания, мировоззрении, традициях, социальном и материальном положении офицерского корпуса флота. Всё это оставило определённый отпечаток в судьбах каждого человека и целых поколений, чья жизнь была связана с флотом. Вот как отразились события этих лет — три войны и три революции — на судьбах двух офицеров флота: Н. Н. Александрова и Г. Н. Четверухина, в биографиях которых было так много общего: происхождение, воспитание, военная специальность и совместная служба.

Николай Николаевич Александров родился в Санкт-Петербурге 2 октября 1886 г. в семье «состоявшего по корпусу корабельных инженеров младшего судостроителя» Николая Никитича Александрова. В 1889 г. его наградили орденом Св. Владимира 4 ст., что давало право на получение потомственного дворянства, в котором он был утверждён 8 февраля 1898 г. В марте 1890 г. Николая Никитича произвели в старшие судостроители «с переименованием в коллежские советники и с увольнением от службы с мундиром и пенсией».[1]

Георгий Николаевич Четверухин родился 13 августа 1887 г. в семье преподавателя — воспитателя Московской военно-фельдшерской школы коллежского советника Николая Михайловича Четверухина. В 1891 г. Н. М. Четверу-

хин был награждён орденом Св. Владимира 4 ст., что также позволило ему быть причисленным впоследствии к потомственному дворянству Тверской губернии.[2]

Таким образом, оба героя нашего повествования стали потомственными дворянами, как тогда говорили «по кресту» их родителей, что давало им право на поступление в Морской кадетский корпус (далее — МКК).

После окончания трёх классов 1-го Санкт-Петербургского реального училища Николай Александров 20 августа 1900 г. был зачислен в младший общий класс МКК. Если по результатам вступительных экзаменов он оказался 68-м по старшинству, то младший общий класс закончил уже 7-м в классе, а по окончании среднего общего класса оказался уже третьим. Вот как он выглядел в глазах начальства в апреле 1904 года: «Нравственный, воспитанный, но мало серьёзный; к правилам корпуса весьма внимателен, к обязанностям же не всегда и с довольно своеобразными понятиями, в которых проглядывается непонимание дисциплины. Очень аккуратен и бережлив с казённым имуществом и пособиями. Как унтер-офицер в младшей роте не сумел приобрести к себе уважение и авторитет старшего, крайне неровен в обращении с подчинёнными и бывает в силу этого последнего иногда осмеян ими».[3]

Начавшаяся Русско-японская война и прибытие в МКК императора Николая II, который досрочно произвёл в офицеры гардемаринов выпускной роты, оставили неизгладимое впечатление в сердцах воспитанников Корпуса.

Военные события на Тихом океане определили и дальнейшую судьбу учившегося в то время во 2-й Московской гимназии Георгия Четверухина: «Меня глубоко взволновали события русско-японской войны. Увлечению флотом положила начало героическая гибель крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец».[4] В мае 1905 г. успешно выдержав вступительные экзамены, по результатам которых оказался 29-м по старшинству, он был зачислен в МКК.

По окончании плавания на учебном судне «Воин» в августе того же года гардемарин Четверухин был аттестован как

«очень серьёзный, скромный и выдержанный». А вот аттестация перед началом кампании 1906 года: «Серьёзен, выдержан, с сильным и спокойным характером. Добросовестно относится к правилам корпуса и служебным обязанностям. Вежлив, хотя с виду грубоват. Воспитан, но без внешнего лоску».[5]

В то время как Г. Четверухин готовился к очередному учебному плаванию, Николаю Александрову приказом по Морскому ведомству от 1 мая 1906 года было присвоено звание корабельного гардемарина с присуждением премии имени адмирала Нахимова в размере 297 рублей.[6] В тот год впервые выпускники МКК вместо производства в мичманы отправлялись в плавание на судах специально сформированного «Отдельного отряда судов, предназначенных для плавания с корабельными гардемаринами». В состав отряда входили эскадренные броненосцы «Слава» и «Цесаревич» и крейсер «Богатырь» — лучшие на то время суда Балтийского флота, с прекрасным офицерским составом, почти исключительно из вернувшихся с войны. «Цесаревич», на который был расписан Александров, находился в плавании с 15 июня 1906 г. по 10 мая 1907 г. Наряду с яркими впечатлениями от посещения многочисленных зарубежных портов и военно-морских баз, корабельным гардемаринам довелось оказаться участниками драматических событий. 19 июля 1906 г. «Цесаревич» и «Богатырь» огнём своей артиллерии подавляли восстание в морской крепости Свеаборг.[7]

3 мая 1908 г. был выпущен из Корпуса корабельным гардемарином и Георгий Четверухин. Будучи седьмым по списку (средний балл — 11,71), он также был награждён премией имени генерал-адъютанта Тыртова в размере 219 рублей. В плавание, которое продолжалось с 3 июня 1908 по 24 марта 1909 г., Четверухин отправился на том же «Цесаревиче», ставшим, правда, уже линейным кораблём. И здесь не обошлось без драматических событий, но уже иного характера. В декабре 1908 г. команды судов «Гардемаринского отряда» первыми пришли на помощь жителям Мессины, пострадавшим от страшного землетрясения, так что выпуск 1909 г. стал неофициально именоваться «мессинским».[8]

Но вернёмся к Н.Н. Александрову, который 16 апреля 1907 года был произведён в чин мичмана и вскоре назначен и.д. ревизора на броненосец «Император Александр II», который входил в состав Учебно — артиллерийского отряда Балтийского флота (далее — УАО БФ). По окончании кампании 1907 г. командир корабля капитан 1 ранга С. Ф. Васильковский так аттестовал молодого офицера: «Любит море и морскую службу… Познания хорошие и усвоенные… Глубокое сознание долга… Тактичен и ровен с начальством, подчинёнными и сослуживцами… К нижним чинам требователен, но вежлив… Высокая честность и очень большая аккуратность. ОЧЕНЬ РЕЛИГИОЗЕН (выделено мною — *В.Ф.*). Прекрасный сын».[9]

Служба Н. Н. Александрова на этом корабле продолжалась три года. За это время броненосец стал «линейным кораблём», в сентябре 1909 г. прибыл новый командир — капитан 1 ранга А. М. Лазарев. Сменился и начальник УАО БФ — с 28 августа 1909 г. эту должность стал исполнять один из выдающихся артиллеристов флота капитан 1 ранга Александр Михайлович Герасимов.[10]

29 марта 1909 г. корабельный гардемарин Георгий Четверухин был «произведён по экзамену в мичманы» и начал свою офицерскую службу на эскадренном миноносце «Крепкий» в 1-й Минной дивизии Балтийского моря.[11]

22 августа 1910 г. командир «Крепкого» так аттестовал своего вахтенного начальника: «К службе очень способен. Здоровье отличное, характер ровный и очень уживчивый <…> Для плавания на миноносцах очень желателен. Всем интересуется, не требует понуждения. Заслуживает полного доверия».[12]

К этому времени Н. Н. Александров, произведённый 18 апреля 1910 г. в лейтенанты, успешно завершив ответственное и сложное дело ведения хозяйства корабля 1 ранга, 27 сентября того же года стал слушателем Михайловской артиллерийской академии. Окончив основной курс академии по первому разряду, 12 октября 1912 г. он был переведён на дополнительный курс.[13]

Тогда же реализовал своё стремление к артиллерийскому делу и мичман Г. Четверухин. 29 сентября 1912 г. он был «зачислен слушателем в Артиллерийский офицерский класс, с прикомандированием к УАО на время слушания курса», а 6 декабря произведён в лейтенанты.[14]

В мае 1913 г. лейтенант Александров 3-й блестяще окончил дополнительный курс академии и был удостоен «большой серебряной медали». Имя его занесли на мраморную доску. С 27 мая по 1 сентября он находился в плавании на учебном судне «Пётр Великий» слушателем артиллерийского офицерского класса. Там же был и лейтенант Четверухин 3-й. По окончании совместного плавания их служебные пути снова разошлись: Александрова назначили «помощником наблюдающего за постройкой судов по артиллерии»,[15] а Четверухина — помощником преподавателя в Артиллерийский офицерский класс.[16]

Весной 1914 года на Балтийском и Адмиралтейском заводах в Санкт-Петербурге достраивались новейшие линейные корабли «Севастополь», «Петропавловск», «Гангут» и «Полтава». Командиром последнего был капитан 1 ранга барон В. Е. Гревениц. На линкоре уже полным ходом велись работы по установке 12-дюймовых орудий главного калибра, при этом на корабле ещё не было ни одного артиллерийского офицера. В фондах РГАВМФ сохранились настоятельные обращения командира «Полтавы» во всевозможные инстанции, в результате которых приказом Командующего Морскими силами Балтийского моря от 21.5.1914 г. лейтенанта Александрова назначили артиллерийским офицером корабля.[17] При этом от должности «непосредственно наблюдающего за постройкой кораблей…» он был отчислен лишь 3.11.1914 г.[18]

До начала Первой мировой войны оставалось немногим более двух месяцев, и работы по вводу в строй кораблей, которые должны были стать основной ударной силой флота, велись с полным напряжением сил, однако война застала их ещё у заводских причалов.

С началом войны прервалась и преподавательская деятельность лейтенанта Четверухина 3-го. 10 августа 1914 г.

он был «временно назначен артиллерийским офицером на линейный корабль «Полтава».[19] Это «временно» продлится до весны 1918 г.

К 1 октября 1914 г. артиллеристы «Полтавы» под руководством Н. Н. Александрова полностью завершили установку четырёх 3-х орудийных башен главного калибра, а спустя неделю Николай II произвёл внезапный смотр корабля. Командир обратил его внимание на самоотверженную работу старшего артиллерийского офицера, на что последовало его производство в следующий чин. «Поздравляю самого младшего Старшего лейтенанта моего флота!» — сказал Император, покидая линкор.[20] Спустя три недели «Полтава» ушла в Кронштадт, а затем в Гельсингфорс. Здесь на Свеаборгском рейде она простояла до весны 1915 года.

Совместная служба Александрова и Четверухина на «Полтаве» продолжалась до 22 мая 1915 г., когда первый был назначен заведующим технической частью артиллерии Приморского фронта Морской крепости Императора Петра Великого (далее — ПФ Мк ИПВ), а второй сменил его в должности старшего артиллериста линейного корабля.

С момента назначения Н. Н. Александрова на ПФ МК ИПВ и до 1 сентября 1917 г. при его непосредственном участии были введены в строй 50 артиллерийских батарей калибром от 75- до 305-мм, в т.ч. башенных на о-вах Нарген, Вульф и Макилото, и знаменитая батарея № 43 на мысе Церель.[21] По представлению Командующего флотом вице-адмирала А. И. Непенина 6 декабря 1916 г. он был «всемилостивейшее пожалован за труды понесённые по обстоятельствам настоящей войны орденом Св.Владимира 4 ст.».[22]

Лейтенант Г.Н. Четверухин, продолжая дело своего предшественника, совершенствовал боевую выучку своих подчинённых, за что 16 января 1916 г. был «всемилостивейшее удостоен награждения орд. Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом».[23] Между тем, «Полтава», как и другие линкоры 1-й бригады, оберегаемые Ставкой от участия в боевых действиях, жила почти мирной жизнью.

Март 1917 г. стал концом Российского императорского флота. Н.Н. Александров и Г.Н. Четверухин, как и многие честные офицеры и настоящие патриоты, продолжали нести службу на своих постах. 28 июля 1917 г. приказом по Морскому ведомству их произвели в следующие чины: капитана 2 ранга и старшего лейтенанта соответственно.

Драматические события начала 1918 г., связанные с заключением Брестского мира, отразились и на судьбах наших героев. Четверухин на «Полтаве» участвует в знаменитом Ледовом походе, которым руководил бывший старший офицер линкора А.М. Щастный. Александров после эвакуации Ревеля оказался единственным начальником на ПФ, который перед самым вступлением в город германских войск отдал приказ о взрыве батарей. Из «Воспоминаний» Н.Н. Александрова: «Через несколько дней я увидел на Наргене лежащие вверх дном башни. Я полагаю, что читатель поймёт, как я должен был себя чувствовать тогда и даже сейчас, когда я пишу эти строки (1959 г. — *В.Ф.*). Сколько затрат сил, средств и нервов!...Всё было кончено и я дал себе слово НИКОГДА (так в тексте источника — *В.Ф.*) больше не заниматься артиллерией».[24]

Спасённые в результате Ледового похода боевые корабли, военное имущество и личный состав стали основой создававшегося Рабоче-крестьянского Красного флота. Бывшие офицеры «Полтавы» оказались на руководящих должностях в Морских силах Балтийского моря (далее — МСБМ). После ареста и расстрела А.М. Щастного начальником МСБМ стал бывший командир «Полтавы» С.В. Зарубаев. Сменивший его на «Полтаве» в июле 1917 г. А.В. Домбровский стал начальником штаба МСБМ. Г.Н. Четверухин, недолго пробыв в должности флагманского артиллериста 1-й бригады линкоров, стал флагартом МСБМ. В октябре 1919 г. линейный корабль «Севастополь» огнём артиллерии главного калибра оказывал поддержку частям Красной армии, отражавшим наступление войск генерала Юденича на Петроград. Организацией стрельбы и корректировкой огня руководил военный моряк Четверухин.[25]

В это же самое время в Севастополе торжественно открыли Морской корпус, где на должность инспектора классов был назначен Н. Н. Александров. Вот что пишет о нём в своей книге «Последние гардемарины» В. В. Берг: «Учёный математик, он решал и задачи жизни быстро, точно и решительно приводил в действие задуманную творческую мысль. За несколько месяцев он привёл классную часть в идеальный порядок…».[26] Увы, и эти плоды неустанных трудов Н. Н. Александрова просуществовали всего один год и закончились вместе с эвакуацией из Крыма армии генерала Врангеля.[27]

Г. Н. Четверухин вслед за А. В. Домбровским, который стал начальником Морских сил Чёрного и Азовского морей, сменил место службы и принял участие в операциях РККА на Южном фронте. В конце декабря 1920 г. он прибыл в Севастополь.[28] Последующие 10 лет его службы в ВМС РККА будут связаны с организацией береговой обороны Чёрного моря, начальником артиллерии которой он являлся. Символично, что осенью 1927 г. на должность начальника береговой обороны назначили после окончания Военно-морской академии И. М. Лудри, который служил на «Полтаве» артиллерийским унтер-офицером и был у Четверухина старшиной башни.[29]

Н. Н. Александров вместе с Морским корпусом, директором которого был назначен бывший комендант Мк ИПВ вице-адмирал А. М. Герасимов, оказался в Бизерте, где в той же должности инспектора классов опять пришлось начинать всё сначала. Однако, по причинам семейного характера Николай Николаевич должен был весной 1922 г. покинуть Бизерту, перебравшись сначала в Европу, а затем в США.[30]

Г. Н. Четверухин помимо руководства работами по созданию мощных береговых батарей, таких как ставшая знаменитой во время обороны Севастополя в 1941–1942 гг. батарея № 30, большое внимание уделял вопросу подготовки командных кадров. По его инициативе в апреле 1931 г. в Севастополе было создано Военно-морское училище береговой обороны. Самого же Георгия Николаевича вечером 30 октября 1930 г. арестовали и отправили в Москву. 30 апреля

1931 г. его приговорили к 10 годам лагерей «за контрреволюционную деятельность и организованное вредительство». Такая же участь постигла большинство бывших офицеров, служивших в ВМС РККА. Однако, в конце декабря 1931 г. флагмана 2 ранга Четверухина освобождили и направили в распоряжение начальника ВМС РККА.[31]

Н. Н. Александров после переезда в США сотрудничал с выдающимся авиаконструктором Игорем Ивановичем Сикорским, с которым когда-то вместе учился в Морском корпусе. 5 декабря 1940 г. он был вне очереди произведён в звание ординарного профессора Университета Род Айленда.[32]

Дальнейшую судьбу Г. Н. Четверухина определила случайная встреча в Управлении ВМС с директором Ленинградского металлического завода И. Н. Пенкиным,[33] который предложил ему должность помощника начальника спецпроизводства. До 1935 г. Георгий Николаевич находился в распоряжении НАМОРСИ РККА, работая по его назначению на предприятиях оборонной промышленности Ленинграда. С 1933 г. он по совместительству читал лекции в Ленинградском электротехническом институте (ЛЭТИ), где начальником спецфакультета был А. В. Домбровский. В начале 1938 г. Г. Н. Четверухин окончательно перешёл на работу в ЛЭТИ, где руководил кафедрами, являясь одновременно деканом факультета приборостроения и спецтелемеханики. В марте 1941 г. ему присвоили учёное звание «профессор».[34]

Н. Н. Александров после 16 лет профессорства в университете Род Айленда решил «уйти на покой» и поселился в православном Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле. Однако деятельная натура не позволила ему сидеть сложа руки. Его заботами был построен великолепный храм, новое четырёхэтажное здание семинарии, деканом которой он состоял многие годы. Так реализовалось то, что было отражено в аттестации на мичмана Н. Александрова в далёком 1907 году, — «очень религиозен». Николай Николаевич скончался в ночь на Страстную субботу 25 апреля 1970 г. Его похоронили на монастырском кладбище на устроенной по его почину морской аллее.[35]

Г. Н. Четверухин умер в блокадном Ленинграде в ночь на 8 февраля 1942 г. и погребён на Волковском кладбище. Созданная им в ЛЭТИ научная школа долгие годы готовила высококвалифицированных специалистов для ВМФ СССР и предприятий ВПК. Дело отца продолжил и Кирилл Георгиевич Четверухин. Выпускник Ленинградского кораблестроительного института он также внёс большой вклад в развитие советского Военно-морского флота.

Подводя итог нашему повествованию, следует отметить, что несмотря на то, что судьба и обстоятельства развели героев его по разные стороны «баррикад», они смогли до последних дней жизни сохранить в себе лучшие качества офицеров русского флота.

Примечания

[1] *Фотуньянц В. Н.* «…Отплатить ему могу только молитвою». Страницы жизни Н.Н. Александрова //Альманах «Линтула», книга 9, СПб, 2017 г., с. 155–168.

[2] *Четверухин Г. Н.* Сполохи воспоминаний // «Морской сборник» № 10-1989 г., с.91.

[3] РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 2. Д. 25. Л. 1об., 3об., 4об., 18об.

[4] Морской сборник № 10 — 1989 г., с. 91.

[5] РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 2. Д. 2318, Л. 1об., 9об.

[6] РГАВМФ. Ф. 406, Оп. 9. Д. 45. Л. 1об.

[7] *Белли В. А.* В Российском императорском флоте — СПб, 2005 г., с.112–143.

[8] «Морской сборник» № 11 — 1989 г., с. 90–92.

[9] РГАВМФ. Ф. 873. Оп.1. Д. 85. Л. 6об.

[10] РГАВМФ. Ф. 554. Оп.1. Д. 31. Л. 79, 142 об.

[11] РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 4605. Л. 1об. – 3об.

[12] РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 23. Д. 69. Л. 4.

[13] РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 45. Л. 2–3.

[14] Там же, Д. 4605, Л. 4 – 4об.

[15] РГАВМФ.Ф.479, Оп. 2. Д. 411. Л. 8.

[16] РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 4605. Л. 4об – 5.

[17] РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 412. Л. 41, 41об, 62, 75, 76.

[18] РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 45. Л. 3.

[19] Там же. Д. 4605. Л.5об.

[20] Бюллетень Общества морских офицеров в Нью-Йорке № 1/100, с.2.; РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 45. Л. 3.

[21] А*мирханов Л. И.* Морская крепость Императора Петра Великого — СПб, 1995 г., с. 71–73.

[22] РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 45. Л. 3об.

[23] Там же. Д. 4605. Л. 5об.

[24] Центральный Музей Вооружённых сил РФ. Документальный фонд. Инв. № 4/48383/27-1. Л. 8–9.

[25] Морской сборник №12 — 1990 г.

[26] Узники Бизерты — М., 1998 г., с. 47–48.

[27] Там же, с. 64–67.

[28] Морской сборник №8-1991 г.

[29] Список начальствующего состава ВМС РККА — Л., 1928 г., с. 279.; Близниченко С.С. Создатели 30-й береговой батареи Черноморского флота // Морской сборник, № 10 — 2016 г., с. 83–93.

[30] Узники Бизерты — с. 92, 238.

[31] Морской сборник № 11 — 1991 г., с. 89–91.

[32] Морские судьбы за границей. Офицеры Российского флота в эмиграции — СПб, 2003 г., с.16.

[33] Пенкин Иван Николаевич (1896–1967) в 1929–1937 г.г. — директор Ленинградского металлического завода.

[34] Выдающиеся выпускники и деятели Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина) 1886–2006 — СПб, 2006 г., с. 279.

[35] Бюллетень…. № 3/120, с. 60; №2/122, с. 42.

В. Г. Смирнов

«Красный выбор» гардемарина Колбасьева

Имя Сергея Адамовича Колбасьева уже давно стало легендарным. Его короткая жизнь (1899–1938?) была насыщена столькими событиями, которых хватило бы на долю нескольких человек.

А начиналось все в Одессе. Там 3 (15) марта 1899 г. в семье чиновника Правительствующего Сената Адама Викторовича Колбасьева (1871–1913) родился мальчик, которого назвали Сергей. Летом его крестили в Покровской церкви Одессы[1].

Детские годы Сергея прошли в основном в Одессе, где он проживал с мамой — Эмилией Элеонорой Каруана, уроженкой острова Мальта.

Позднее Сергей учился в Петербурге, в частной гимназии Л. Д. Лентовской[2] (Петроградская сторона, Большой проспект, д. 61), которой заведовал В. К. Иванов. В эти годы (1905–1915) семья Колбасьевых жила на Васильевском острове (6-я линия, д. 29, кв. 12).

Доходы коллежского советника А.В. Колбасьева позволяли содержать семью в хорошей уютной квартире, иметь домашних учителей для обучения сына иностранным языкам и периодически выезжать с семьёй (или отправлять жену с сыном) за границу — в Англию, Францию, Германию и Швейцарию[3], где Сережа имел возможность совершенствовать знание языков. Однако в 1913 году скончался отец Сергея, в то время — присяжный поверенный, и поэтому материальное положение семьи серьезно ухудшилось.

В 1914 году началась Первая мировая война, которая вызвала в российском обществе резкий подъем патриотизма.

Очевидно, по совету дяди — отставного капитана 1 ранга, изобретателя Е. В. Колбасьева — Сергей стал готовиться к поступлению в Морской корпус. 7 сентября 1915 г., успешно выдержав экзамены, он был туда зачислен.

Осенью 1916 года Сергей Колбасьев стал гардемарином и продолжил учебу в специальных классах Морского училища[4]. Впереди была цель — стать офицером Российского флота и, возможно, вписать новые славные страницы в его новейшую историю.

Однако в феврале 1917 года вдруг почти все разом рухнуло: самодержавие, вековые устои и традиции. Но несмотря на перемену в стране верховной власти, пришедшее к управлению государством Временное правительство не могло (да и не желало) упразднять все существовавшие ранее институты. Морской корпус продолжал функционировать.

Летом 1917 года гардемарин Колбасьев (как и его товарищи) проходил практику на Черноморском флоте. С 27 мая по 9 июля он находился на миноносце «Свирепый», приписанном к порту Батум. Затем Сергея перевели на миноносец «Строгий»[5].

Осенью 1917 года наступил очередной и, как оказалось впоследствии, последний этап учебы. Правительство А. Ф. Керенского не смогло взять под контроль положение в стране, и в конце октября большевики во главе с В. И. Лениным осуществили новую революцию — Октябрьскую социалистическую. Совет Народных Комиссаров взял курс на ломку старого государственного аппарата, после чего стал создавать новые институты во всех сферах общественной жизни, в том числе и в сфере военно-морского образования.

В начале марта 1918 года Морское училище в Петрограде было упразднено. Старший гардемарин Колбасьев и его товарищи по корпусу так и не получили мичманские погоны и офицерские кортики. 8 марта Сергею выдали документы: свидетельства о рождении и крещении, о приписке к призывному участку, о благонадежности, а также копию аттестата об окончании общих классов Морского корпуса в 1916 году[6]. Жизненные перспективы его были весьма неопределенны.

Вместе с документами Сергей Колбасьев получил и направление для прохождения службы — в Александровск-на-Мурмане (ныне г. Полярный). Приехав туда, он поначалу служил в штабе союзного Военного совета (еще действовали структуры Антанты), а затем в качестве офицера связи был направлен в Печенгу, на английский крейсер «Кокрейн».

Через полмесяца Сергей вернулся в штаб, где узнал о предстоящей оккупации Севера бывшими союзниками царской России, ставшими теперь врагами Республики Советов. Он вернулся в Петроград.

Теоретически перед 19-летним Сергеем Колбасьевым двери в самостоятельную жизнь были открыты настежь, однако, как известно, «бытие определяет сознание». Богатого наследства, имений, недвижимости, фамильных драгоценностей у Сергея не было. Зато была мать, вынужденная после смерти мужа переехать на другую квартиру (Васильевский остров, 5-я линия, д. 64, кв. 2) и в годы войны работать в военной цензуре. Ей следовало помогать. Да и сам он нуждался в средствах к существованию. Этим и объясняется сделанный дворянином Сергеем Колбасьевым жизненный выбор: в июне 1918 года он поступил добровольцем на службу в Рабоче-крестьянский Красный флот[7]. Однако говорить о том, что Сергей стал «твердо на сторону Революции», вряд ли правомерно.

Имущественным положением в известной степени объясняется и то, почему Сергей Колбасьев в Гражданской войне не оказался «по другую сторону баррикад» — в стане Белой Гвардии: его дворянство имело «пролетарский» характер (терять Сергею было нечего). В противном случае судьба Колбасьева могла бы стать иной.

Кроме того, Сергей был человеком чести: однажды присягнув Советской власти, он не считал себя вправе изменять ей, несмотря на жестокие потери близких ему людей в годы братоубийственной войны.

В июне 1918 года Колбасьев стал плутонговым командиром (артиллеристом) на миноносце «Москвитянин». Сначала этот корабль находился в составе Балтийского флота,

а затем — в октябре-ноябре 1918 года — в группе судов по внутренним водным путям (Мариинской системе и Волге) перешёл в Астрахань.

В период службы в Каспийской военной флотилии (ноябрь 1918 года — май 1919 года) Колбасьев был командиром миноносца «Прыткий»[8]. Несмотря на своё название, этот корабль под управлением молодого командира не прошёл ни одной мили: очевидно, он простаивал из-за зимы.

В мае 1919 года Сергей Колбасьев был переведен на Балтийский флот, где стал служить в должности артиллериста миноносца «Украина»[9]. Этот корабль в основном находился в резерве и базировался в Шлиссельбурге, на Ладожском озере. В начале сентября 1919 года приказом начальника базы и коменданта штаба крепости Шлиссельбург Колбасьев был назначен временно исполняющим должность артиллериста 2-го дивизиона сторожевых судов.

Однако вскоре Сергея перевели к новому месту службы — вахтенным начальником и ротным командиром на линкор «Петропавловск». Фактически же он исполнял обязанности плутонгового, а впоследствии башенного командира на этом линкоре, стоявшем в Кронштадте.

Зима 1919 — 1920 гг. оказалась для военного моряка Колбасьева весьма тяжелой. В феврале Сергей перенес «тяжелую форму инфлюэнцы, осложнившуюся невралгией лицевого нерва». В конце апреля его освидетельствовала медицинская комиссия, которая пришла к заключению, что по состоянию здоровья Колбасьев «подлежит переводу для службы на Юг России».

25 апреля 1920 г. Сергей был откомандирован в распоряжение начальника Морских Сил Черного моря и получил назначение на должность начальника 2-го дивизиона канонерских лодок Азовской флотилии, которые были переоборудованы из ледоколов, паровых шхун («ростовских барж») и землеотвозных шаланд.

Поскольку белые на Азовском море действовали активно, то лето для Колбасьева и его боевых товарищей выдалось горячим.

С сентября 1920 года начался штабной период в службе Сергея Колбасьева. Сначала он был флаг-секретарем по оперативной части в штабе Азовской флотилии (с октября — в штабе базы Азовского моря), а после окончания боевых действий в Крыму — начальником оперативной части штаба действующего отряда Черного моря. С апреля по июнь 1921 года Колбасьев по совместительству исполнял обязанности еще и начальника дивизиона истребителей. Затем он был откомандирован на Балтийский флот. С августа 1921 года Колбасьев стал начальником группы строящихся тральщиков типа «Демосфен» в Петрограде[10].

Еще находясь в Крыму, Сергей Колбасьев познакомился с поэтом Н. С. Гумилевым, и эта встреча повлияла на его дальнейшую жизнь. Склонность к литературе Сергей Колбасьев обнаружил еще в период обучения в Морском корпусе. В Центральном военно-морском музее хранится заветная тетрадь с черновиками его первых рассказов. Писал он и стихи.

В Петрограде Гумилев привел Колбасьева в Дом искусств (Невский пр., д. 15), и Колбасьев был принят в Петроградское отделение Всероссийского союза поэтов. В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга хранится членский билет Колбасьева № 79, подписанный Гумилевым (в августе 1921 года он был расстрелян за контрреволюционную деятельность).

Вместе с Николаем Тихоновым Сергей Колбасьев стали инициаторами создания поэтической группы «Островитяне» (туда входили также К. К. Вагинов (Вагенгейм) и П. Н. Волков).

В конце 1921 года Колбасьев закончил работу над поэмой «Открытое море», которая увидела свет в начале 1922 года. Первые успехи на литературном поприще окрылили Сергея. Ради продолжения творческой деятельности он решил «сменить штык на перо» — оставить военную службу, ставшую после окончания Гражданской войны достаточно рутинной. В декабре 1921 года, будучи в отпуске, он отправился в Москву, где, вероятно, встречался с наркомом просвещения А. В. Луначарским и сумел убедить его в целесообразно-

сти своих творческих занятий. В то же время невозможность дальнейшего прохождения службы на флоте подтверждалась удостоверением, выданным доктором медицины П.М. Нечаевым. В нём, в частности, отмечалось, что «Колбасьев Сергей Адамович, 23-х лет, страдает хроническою маляриею... и расширением сердца... а также полным расстройством нервной системы... мигренями, бессонницею...».

28 декабря 1921 г. Луначарский обратился к помощнику Главнокомандующего Вооруженными Силами Республики по морским делам Э. С. Панцержанскому с просьбой откомандировать Сергея Колбасьева с морской службы для работы в издательстве «Всемирная литература», состоящем в ведении Наркомпроса (ранее главным редактором переводов французских и английских поэтов в этом издательстве был Гумилёв). 2 января 1922 г. Панцержанский удовлетворил просьбу Луначарского. Таким образом, судьба Колбасьева была решена.

Однако вскоре выяснилось, что литературный труд не мог обеспечить хлебом насущным Сергея Колбасьева, женившегося весной 1922 года на Вере Петровне Семеновой (1901–1976). По протекции отца Ларисы Рейснер, профессора И. М. Рейснера, он в феврале 1923 г. был зачислен на службу в Народный комиссариат иностранных дел. До августа того же года Колбасьев работал переводчиком в полпредстве РСФСР в Афганистане, откуда из-за ссоры с полпредом Ф. Ф. Раскольниковым вынужден был уехать.

В 1923–1926 гг. Колбасьев работал в полпредстве в Финляндии, затем — до марта 1928 г. — в торгпредстве в Финляндии: переводчиком и товароведом. Там у него был роман с молодой девушкой-шведкой. Вернувшись в Ленинград, Сергей Адамович расстался с женой, но дочь оставил при себе.

В течение последующих девяти лет он занимался литературной деятельностью. Печатался в различных журналах (в частности, в журнале «Вокруг света» в 12-ти номерах 1928 года публиковался его роман-игра «Факультет кругосветного путешествия», а также перевод авантюрно-приключенческого романа английского писателя П. Рёна «По-

хороны викинга»), издавал книги (среди наиболее известных его произведений повесть для детей «Салажонок», книга-роман, состоявшая из повестей «Арсен Люпен», «Джигит» и «Река»), публиковал статьи по радиоделу («Радиокнижка» выдержала несколько изданий), писал сценарий к фильму «Миноносец Бауман» (совместно с Н. А. Коварским), выступал на ленинградском радио с рассказами о джазовой музыке, так как в 1930-е годы Колбасьев был одним из признанных специалистов в этой области.

Кроме того, он неоднократно проходил военные сборы на кораблях Балтийского флота. 8 апреля 1937 г. Сергей Колбасьев был аттестован к присвоению воинского звания «интендант 3 ранга»[11], но этого уже не случилось. И вот почему.

В декабре 1933 года Колбасьева впервые арестовали как «сотрудника иностранных разведорганов», в частности, Финляндии, отметив его обширные связи с иностранцами. Однако Колбасьев свою вину отрицал, и вскоре был выпущен на свободу.

В начале 1937 года сотрудники НКВД «вспомнили» о «шпионе» Колбасьеве. В ночь с 8 на 9 апреля он был арестован. В обвинительном заключении 4 сентября 1937 г. указывалось, что Колбасьев являлся «шпионом иногосударства, в пользу которого собирал и передавал секретные сведения особо охраняемой государственной тайны. Будучи резко настроенным, систематически проводил к.-р. агитацию среди писателей… Виновным себя не признал. Изобличается показаниями осужд. Паулин и обвиняемого Зуева-Ордынца (и показаниями свидетелей Боголюбова и Стукмана)».

«Особая тройка» рассмотрела «дело писателей» Колбасьева и М. Е. Зуева-Ордынца 25 октября 1937 года. В отношении «агента финской разведки» Колбасьева решение было коротким: «Расстрелять». Зуев получил 10 лет заключения в исправительно-трудовом лагере.

30 октября 1937 года комендант Управления НКВД старший лейтенант госбезопасности А. Р. Поликарпов сделал записи в предписании и акте о расстреле 65 человек. Одиннадцатым в списке значился Колбасьев.

Однако 30 октября 1937 года он расстрелян не был. 21 января 1938 года Колбасьев убыл «В Отд. Тюрьмы», как указано в его учетно-анкетной карточке. По свидетельству А. А. Вейхера, отбывавшего срок в Талнахском лагере (Красноярский край), однажды зимой большая группа заключенных, возвращавшихся с работ, замерзла по пути в лагерь. Среди них, по словам Вейхера, был и Сергей Колбасьев. Таким образом, точная дата и место смерти Колбасьева остаются неизвестными. В 1956 г. он был реабилитирован[12].

После 20-летнего забвения, начиная с 1958 года, произведения Сергея Колбасьева печатались в СССР огромными тиражами. Его книги стали настольными для нескольких поколений военных моряков.

В 1999 году, в связи со 100-летним юбилеем со дня рождения писателя, его имя было присвоено базовому тральщику Балтийского флота приказом Главнокомандующего ВМФ адмирала флота В. И. Куроедова, по ходатайству председателя правления Фонда «Отечество» капитана 1 ранга запаса Кравченко. Это ходатайство было подготовлено мной и директором фонда «Отечество» капитаном 2 ранга запаса А. С. Николя.

В том же 1999 г. в журнале «Нева» был опубликован мой очерк «Следственное дело Сергея Колбасьева», материалы которого дала мне дочь писателя Галина Сергеевна Колбасьева. В том же году, с целью выяснения обстоятельств гибели Сергея Колбасьева, мной и подполковником В. К. Ивановым (Академия тыла и транспорта) было направлено письмо директору ФСБ России В. В. Путину. Оно дошло до адресата, и нами был получен ответ из Центрального архива ФСБ. К сожалению, нам сообщили лишь те сведения, которые были уже известны.

В 2002 году издательством «Морская карта» был издан двухтомник произведений Колбасьева «Правила совместного плавания» и «Поворот все вдруг». В 2006 году, по инициативе Николя, вышло двухтомное собрание избранных сочинений Колбасьева — «Командиры кораблей». В этих сборниках мной были помещены обширные статьи о писателе-маринисте.

30 мая 2007 г. на доме № 18 по Моховой улице, где в 1929–1937 годах жил Сергей Колбасьев, была установлена мемориальная доска. На торжественной церемонии ее открытия выступали моряки, меценаты, книгоиздатели, дочь и внук писателя (Сергей Александрович Колбасьев), джазмены под руководством Давида Голощекина. Все организационные хлопоты по установке мемориальной доски были решены директором Морского литературно-художественного фонда имени Виктора Конецкого Т. В. Акуловой-Конецкой. Увековечение памяти Сергея Колбасьева стало актом исторической справедливости[13].

В 2008 г. по инициативе Акуловой-Конецкой была издана книга «Арсен Люпен», в которую вошли сборник рассказов «Правила совместного плавания» и четыре повести: «Арсен Люпен», «Джигит», «Река» и «Командиры кораблей». Кроме того, произведения писателя-мариниста размещены в Интернете.

В заключение следует подчеркнуть, что в начале XX века, на переломе исторических эпох, Сергей Колбасьев сделал «красный выбор». В последующей его судьбе были Гражданская война и Поэзия, Любовь и Дипломатия, Радиодело и Литература, Джаз и Кино, Аресты, Тайна гибели и посмертная Реабилитация.

На книгах Сергея Колбасьева воспитано несколько поколений военных моряков, он по праву занял одно из первых мест в истории отечественного джаза как его талантливый и неутомимый пропагандист. Творчество Сергея Колбасьева стало неотъемлемой частью культурного наследия нашей Родины.

Примечания

[1] Дата рождения указана по свидетельству о крещении. В послужных списках, а также анкетах рукой С. А. Колбасьева указана дата рождения — 16 марта 1898 г.

[2] Личное дело Колбасьева Сергея Адамовича // РГАВМФ. Ф. р-2192. Оп. 2. Д. 567. Л. 7.

[3] Там же. Л. 1 об.

[4] Вместе с С.А. Колбасьевым учился и Л.С. Соболев, автор романа «Капитальный ремонт» (1932), сборника рассказов «Морская душа» (1943) и др.

[5] Личное дело Колбасьева Сергея Адамовича // РГАВМФ. Ф. р-2192. Оп. 2. Д. 567. Л. 13 об.

[6] Личное дело Колбасьева Сергея // РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 7. Д. 1739. Л. 1.

[7] Личное дело Колбасьева Сергея Адамовича // РГАВМФ. Ф. р-2192. Оп. 2. Д. 567. Л. 7.

[8] Там же. Л. 7.

[9] Там же.

[10] В некоторых аттестатах С.А. Колбасьева, хранящихся в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга, указано, что зимой 1921–1922 гг. он являлся командиром тральщика «Клязьма» (см., например: ЦГАЛИ СПб. Ф. 399. Оп. 1. Д. 19. Л. 3, 5).

[11] *Смирнов В.Г.* Моряк, Писатель, Человек… / В кн.: Сергей Колбасьев. Командиры кораблей. Избранные произведения в 2-х тт. Т. 1. С. 26–50.

[12] Там же. С. 53–88.

[13] *Смирнов В.Г.* «Дело писателей» // Санкт-Петербургские ведомости, 13 апреля 2012 г.

И. А. Карпенко

Офицеры российского флота — заключенные Петропавловской крепости в 1918 г.

История Октябрьской революции 1917 г. и событий 1918 г. в Петрограде тесно связаны с историей Петропавловской крепости. С XVIII в. в ее стенах существовала главная политическая тюрьма Российской империи. Для изоляции государственных преступников к 1872 г. в Трубецком бастионе было построено новое здание тюрьмы, известное строгим одиночным режимом содержания заключенных.

Несмотря на декларации о закрытии политической тюрьмы в Петропавловской крепости в марте 1918 г[1]., она продолжала работать до 1921 г. В Трубецкой бастион новая власть отправляла людей, выступавших против партии большевиков или людей, которые по мнению сотрудников Петроградской ЧК, могли бы участвовать в противодействии новому режиму. Среди предполагаемых участников «контрреволюционных выступлений» было довольно много офицеров флота.

Общеизвестно, что флотских офицеров в 1918 г. брали в заложники во время красного террора. Местом их содержания наряду с Дерябинскими казармами, тюрьмой на Шпалерной улице был и Трубецкой бастион. Этому есть многочисленные свидетельства в мемуарах. В отсутствие иных источников именно на основе воспоминаний бывших узников можно узнать каким был режим заключения в это время и кем были узники Трубецкого бастиона. Так, А. Д. Зиновьев в своих мемуарах, описывая «довольно разношерстное общество», упоминает фамилию одного из заключенных моря-

ков: «Несколько в стороне держался молчаливый и сдержанный человек средних лет, оказавшийся при последующем знакомстве моряком, капитаном Павлиновым»[2].

К сожалению, не сохранилось регистрационных книг, в которых фиксировались бы имена арестованных. Поэтому списки узников можно «составить» основываясь на единичных документах, хранящихся в петербургских архивах, в том числе и в РГАВМФ. Так, в деле о «переписке с ВЧК об аресте военных моряков» существует телеграмма Ф. Ф. Раскольникову с запросом об оказании содействия к освобождению его однокашника «Алексея Владыкина арестованного по всей вероятности по недоразумению и находящегося в Петропавловке камера 50»[3]. В настоящее время это единственный известный документ в котором зафиксировано пребывание в Трубецком бастионе этого человека.

Отсутствие делопроизводственных документов за 1918 г. затрудняет работу по выявлению списка заключенных, ставшую очень важной в связи с обнаружением в 2009 г. на территории Заячьего острова массового захоронения. В 2010 г. оно было датировано археологами 1917–1920 гг[4]. В 2017 г. после завершения антропологических исследований установлено, что на Заячьем острове были обнаружены останки 190 человек[5]. Судя по отдельным элементам одежды, матросским ленточкам, обнаруженному офицерскому жетону (корабль «Андрей Первозванный»)[6] среди погибших были моряки, и в том числе офицеры царского флота.

Еще в 2010 г., сразу после обнаружения первого массового захоронения, были предприняты попытки идентификации личностей погибших. К сожалению, вместе с останками не было обнаружено ни одного предмета или документа, позволяющего предположить имена этих людей. Исходными данными для поиска информации были данные биологические: пол, возраст.

Тем не менее, на основе этих сведений была определена предполагаемая группа лиц, расстрелянных в декабре 1918 г. в Петрограде. По версии следователей отдела по борьбе с контрреволюцией ПетроЧК заговорщики в 1918 г. орга-

низовали доставку людей и оружия из Петрограда в Мурманск — к англичанам.

«*Ковалевский, Владимир Павлович*, военный врач — глава организации, связывавший ее с английской миссией, изобличенный показаниями многих лиц.

Морозов, Владимир Владимирович, находившийся в постоянных сношениях с полковником Сахаровым, имевший сетку для шифрования секретных сообщений. Сам признал свое участие в белогвардейской организации.

Туманов, Владимир Спиридонович, один из ближайших агентов Ковалевского по вербовке белогвардейцев, изобличенный показаниями других членов организации.

Де-Симон, Анатолий Михайлович, один из крупнейших агентов Ковалевского, вербовавший белогвардейцев, снабжавший их деньгами и отправлявший на Север.

Логин, Иван Осипович, член организации Ковалевского, предоставлявший свою квартиру для встречи агентов Ковалевского.

Плен, Павел Михайлович, в 1917 году являлся главой организации, отправлявший офицеров на Дон.

Грабовский, Александр Александрович, польский легионер, отправленный на Мурман французами, тесно связанный с французскими миссиями.

Шульгина, Вера Викторовна, была пайщицей и главной инициаторшей кафе «Goutes», служившего явкой для белогвардейцев. Кроме того, содержала за свой счет и давала приют у себя на квартире агенту организации Соловьеву.

Соловьев, Георгий Александрович, сам сознался в участии в белогвардейской организации, по требованию которой поехал в Торошино и поступил на службу в Псковский уездный военный комиссариат.

Трифонов, Иван Николаевич, член партии народной свободы, имевший связи с Мурманом и отправивший туда одно лицо, назвать которое он отказался, но которым оказался Морозов.

Бетулинский, Юрий Андреевич, титулярный советник, участник Русско-Английского ремонтного судостроительно-

го т-ва на Мурмане, которое занималось посылкой людей на север и вырабатывало план оккупации Северной Области.

Веселкин, Михаил Михайлович, главный организатор вышеупомянутого Русско-Английского товарищества.

Рыков, Александр Николаевич, также член Русско-Английского товарищества.

Христек, Иосиф Павлович, шпион, состоявший на службе у французов. Производил растраты, подлоги и шантажи.

Абрамсон, Кальман Абрамович, шпион-белогвардеец с подложными документами систематически ездивший на Украину в целях осведомления тамошних белогвардейский организаций.

Смирнов, Иван Александрович, за вооруженный грабеж»[7].

Для поиска информации о предполагаемых узниках по этому списку были отсмотрены личные дела в двух архивах: Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области и РГАВМФ. На основании сопоставления сведений, был получен материал позволивший с помощью генетической экспертизы и методики реконструкции внешнего облика по методу профессора Герасимова подтвердить гипотезу о том, что в Петропавловской крепости была расстреляна группа из 16 человек, среди которых были генерал-майор А. Н. Рыков, контр-адмирал М. М. Веселкин, командир линейного корабля «Измаил» П. М. Плен, командующий заградителем «Ильмень» А. М. Десимон, санитарный инспектор Балтийского флота В. П. Ковалевский.

Первый идентифицированный из данного списка — А. Н. Рыков был арестован 24 октября 1918 г. в своей квартире по Большой Зеленина улице, 3. Месяц он просидел в тюрьме и лишь 23 ноября был допрошен. О себе при допросе он сообщил следующее: получил образование в Морском корпусе в Санкт-Петербурге, затем поступил мичманом в Черноморский флот, в 1899 г. служил в Кронштадте. В конце 1901 г. был отправлен на эскадру на Тихий океан, где и пробыл до 1905 г.[8]. Здесь же он упомянул что «участвуя в Русско-Японской войне в Порт-Артуре, получил сильное ра-

нение ноги, результатом чего оказалось отнятие ноги выше колена»[9]. Подробные сведения об этом ранении есть в личном деле А. Н. Рыкова: «На эскадренном броненосце «Полтава», при отражении минных атак на рейде Порт-Артур и в эскадренном бою под Порт-Артуром 1904 г. января 26 и 27, на том же броненосце в эскадренном бою в Пенжинском(?) заливе того же г. июля 28, где был ранен осколком неприятельского снаряда в обе ноги: в область левого коленного сустава с вскрытием последующего и в верхнюю треть правого бедра, без повреждения кости, что видно из перевязочного свидетельства старшего врача броненосца «Полтава» от 29 июля 1904»[10]. Эти важные сведения в дальнейшем помогли при идентификации[11].

Помимо послужного списка[12] в деле содержатся уникальные материалы, характеризующие личность А. Н. Рыкова: «дисциплинарен, тактичен и аккуратен. На вахте стоит внимательно. Очень исполнителен. Здоровья крепкого. С командой обращается хорошо. Офицер надежный. Морскую и строевую службу знает хорошо. Свою специальность знает хорошо. Нравственности и поведения хорошего. С начальством почтителен. Знает французский язык»[13]. Важны и сведения о его семье: «19 мая 1903. Порт-Артур. Штаб уведомляет для доклада Начальнику эскадры, что Командующий Морскими силами разрешил Лейтенанту Рыкову вступить в первый законный брак с дочерью генерал-майора Шпицберг, девицею Верою Валерьяновною Шпицберг»[14].

Хотя дореволюционная биография А. Н. Рыкова хорошо изучена историками русского флота, из-за отсутствия данных о месте заключения и гибели офицера, только генетическая экспертиза могла подтвердить или опровергнуть гипотезу о том, что в Петропавловской крепости обнаружены останки именно этих людей.

Как оказалось, в Санкт-Петербурге живут прямые потомки А. Н. Рыкова от второго брака[15]. Они согласились на генетическую экспертизу. Кроме того, внук Рыкова Н. Н. Крылов рассказал, что его мама всю жизнь хранила последнюю записку отца, отправленную им жене осенью 1918 г. из Тру-

бецкого бастиона. В записке сообщалось: «Юля, сижу в Петроп. крепости камера № 67. Когда освободят не известно. Поесть не дают второй день. Прошу прислать что-нибудь поесть, если можно почаще. В какой час все равно, другим приносят и поздно вечером. Сплю на полу. Желательно получить и подушечку, полотенце и мыло. Кружку для питья и что-нибудь пить (чай, кофе, сахар) бумагу и карандаш»[16].

Генетическая экспертиза, проведенная лабораторией профессора В. Л. Попова в 2011 г., подтвердила, что найденные в 2009 г. останки принадлежат А. Н. Рыкову. Семьей генерала было принято решение похоронить его в семейной усыпальнице[17].

Другие узники Петропавловской крепости, проходившие по данному делу идентифицируются на основе тех материалов, которые обнаружены в РГАВМФ. Так подробные сведения о М. М. Веселкине, контр-адмирале, адъютанте великого князя Алексея Александровича, флигель адъютанте Николая II, коменданте Севастопольской крепости[18], содержащиеся в его личном деле[19] позволили собрать необходимые сведения о карьере и местах службы.

Потомственный дворянин, кавалер многих российских и зарубежных орденов[20], участник экспедиции на Балканы[21] 25 октября 1918 г. был арестован в своей квартире на Шпалерной и допрошен 2 ноября 1918 г. Вероятнее всего после последнего допроса был переведен в Петропавловскую крепость. Хотя участия в заговоре не признавал, в декабре 1918 г. он был расстрелян по приговору тройки. О месте и обстоятельствах расстрела ни его супруга, К. В. Китаева[22], эмигрировавшая в Великобританию, ни его родная сестра О. М. Веселкина[23] сведений не имели.

Личные дела офицеров, хранящиеся в РГАВМФ, позволили избежать ошибки в идентификации. Среди предполагаемых узников Петропавловской крепости был указан А. М. Десимон. По материалам его следственного дела было известно, что его арестовали 24 августа 1918 г. Он был взят в заложники: его имя указано в списках заложников в «Красной газете», «Петроградской правде» и в «Северной комму-

не»[24]. Ни к каким партиям и организациям он не принадлежал, о своих взглядах заявлял: «По убеждениям христианин и не признаю никаких насилий над человеческой личностью, но подчиняюсь существующим порядкам, той страны, где живу»[25]. Из послужного списка известно, что капитан второго ранга А. М. Десимон закончил Морской кадетский корпус, служил в штабе командующего флотом на Тихом океане, во время русско-японской войны — на минных заградителях и в порту Владивостока. Командовал транспортом «Шипка», миноносцем «Смелый», служил на транспорте «Ангара» и на минном крейсере «Эмир Бухарский»[26]. В Первую мировую войну командовал заградителем «Ильмень»[27].

При аттестации он характеризовался положительно: «Мог бы успешно заведовать большим хозяйственным делом. В военно-морском деле находится в курсе всего что требуется. Знает хорошо законы, уставы и ревизорское дело. Говорит по-французски свободно. Опытен, как в ревизорстве, так и в делах ратных и экипажных. Имеет развитое чувство долга. Весьма дисциплинарен. Весьма корректен и выдержан, как с начальниками так и с подчиненными и относится ко всем ровно. Воспитан и умеет держать себя в обществе. Может представительствовать. Солиден и не кутит. Честен и аккуратен. Прекрасный семьянин. Политические воззрения мне неизвестны, т.к. в своем присутствии на корабле не дозволяю говорить ни о чем либо касающимся религии или политики. Во всяком случае Десимон человек из порядочного общества и человек порядочный и отнюдь не красный. Всегда будет верен слову и присяге»[28].

Собранные о А. М. Десимоне сведения — о его семье[29], о его братьях позволили предположить, что возможна генетическая экспертиза. Однако, как оказалось при просмотре очередного личного дела офицера, он был усыновлен[30] и в настоящее время его кровные родственники не найдены.

Заключенным Петропавловской крепости был и капитан П. М. Плен, арестованный 5 августа 1918 г. вместе с адмиралом М.К. Бахиревым[31]. Почти всю жизнь он провел на флоте: «все время, почти 25 лет был в плавании… Участво-

вал в боях. Получил все отличия, кроме Георгия»[32]. Эту фразу подтверждает его личное дело. Родившийся в 1875 г. он с 1891 г. находился на службе[33]. Участвовал в боевых действиях: в послужном списке отмечено, что за храбрость при взятии г. Инкоу он был награжден орденом Св. Владимира 4 степени с мечами и бантом и орденом Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость» за постановку минных заграждений у берегов Квантуна[34].

В аттестационных листах он характеризовался очень поразному: оценка его квалификации зависела, судя по всему, от проверяющих. «Любовь к морю и службе сомнительная. Начитанность хорошая. Опытен, боится ответственности. Крайне молчалив, сознание долга слабое, способен не пренебрегать личными выгодами и удобствами и не говорит об том. Дисциплинарность условная. Когда находится в возбужденном состоянии выходит из границ элементарного понятия о ней. С начальством дерзок, не умеет держать себя, любим сослуживцами»[35]. Среди характеристик сохранилась аттестация М. К. Бахирева от 11 августа 1911 г.: «К судовой службе очень способен. Нравственности отличной. Твердый, решительный характер, очень смел, здоров. Очень воспитан, дисциплинарен. Старый, опытный и отличный командир миноносца. В нужную минуту не продаст»[36].

П. М. Плен, единственный из всей этой группы, вероятно, имел какое-то отношение к белогвардейским организациям[37], хотя во время допроса 14 ноября 1918 г. ни в чем не признался. Вскоре после этого он был расстрелян. В РГАВМФ кроме личного дела сохранился очень важный документ — его фотопортрет.

Связан с флотом был и доктор В. П. Ковалевский, арестованный 21 августа 1918 г.[38] вместе со своим племянником С. Романовым. О его биографии известно, что он закончил Казанский университет, в 1904 г. отправился в Порт-Артур в составе Красного креста на пароходе «Монголия»[39], затем было врачом-волонтером на крейсере «Паллада» на котором служил до потопления корабля и падения крепости Порт-Артур. Попал в плен к японцам, затем был освобож-

ден и служил в Медицинской академии в Санкт-Петербурге. С 1907 г. поступил на морскую службу и служил на канонерских лодках «Хивинец» и «Кореец», на крейсере «Паллада»[40]. В некоторых публикациях его указывают как судового врача на крейсере «Аврора». В действительности он служил там недолго: в 1907 г. с 11 апреля по 11 мая[41], и с 10 по 15 августа в вооруженном резерве[42].

С марта 1917 он был назначен санитарным инспектором Балтийского флота, «в каковой должности и оставался до 1 июня 1918 г., когда по прибытии флота в Петроград вышел в отставку»[43]. В. П. Ковалевский был объявлен главой организации и расстрелян в декабре 1918 г. Неизвестно, когда он был переведен в Трубецкой бастион и как долго был его узником. Но современные методы судебно-медицинской экспертизы и архивные исследования подтверждают гипотезу, что и он, и проходящие по тому же делу офицеры были убиты на территории Заячьего острова.

Примечания

[1] Упразднена твердыня царизма — Трубецкой бастион Петропавловской крепости // Красная газета. 1918. 8 марта.

[2] *Зиновьев А. Д.* Переживания в Петрограде в июле и августе 1918 г. // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Выпуск № 2. СПб.: ГМИ СПб, 1997. С. 183.

[3] РГАВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 265. Л. 44.

[4] Захоронение было датировано по обрывкам одежды, гильзам, извлеченным археологами. Подробнее см.: Научный архив Государственного музей истории Санкт-Петербурга. Кильдюшевский В. И. Отчет о результатах археологических поисковых исследований захоронений жертв красного террора 1918-1919 г. на территории Петропавловской крепости (левый фас бастиона Головкина) в г. Санкт-Петербурге 2009-2010 гг. СПб.,2010.

[5] В 2010–2015 гг. Государственный музей истории Санкт-Петербурга организовал несколько археологических экспедиций. В результате работ под руководством археолога В.И. Кильдюшевского было обнаружено 11 могильных ям. С 2014 г. проводятся антропологические исследования останков. Группой специалистов

НИИ антропологии МГУ руководит кандидат биологических наук Д. В. Пежемский.

[6] См.: Научный архив ГМИ СПб. Отчет о результатах археологических поисковых исследований захоронений жертв «красного террора» 1918–1919 гг. на территории Петропавловской крепости (левый фас бастиона Головкина) в г. Санкт-Петербурге в 2009–2010 гг.

[7] Красная газета. 1918. 20 декабря (утренний выпуск).

[8] Сведения о службе приводятся по протоколу допроса. См.: Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-92755. Т. 1.

[9] Там же.

[10] Ф. 406. Оп. 9. Д. 3638. Л. 21(оборот) –22.

[11] Подробнее об идентификации см.: *Карпенко И. А.* Следственные дела 1918 г. Идентификация расстрелянных в Петрограде // ГУЛАГ. Начало. Пермь: Издательство Пермского национального исследовательского университета, 2017. С. 86–97.

[12] РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 16. Д. 267.

[13] РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 16. Д. 267. Л. 8–9.

[14] РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 3638Р. Л. 11.

[15] В.В. Шпицберг скончалась до 1906 г.

[16] *Кильдюшевский В. И., Петрова Н. Е.* Обнаружение захоронений жертв красного террора в Петропавловской крепости. Итоги сезонов 2009–2011 // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Исследования и материалы. Выпуск 21. СПб.: ГМИ СПб. 2011. С. 128.

[17] Захоронение состоялось 14 ноября 2011 г. на Новодевичьем кладбище в Санкт-Петербурге. Перед похоронами прошло отпевание в Никольском морском соборе.

[18] Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-92755. Т. 1. Л. 154–162.

[19] РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 579В.

[20] РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 579В. Л. 1.

[21] *Тюриков С. В.* Экспедиция особого назначения на Дунае по оказанию помощи Сербии в августе 1914 г. –октябре 1915 г. : хроники Русских Морских отрядов в Сербии и на Дунае . СПб.: Галерея Принт, 2015.

[22] РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 579В. Л. 16(оборот).

[23] *Веселкина О. М.* (1873–1949), фрейлина императрицы Александры Федоровны, после революции 1917 г. уехала в Екатеринбург. С 1930 г. — руководитель кафедры иностранных языков в Свердловском государственном университете.

[24] См. выпуски вышеперечисленных изданий за период с 6 сентября 1918 г. по 10 сентября 1918 г.

[25] Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-92755. Т. 4. Л. 37.

[26] РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 10–1. Д. 19Д. Л. 1–7.

[27] Там же. Л. 9.

[28] РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 5. Д. 86. Л. 5–6.

[29] В личном деле сведения о семье: жена Екатерина Андреевна Игельстром, дочь Ирина (род. 21.07.1905), сын Андрей (род. 26.02.1907) // РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 10-1. Д. 19Д. Л. 10 (оборот).

[30] РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 9406.

[31] Бахирев Михаил Коронатович (1868–1920), вице-адмирал, участник обороны Порт-Артура, участник Моонзундского сражения. В 1918 г. был арестован и содержался в тюрьме до марта 1919 г. Затем был освобожден, назначен в Морскую историческую комиссию. Арестован повторно Петроградской ЧК 17 ноября 1919 г. за участие в подготовке восстания для оказания помощи войскам Северо-Западной армии Н. Н. Юденича. Расстрелян по приговору коллегии ВЧК в 1920 г.

[32] Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-88000.

[33] РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 3246П. Л. 1.

[34] РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 3246П. Л. 8 (оборот)–9.

[35] РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 15. Д. 222. Л. 7.

[36] РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 15. Д. 222. Л. 13–14.

[37] См.: *Ратьковский И. С.* Петроградская ЧК и организация доктора В.П. Ковалевского в 1918 г. // Новейшая история России. 2012. № 3. В статье подробно рассказывается о мемуарах эмигрантов, в которых упоминается участие П. М. Плена в белогвардейских организациях.

[38] Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-92755. Т. 6. Л. 103.

[39] РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 12. Д. 897. Л. 1 (оборот).

[40] РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 12. Д. 897. Л. 3–4.

[41] РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 13. Д. 15-К. Л. 2.

[42] РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 12. Д. 897. Л. 3.

[43] Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-92755. Т. 6. Л. 106.

Е. Г. Удалова

Морские офицеры Ермаковы — разные пути

Революция 1917 года и последовавшая за ней Гражданская война сломала огромное число семей, уничтожив и раскидав по миру многих людей. Уже неоднократно писали и говорили о родственниках, оказавшихся по разные стороны фронта, воевавших за красных и белых. Так произошло и в семье потомственных моряков Ермаковых. Хотя они и не стояли с оружием друг против друга, но оказались по разные стороны баррикад: кто-то стал «строителем Красного флота», кто-то вынужден был эмигрировать, продолжая служить прежней России. Мы можем только сожалеть о том, что родные люди потеряли друг друга, что прервалась династия российских моряков, честно служивших Родине.

Основатель этой морской семьи, Петр Гаврилович Ермаков (1838–1891), происходил «из Дворян г. Кронштадта»[1]. Служил в различных подразделениях Флота. Его последнее назначение было во «временную школу учеников 7 экипажа для присмотра за учениками и для обучения их»[2]. Петр Гаврилович и его супруга Татьяна Александровна (урожденная Пташкина, дочь майора) имели двоих сыновей — Владимира и Мстислава.

Владимир Петрович Ермаков родился 24 января 1867 г. Учился в Кронштадском реальном училище, в 1881 г. поступил Военно-морское училище. Окончив его в 1887 г. получил звание мичмана и был «назначен в 4 флотский экипаж субалтерн-офицером»[3]. Но на этом его обучение не закончилось: в 1891 г. он проходит добавочные двухмесячные курсы

Штурманского дела, а в 1899 г. трехмесячный «краткий курс минного дела в Минных Офицерских классах»[4].

Его служба проходила на судах Балтийского флота на различных должностях. В октябре 1903 г. Ермаков был назначен старшим офицером на крейсер 1 ранга «Владимир Мономах», где и застала его начавшаяся Русско-японская война. У острова Цусима 14 и 15 мая 1904 г. «Владимир Мономах» сражался в составе 2-й Эскадры, неоднократно открывая огонь по вражеским судам. В первый день Цусимского сражения крейсер прикрывал собой наши броненосцы и транспорты, выполняя приказ флагмана: «В 10 ч. 25 м. утра, с флагманского крейсера «Олег», сигналом приказано: «Владимиру Мономаху», «быть с правой стороны транспортов для охраны их»[5]. Японцы старались удержать нашу эскадру на месте, при попытках наших кораблей прорваться к северу, «огонь неприятеля усиливался, наши крейсеры и транспорты начинали метаться и временно выходить из строя. «Владимир Мономах» несколько раз закрывал их и принимал огонь на себя»[6]. Во время одной из атак Владимир Петрович «был контужен взрывом мины»[7], но свой пост не покинул.

К вечеру 14 мая вражеская торпеда попала в правый борт крейсера, три угольных ямы были затоплены и судно получило сильный крен. В течение ночи «Владимир Мономах» продолжал отвечать огнем на атаки японских миноносцев. Утром 15 мая крейсер остановился, так как вода залила топки котлов. Корабль было уже не спасти, с него стали эвакуировать в первую очередь раненых и больных, используя исправные плавсредства. Остальные члены команды пытались спастись на плотах, спасательных кругах, буях и койках. Командир «Владимира Мономаха» капитан 1 ранга Владимир Александрович Попов приказал открыть кингстоны. На борту остался лишь он и старший офицер Владимир Петрович Ермаков. Высадившиеся с крейсеров «Садо-Мару» и «Манджу-Мару» японцы хотели буксировать «Владимир Мономах», но это было уже невозможно. Заставив командира Попова и старшего офицера Ермакова сойти в шлюпку, они покинули тонущий крейсер. Около полудня 15 мая 1905 г. «Владимир

Мономах» затонул около острова Цусима. Попов отметил Ермакова и других членов команды в своем рапорте: «Офицеры и команда крейсера, во время всего боя и отражения минных атак, вели себя выше всякой похвалы и я могу сказать, что все исполнили свой долг. Считаю своей обязанностью донести, что старший офицер Капитан 2 ранга Ермаков, штурманский офицер Лейтенант Орлов, Мичман Лукомский, артиллерийский офицер Лейтенант Нозиков, Мичман Павлинов, трюмный механик Поручик Эльсберг, прапорщик по морской части Джорж, приложили очень много усердия к делу»[8].

26 офицеров с крейсера «Владимир Мономах», в том числе командир Попов и старший офицер Ермаков оказались в японском плену. После семи месяцев пребывания в городе Канадзава 13 декабря 1905 г. Владимир Петрович вернулся во Владивосток.

Его служба продолжилась на Балтийском флоте. В 1911 г. Ермаков назначен «Командиром уч. судна «Николаев»[9]. Также в 1914 Владимир Петрович был «Начальником Учебного Отряда подводного плавания»»10 и командиром на подводной лодке «Стерлядь», которая использовалась для отработки учебных атак.

С 29 января 1915 Ермаков стал исполнять должность Старшего Помощника капитана над Кронштадским портом. А с марта того же года он назначен «Председателем особого Присутствия по назначению пенсий и пособий мастеровым и рабочим Кронштадского порта»[11].

Продолжая добросовестно служить на флоте и при Советской власти, Владимир Петрович Ермаков пользовался доверием портовых работников. В марте 1917 г. он «по выбору служащих, мастеровых и команды вступил в исполнение обязанностей Командира Кронпорта»[12]. Это было сложное время, и в течение первых двух месяцев генерал-майор Ермаков, являясь одновременно и капитаном над Кронштадским портом, работает без помощников. Переутомление, а возможно и другие причины, вынуждают его уволиться в отставку по состоянию здоровья в ноябре 1917 г. Но через год он «вновь принят на военно-морскую службу»[13].

Несмотря на лояльность Владимира Петровича Ермакова к новой власти, не все в его жизни и службе было гладко. После произошедшего в марте 1921 г. вооруженного выступления матросов Балтийского флота и гарнизона Кронштадской крепости, Владимир Петрович «был под судом по обвинению участия в Кронштадском мятеже. Судебным следствием виновность не установлена, ввиду чего приговором окружного Реввоентрибунала Петроградского укрепленного района от 30 июля 1921 г. — оправдан»[14].

Ревностная служба Ермакова не осталась без внимания и поощрения. К 5-й годовщине Красной Армии и Флота в феврале 1923 г. он был «удостоен звания Героя строительства Красного Флота»[15].

В дальнейшем здоровье Владимира Петровича все ухудшалось, в его послужном списке есть несколько записей о заболеваниях. В мае 1928 г. по болезни он уволился от службы со своей последней должности Начальника Адмиралтейского отдела Управления Главного Военного Порта Балтийского моря. В июле 1928 г. Владимир Петрович Ермаков скончался и был похоронен на Кронштадском кладбище. Гроб с его телом моряки-сослуживцы несли на руках через весь город.

Семья Владимира Петровича состояла из жены Марии Алексеевны (урожденной Алексеевой, дочери штабкапитана) и двоих детей: Сергея, 1893 года рождения и Раисы, родившейся в 1901 году. Тяжкие испытания, выпавшие на долю всей нашей страны, не обошли и семью Ермаковых.

Дочь Владимира Петровича — Раиса Владимировна Иванова (1901–1969), прожила всю жизнь в Кронштадте. Работала ответственным секретарем рабочей сберкассы. Блокаду Раиса Владимировна и ее дочь Галина Петровна Иванова (1926–1996) пережили в Кронштадте, служа в отряде МПВО.

Трагично, вдали от Родины и родных прошла жизнь сына Ермакова — Сергея Владимировича (1893–1962). Окончив реальное училище в Либаве, он решил продолжить семейную династию и в 1910 г. поступил в Морской Корпус. Уже через два года он назначен унтер-офицером. За годы учебы был в плавании на нескольких судах, в том числе: на кано-

нерских лодках «Храбрый» и «Грозящий», на учебном судне «Воин», на крейсерах «Аврора» и «Олег». После окончания Морского Корпуса в 1913 г. зачислен в «1-й Балтийский флотский экипаж»[16]. В учебно-минном отряде был *«вахтенным офицером ... командиром 9-й роты учебного судна «Двина»*[17], затем был откомандирован в отряд новобранцев и через недолгое время стал ротным командиром.

8 апреля 1915 г. состоялась свадьба Сергея Владимировича и Марии Николаевны Малевич (1893–1949), дочери подполковника 199-го Кронштадского ротного полка. Венчание проходило в судовой церкви учебного судна «Двина», где Ермаков проходил в то время службу. В сентябре 1916 г. у них родился сын Владимир.

В апреле 1916 г. С. В. Ермаков *«произведен ... в лейтенанты»*[18], а с декабря «зачислен слушателем в минный офицерский класс»[19]. Последняя запись о прохождении службы в Балтийском флоте гласит: «причисляется в резерв чинов морского министерства … 21 июня 1917 г.»[20].

Затем следы его пребывания обнаруживаются на юге России. В июне 1920 г. Вице-адмирал М. Саблин объявляет временный список старшинства лейтенантов. С 25 апреля 1920 г. Главнокомандующий Вооруженными Силами на юге России контр-адмирал Евдокимов назначает лейтенанта С. В. Ермакова (Кавказский офицерский полк) в Черноморский Флотский экипаж.

В ноябре 1920 г. Русская эскадра ушла из Крыма. Сергей Владимирович Ермаков навсегда покинул Родину. Вся его дальнейшая жизнь прошла во Франции. Он скончался 12 февраля 1962 г. и был похоронен на кладбище «Кормейан-Паризис» близ Парижа[21]. Мы были уверены, что вместе с Сергеем Владимировичем эмигрировали его жена и сын. Но все оказалось не так. В начале 2017 г. нас разыскал сын Марии Николаевны* от ее второго брака — Кирилл Леонидович Новиков. Оказалось, что эмигрировать смог только Сергей Владимирович. Мария Николаевна оставалась с ребенком в

* Умерла 24.06.1949.

Кронштадте, а в 1920 г. пыталась пробраться на юг, в Ялту, но была в дороге арестована. Когда её отпустили, вернулась домой к сыну. Маленький Владимир умер в конце 1920 г. и был похоронен около могилы своего деда — Владимира Петровича Ермакова. В 1925 г. из Франции пришло письмо от Сергея Владимировича, в котором он звал супругу и сына приехать к нему. Но у Марии Николаевны уже была другая семья….

Эмигрантом стал и младший брат Владимира Петровича Ермакова — Мстислав.

Мстислав Петрович Ермаков родился 14 июня 1873 г. Его отец и мать скончались в 1890 г., и, оставшись круглым сиротой в семнадцать лет, он «воспитывается на казенный счет»[22] в Техническом училище Морского ведомства. Окончив в 1895 г. училище, получает звание младшего инженер-механика и зачисляется в корпус Инженер–механиков. Вся его служба проходила на Черноморском флоте. Начинал с судового механика на миноносце № 256, затем трюмным механиком, «заведующим механизмами всех маяков Черного и Азовского морей»[23], преподавателем машинных классов, работал в составе различных комиссий на судах. Мстислав Петрович служил на многих кораблях Черноморского флота: «Гонец», «Веха», «Донец», «Ростислав», «Чесма», «Император Александр II», «Три Святителя» и «Георгий Победоносец».

Мстислав Петрович имел ранение (перелом костей предплечья правой руки штурвальным колесом), полученное им при «плавании в водах Архипелага на мореходной канонерской лодке «Донец» в бухте Суда у острова Крит»[24]. За участие в первой всеобщей переписи населения России, Ермаков «Всемилостивейше награжден темно-бронзовой медалью за труды по первой переписи населения Российской Империи»[25].

С 1883 по 1906 гг. инженер-механики и корабельные инженеры, как и корабельные врачи, были лишены военных чинов и приравнивались к гражданским чинам флота. Это очень задевало инженер-механиков и даже привело к тому, что Мстислав Петрович в 1902 г. уволился из флота «для службы на коммерческих судах»[26]. Причиной увольнения стал инци-

дент при посещении броненосца «Ростислав» морским министром генерал-адмиралом великим князем Алексеем Александровичем: «Прибыв на броненосец, Генерал-Адмирал, обходя фронт офицеров, поздоровался с флотскими офицерами, подавая каждому из них руку. Так продолжалось, пока он не дошел до последнего мичмана, после чего не протянул руку инженер-механикам. На следующий день М. П. Ермаков подал рапорт своему Августейшему командиру, прося отдать его под суд. Командир долго убеждал его взять рапорт обратно. М. П. Ермаков послушался, а затем ушел в запас, поступив инспектором Русско-Дунайского пароходного общества, державшего рейсы между Одессой и Дунаем, и получил место директора этого Общества»[27]. В феврале 1908 г. Мстислав Петрович «зачислен в запас флота», а в октябре 1909 г. «Высочайшим приказом по морскому ведомству уволен из запаса в отставку подполковником и зачислен в морское ополчение по Херсонской губернии»[28]. В отставке Ермаков находился до начала Первой мировой войны.

Для скорейшей военно-технической и материальной помощи Сербии российское правительство в лице Морского Министерства в августе 1914 г. создало Экспедицию особого назначения (ЭОН). Руководил Экспедицией флигель-адъютант капитан 1-го ранга М.М. Веселкин. В сентябре 1914 г. Веселкин призвал Ермакова «по военно-судовой повинности в состав экспедиции с назначением помощником Начальника экспедиции»[29] в чине инженер-механика, капитана 2 ранга. Мстислав Петрович должен был заниматься хозяйственной и распорядительной частью. В то же время он оставался управляющим Русского Дунайского пароходства, практически все корабли которого были включены в ЭОН для обеспечения безопасности перевозок по Дунаю. После перевода Веселкина в Севастополь, с декабря 1916 г. Ермаков был назначен начальником Экспедиции.

Мстислав Петрович имел много поощрений по службе и наград Российской Империи. Назовем некоторые из них: Св. Станислава 3-й ст., Св. Анны 3-й ст., Св. Владимира 4-й степени мечами и бантом к нему («за отличия в делах

против неприятеля»[30]) и Серебряный знак полного окончания курса Морского инженерного училища императора Николая I. В феврале 1915 г. «награжден светло-бронзовой медалью за труды по всеобщей мобилизации 1914 года»[31], а «за особые труды, вызванные обстоятельствами настоящей войны»[32] в ноябре 1915 г. произведен в капитаны 1 ранга.

Послужной список Мстислава Петровича Ермакова составлен к 1 января 1916 г. Дальнейшие сведения о нём относятся к июлю 1919 г., когда Ермаков поступил в «распоряжение Главного начальника Снабжений»[33]. Оставшись верным присяге Императорскому флоту, Владимир Петрович не принял власти большевиков и перешел на сторону белых. В 1919–1920 гг. в Севастополе он возглавляет работы по восстановлению и ремонту кораблей Черноморского флота. «В ноябре 1920 г. подготовил к переходу в Константинополь большое число судов и осуществил техническое обеспечение проводимой адмиралом М. А. Кедровым эвакуации армии генерала Врангеля из Крыма»[34]. После преобразования Черноморского флота в Русскую эскадру, М.П. Ермаков был «назначен командиром IV отряда, младшим флагманом»[35]. В ноябре 1920 г. армия Врангеля была вынуждена покинуть Крым — «в Константинополь на 126 судах было эвакуировано 145693 человека (без судовых команд)»[36]. В телеграмме Главнокомандующего говорилось: «Я отдал приказ об оставлении Крыма, учитывая те трудности и лишения, которые Русской Армии придется перетерпеть в ее дальнейшем крестном пути, я разрешил желающим остаться в Крыму. Таких почти не оказалось. Все казаки и солдаты русской Армии, все чины русского Флота, почти все бывшие красноармейцы и масса гражданского населения не захотели подчиниться коммунистическому игу. Они решили идти на новое тяжелое испытание, твердо веря в конечное торжество своего правого дела. Сегодня закончилась посадка на суда, везде она прошла в образцовом порядке. Неизменная твердость духа флота и господство на море дали возможность выполнить эту беспримерную в истории задачу и тем спасти Армию и население от мести и надругания»[37]. В. Лобыцын

пишет: «Руководили эвакуацией Командующий ЧФ Кедров, его начальник штаба Машуков и начальник морского транспорта Ермаков»[38].

В своей книге «Бизерта. Последняя стоянка» Анастасия Александровна Ширинская упоминает и о Мстиславе Петровиче Ермакове: «Ещё 4 апреля 1920 года были приняты меры для переправки, в случае необходимости, Белой армии в Константинополь. … Нужно оценить по заслугам труды командующих Черноморским флотом вице-адмиралов Саблина и Ненюкова; начальника штаба контр-адмирала Николя; начальника морского управления вице-адмирала Герасимова; флагмана, инженера-механика Берга; инженера-механика генерал-лейтенанта Ермакова; контр-адмирала Евдокимова и подчиненных им лиц. Благодаря их предварительной работе эвакуация Крыма прошла в образцовом порядке»[39].

Мстислав Петрович Ермаков покинул Родину вместе со своей семьей. Вместе с ним эмигрировали его супруга Валентина Михайловна (урожденная Телятникова, дочь севастопольского купца 2-й гильдии) (1877–1951) и дети — Анна, Владимир, Мстислав, Петр и Ростислав. Они высадились с корабля в Константинополе и провели там около двух лет. Командующий эскадрой назначил Ермакова старшим морским начальником в Константинополе, представителем русских моряков перед французским правительством. Мстислав Петрович помогал своим соотечественникам выжить, устраивал их на работу и учебу. В начале 1920-х гг. Ермаковы перебрались во Францию, их надеждам вернуться в Россию не суждено было сбыться.

Мстиславу Петровичу удалось и в Париже получить работу инженер-механика. Много сил отдавал он общественной деятельности. Он стал организатором и пожизненным председателем Объединения бывших воспитанников Морского инженерного училища имени Николая I; неоднократно писал поздравительные статьи инженер-механикам, находящимся в различных странах мира. Он был избран почётным членом Морского Собрания; делегатом Российского Зарубежного съезда от Франции в 1926 г. Был секретарем федера-

ции союзов дипломированных инженеров, старшиной Кают-компании морских офицеров в Париже, возглавлял группу Военно-Морского союза; член Совета Российского торгово-промышленного и финансового союза и т.д. Редактировал «Вестник Федерации Союзов русских инженеров за границей», сотрудничал в «Морском журнале», издававшемся в Праге, был заместителем председателя Общества друзей журнала «Часовой». Мстислав Петрович оказывал большую поддержку русским эмигрантам, военным и штатским, больным туберкулезом.

Во время Второй мировой войны сыновья Ермакова Владимир и Мстислав, служили во французском флоте. В 1940 г. мичман Владимир Мстиславович Ермаков погиб в Бресте на корабле, взорванном немецкой миной.

Мстислав Петрович скончался 28 августа 1960 г. Валентина Михайловна пережила супруга всего на полгода. Они оба и их сыновья Мстислав и Ростислав похоронены на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Примечания

[1] Полный послужной список 7-го Флотского экипажа умершего на службе состоящего по Адмиралтейству Капитана Ермакова. 1891 г. // РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 850. Л. 4.

[2] Там же. Л. 5 об.

[3] Послужной список на Ермакова Владимира Петровича. 1926 г. // РГАВМФ. .Ф. р-2192. Оп. 3. Д. 946. Л. 23об.

[4] Там же. Л. 6об.

[5] Копия рапорта Командира крейсера I ранга «Владимир Мономах», Капитана 1 ранга Попова 1, в Главный Морской Штаб. // Сборник донесений о Тсусимском бое 14 мая 1905 г. С.-Петербург, 1907. С. 405.

[6] Копия донесения Управляющего артиллерийским огнем крейсера «Владимир Мономах», Лейтенанта Николая Нозикова, о сражении крейсера 14-го и 15-го Мая 1905 года. // Сборник донесений о Тсусимском бое 14 мая 1905 г. С.-Петербург, 1907. С. 427.

[7] Послужной список на Ермакова Владимира Петровича.1926 г. // РГАВМФ. Ф. р-2192. Оп. 3. Д. 946. Л. 24.

[8] Копия рапорта Командира крейсера I ранга «Владимир Мономах», Капитана 1 ранга Попова 1, в Главный Морской Штаб. // Сборник донесений о Тсусимском бое 14 мая 1905 г. С.-Петербург, 1907. С. 414. [Печатается по тексту сборника. Вследствие опечатки в источнике неверно указана фамилия прапорщика запаса флота В. П. Джоржи. Также на крейсере «Владимир Мономах» не было мичмана с фамилией Павлинов — *прим. ред.*].

[9] Послужной список на Ермакова Владимира Петровича.1926 г. РГАВМФ. Ф. р-2192. Оп. 3. Д. 946. Л. 23об.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] Там же. Л.23об.

[13] Там же. Л.23.

[14] Там же. Л. 27.

[15] Там же. Л. 26 об.

[16] Полный послужной список Лейтенанта Ермакова. // РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. 20-Е. Л. 2.

[17] Там же. Л. 2об.

[18] Там же. Л. 3.

[19] Там же. Л. 3об.

[20] Там же . Л. 4.

[21] *В. В. Лобыцин* Мартиролог русской военно-морской эмиграции. М., 2001. С. 59.

[22] Рапорт начальника Технического училища Морского ведомства. РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 850. Л. 9.

[23] Полный послужной список Инженер-механика Капитана 1-го ранга Мстислава Ермакова. // РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 1276. Л. 10об.

[24] Там же. Л. 13об.

[25] Там же. Л.10об.

[26] Там же. Л. 11.

[27] *Гуляев Н. Т.* Корабельные инженеры и инженер-механики флота // Морские записки. 1962. Т.XX. № 3-4 (57). С. 87.

[28] Полный послужной список Инженер-механика Капитана 1-го ранга Мстислава Ермакова. // РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 1276. Л. 11об.

[29] Там же.

[30] Там же.

[31] Там же. Л. 12.

[32] Там же.

[33] Список морских офицеров Вооруженных сил на юге России. // РГАВМФ. Ф. р-332. Оп. 1. Д. 29. Л. 299.

[34] *Н. Рутыч* Биографический сборник высших чинов Добровольческой Армии и Вооруженных Сил Юга России. (Материалы к истории Белого движения). М., 1997, 295 с.

[35] *В. Г. Смирнов* Могилы русских моряков на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. // Цитадель, № 2. 1996.

[36] *П. Н. Врангель* Воспоминания о гражданской войне. Франкфурт-на-Майне, Посев, 1969.

37 Флот в белой борьбе. М., Центрполиграф, 2002. — С. 65.

[38] *В. В. Лобыцын* Сражались за Россию — лежат под Парижем. // Дворянское Собрание, 1995, № 3, с. 284–296.

[39] *А. А. Ширинская* Бизерта. Последняя стоянка — Москва: Военное издательство, 1999. С.102.

Ю. Т. Вартанян

Центральный архив флота и морского ведомства в годы революции (1917–1918 гг.)

В бурную революционную пору 1917–1918 гг. Архиву Морского министерства предстояло непростое испытание — «жить жизнью страны»[1] и сохранить часть её истории. Изменениям подверглось всё — от названия архива, ставшего Центральным архивом флота и морского ведомства, до системы работы.

Как гласил приказ исправляющего должность начальника архива А.И. Лебедева от 6 (19) марта 1917 г., необходимо было стремиться *«с полным напряжением сил содержать все порученные (...) части в полном порядке и выполнять с полным усердием все возложенные на каждого работы, помня, что в настоящее время во вновь родившейся свободной России каждый служащий должен быть сознательным гражданином ея»*[2].

В 1917 г. Архив Морского министерства состоял из:

• Исторического Отдела, подразделявшегося на два отделения — эпохи парусного флота и эпохи парусно-парового флота;

• Текущего Отдела, включавшего дела броненосно-дредноутного периода, начиная с реформы 1885 г. до 1917 г.;

• Особого Временного Отдела при Морском Генеральном штабе для *«для собирания материалов настоящей войны»*;

• Общей канцелярии архива[3].

Также с целью обеспечить *«обслуживание профессиональных нужд всех служащих Архива и поддержание долж-*

ного порядка и дисциплины» в мае 1917 г. был образован Исполнительный комитет Архива Морского министерства[4].

20 сентября (3 октября) 1917 г. согласно приказу по флоту и морскому ведомству Архив Морского министерства получил новое название — Центральный архив флота и морского ведомства. Это произошло по предложению А. И. Лебедева, которое он высказал в докладе на имя помощника морского министра от 16 (29) июня 1917 г., объясняя свою позицию тем, что *«в Архиве Морского Министерства хранятся дела не только центральных учреждений, но и всех местных, расположенных в Петрограде»*[5].

В это же время продолжалась работа по перевозке материалов Исторического отдела архива на новое место. Им стало специально переоборудованное здание на территории Новой Голландии, в котором ранее располагались прачечная, баня и мастерские упразднённой военно-морской исправительной тюрьмы. А. И. Лебедев отмечал, что *«организация перевозки была осложнена (...) тем, что пользуясь ею, решено было внести новое систематическое разделение всех отделов Архива на разделы, деления коего до этого в Архиве не существовало»*[6]. Но, несмотря на это, перевозка прошла *«с особенным успехом»*, за что все принимавшие в ней участие служащие получили денежное поощрение. Кроме того, архив активно занимался пополнением своего собрания. В приказе по флоту и морскому ведомству от 10 (23) июня 1917 г., *«признавая важность исторической эпохи (...) и задаваясь целью возможно более полного собирания материалов»*, содержался призыв ко *«всем бывшим представителям власти, начальникам и лицам, занимавшим ответственные должности, позаботиться о сдаче всех имеющихся у них бумаг, дел и книг за время 1914–1917 гг. в состоящий при Морском Генеральном Штабе Особый Временный Отдел Архива по собиранию материалов текущей войны, а за более раннее время — в общий Архив Морского Министерства»*[7].

Осенью 1917 г. из-за наступления немцев на Петроград принимается решение эвакуировать архив, *«дабы в случае оставления города, не достался трофеем неприятелю»* или

не погиб в результате разграбления, *«поджога чернью»* или стихийного пожара[8]. Причём возможность захвата врагом документов представлялась большей опасностью, так как даже после заключения мира возвращение похищенного в Россию было бы невозможно, как это случилось с морскими архивами, захваченными японцами в Порт-Артуре.

Перевозить документы по настоянию А. И. Лебедева предполагалось по железной дороге прямо до заранее определённого и обеспеченного пункта назначения. Предложенный правительством водный путь на деревянных баржах был категорически отвергнут, поскольку существовала опасность не только *«разгрома и воровства чернью и некультурным народом»*, гибели от пожара или порчи от осадков, сырости, стихийных бедствий, но и *«путаницы с ящиками при неизвестности пункта назначения при отправке»*[9].

В соответствии с решением Союза российских архивных деятелей[10] из Центрального архива флота и морского ведомства в первую очередь планировалось эвакуировать подлинные Высочайшие приказы о чинах военных и гражданских за 1897–1914 гг., журналы Адмиралтейств-Совета за 1911–1912 гг., документы архивов адмиралов А. А. Бирилёва и И. К. Григоровича и другие[11].

По поручению А. И. Лебедева исправляющий должность делопроизводителя архива М. Н. Варфоломеев вместе с чинами Главного гидрографического управления занимался поисками подходящих помещений для хранения эвакуируемых из Петрограда частей Архива Морского министерства, Морского музея и Морской библиотеки. Предполагалось отправиться с этой целью в Ярославль, Ростов (Ростов Великий — *Ю.В.*), Углич, Рыбинск и другие пункты. Отдельно указывалось, что *«помещение для этих надобностей необходимо подыскать безопасное в пожарном отношении, сухое, в каменном здании с хорошими запорами, в виде склада, имеющего при себе помещение для жилья не менее 2-х чиновников и 2–3 сторожей. Размер помещения должен быть не менее 200 куб. саж. и не более 300 к.с.»*[12]. *«Весьма пригодными»* для такой цели признавались те помещения, что принадле-

жали местным и близлежащим монастырям. В итоге для размещения документов был выбран Ростовский кремль[13].

При этом, как указывал в отчёте заведующий историческим отделом Г. А. Князев, *«отсутствие общего плана эвакуации Петрограда и в частности архивов очень затрудняло составление отдельного плана эвакуации Истор[ического] Отдела (….). Всё время вставал вопрос о целесообразности эвакуации и всех тех опасностей в пути и на месте для эвакуируемых архивных материалов»*[14].

Более того, во время подготовки к эвакуации дела *«поступили в громадном количестве и из некоторых учреждений даже за целые десятки лет; причём в виду спешности дела сдавались не в порядке и принимать их пришлось без всякого соблюдения установленных на сей предмет правил и инструкций»*. Например, *«Портовая Контора прислала несколько возов дел без всякого прикрытия, так что часть из них была подмочена дождём и снегом»*. По мнению М. Н. Варфоломеева, это происходило из-за желания некоторых учреждений *«как-нибудь «спихнуть» дела в Архив, благо на то дана возможность, избежав таким образом всей предварительной работы, предписываемой правилами и инструкциями Архива»*[15].

Однако эвакуация так и не была проведена из-за начавшихся переговоров о заключении мира. В докладе на имя начальника Морского генерального штаба А. И. Лебедев просил разрешения *«отменить (…) все распоряжения, связанные с эвакуацией архивов Морского Ведомства из Петрограда, распаковать уложенные дела и приступить к нормальной работе по разборке и описанию их»*. 5 декабря было получено соответствующее разрешение от комиссара Морского генерального штаба Ф. Ф. Раскольникова[16]. Но последующие события, по замечанию Г. А. Князева, *«опрокинули все планы и намерения», и «наступили самые тяжелые дни», когда «об исполнении какого-либо точно намеченного плана нечего было и думать»*[17].

И всё же, несмотря на непростые условия, архив продолжал работать. Например, с 6 по 9 ноября 1917 г. были приняты дела Свеаборгского порта[18].

Приказом от 15 (28) ноября 1917 г. за подписью народного комиссара по военно-морским делам П. Е. Дыбенко и управляющего Морским министерством М.В. Иванова Верховная морская коллегия утвердила список комиссаров и их помощников при отделах Морского министерства, которые должны были санкционировать все дела по каждому отделу[19]. Комиссаром при Центральном архиве флота и морского ведомства стал матрос линейного корабля «Полтава» Иван Дмитриевич Рогов[20], чьи обязанности состояли в подписании и наблюдении за точным исполнением бумаг, а также хозяйственной и технической частью.

На 11 часов утра того дня, когда газета «Правда» опубликовала приказ о назначении комиссаров, в зале Адмиралтейств-Совета ожидалось чрезвычайное общее собрание всех служащих центральных учреждений Морского министерства. В объявлении о собрании говорилось: *«Товарищи сослуживцы! Прежних начальников наших больше нет. Мы предоставлены сами себе. Это ставит нас в необходимость решить:*

1. Как отнесёмся мы к этому [факту] вынужденного отставления высших чинов, не пожелавших признать власть комиссара.

2. Признаём ли мы власть комиссара (безусловно или условно).

3. Если признаём, то как отнесёмся к лицам, которые будут назначены на места уволенных начальников, если лица эти будут призваны не из нашей среды и не будут знать дела»[21].

В итоге постановлением Центрального Исполнительного комитета вопрос о законности власти был признан вопросом политического характера, подлежащим компетенции Учредительного собрания. Кроме того, указывалось на невозможность приостановки работы в условиях военного времени для недопущения нарушения правильного обслуживания флота. Работу следовало производить *«обычным порядком и на основании действующих постановлений, подчиняясь власти народного комиссара над Морским Мини-*

стерством» на условиях назначения и увольнения комиссаров и других начальников и служащих с согласия местного Исполнительного комитета[22]. Также на внеочередном собрании Исполнительного комитета архива, которое состоялось 22 ноября (5 декабря) комиссар Рогов подтвердил, что *«ни в научную разработку архивного материала, ни в вопросы реорганизации и постановок архивного дела (…) вмешиваться не будет»*. Также он заверил, что служащим архива обеспечивается свобода политических убеждений, *«подчеркнув, что, конечно, всё это допустимо лишь вне службы; на службе политике не должно быть места»*[23]. Как подчёркивал А.И. Лебедев, в момент упрочения новой власти *«служители культурным ценностям»* должны были быть готовы их защищать; оставаться на своих местах нужно было *«до тех пор, когда потеряется смысл и цель»* всей деятельности, или будет силой отнята возможность работать[24].

Возникали и бытовые трудности. Например, из-за уменьшения хлебного пайка до минимума, а также прекращения выдачи продуктов из порта Исполнительный комитет решил командировать кого-либо для закупки и доставки 10–20 мешков картофеля. Вместе с тем оговаривалось, что *«ввоз в столицу продуктов сопряжён с некоторым риском, т. к. несмотря на разрешение Центр[альной] Продов[ольственной] Управы (…) не исключается возможность реквизиции означенного продукта красногвардейцами, действующими при этом так сказать по собственному усмотрению»*. Поэтому было решено установить предварительную запись желающих получить картофель с согласием *«понести некоторые убытки в том случае, если по указанной выше причине не представиться возможным доставить этот продукт»*[25]. Также через посредство Центрального Исполнительного комитета можно было получить берёзовые дрова из запасов Петроградского порта в количестве не более 12 саженей на зимний период 1917–1918 гг. по цене 55 рублей за сажень. Особо оговаривалось, что *«для тех служащих, которые нуждаются теперь в получении дров полторы сажени могут быть [доставлены] немедленно»*[26].

24 ноября (7 декабря) 1917 г. общее собрание служащих Центрального архива флота и морского ведомства единогласно избрало А. И. Лебедева начальником архива. Председатель собрания Г. А. Князев подчернул, что выбор начальника — не пустая формальность; было *«совершено действие большой и очень серьёзной моральной ответственности, взятой каждым на себя добровольно»*[27]. Он пожелал, чтобы это послужило *«верным залогом для дальнейшей плодотворной работы в архиве»*[28]. Было также принято предложение Александра Ивановича считать 27 октября (9 ноября) — день памяти святого Нестора Летописца — архивным праздником. Поскольку из-за беспорядков в Петрограде отметить его вовремя не удалось, решили *«отслужить в одно из ближайших воскресений молебен и вместе с тем произвести освящение нового помещения Исторического Отдела»*[29]. Кадровый состав архива предполагалось формировать из бывших служащих Морского министерства, которые оказались за штатом, в резерве или вообще уволены от службы. Именно их образованное при Центральном исполнительном комитете архива флота и морского ведомства Бюро труда должно было считать *«первыми кандидатами при замещении вакантных должностей в будущем»*. Порядок выбора предполагался следующий: сначала выбирались кандидаты из списка Центрального комитета, а при отсутствии в таковом подходящего работника — из кандидатского списка архива[30].

В январе 1918 г. *«для объединения и общего руководства архивной, музейной и библиотечной частям во флоте и морском ведомстве»* Центральный архив флота и морского ведомства вместе с Морским музеем и библиотекой Морского министерства был присоединён к Морскому генеральному штабу. Начальники этих учреждений вместе с комиссаром при Морском Генеральном штабе, представителем конференции Николаевской морской академии и начальником исторического отделения Морского генерального штаба образовали Совет под председательством начальника Генмора[31]. Согласно Временному положению о Центральном архиве

флота и морского ведомства, утверждённому в апреле 1918 г., *«руководство всею научной работою Центрального Архива и деятельностью по цели назначения всех отделов, местных отделений и Управления Архивной частью»* осуществлялось управляющим архива, который также председательствовал в Совете Центрального архива. Совет имел право, по соглашению с Советом по архивно-музейно-библиотечным делам при Морском генеральном штабе, предлагать кандидатов на пост управляющего Центральным архивом, которого затем избирало общее собрание служащих Управления архивной частью и отделов Центрального архива. Одной из главных обязанностей управляющего Центральным архивом было *«изучение эволюции флота и органов управления морского ведомства, а также деятельности лиц, стоявших во главе или имевших историческое значение, письменные следы деятельности коих, как официальные так и частного характера, т.е. письма, дневники, воспоминания, записки и т. п., могут служить источниками для истории флота и морского ведомства»*[32]. Изменилась и структура архива. Теперь он состоял из следующих отделов: исторического, текущего, военно-морского для собирания материалов войны 1914–1917 гг. и революции, местных отделений в портах и Управления архивной частью. В каждом из военных портов-баз флота были открыты местные отделения Центрального архива[33].

1 июня 1918 г. был опубликован Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела», в соответствии с которым все архивы правительственных учреждений ликвидировались как ведомственные учреждения, а хранящиеся в них дела и документы образовали Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ). Заведывание этим фондом возлагалось на Главное управление архивным делом, куда также поступили все дела и переписка правительственных учреждений, законченные к 25 октября 1917 г. [34] Центральный архив флота и морского ведомства таким образом перестал быть самостоятельным учреждением и вошёл в состав 2-го (военно-морского) отделения III секции ЕГАФ [35].

Примечания

[1] *Малевинская М.Е., Мазур Т.П.* Сокровищница на Миллионной: очерк — М.: Андреевский флаг, 1994. С. 9.

[2] Книга приказов по архиву Морского министерства. 1 января – 28 декабря 1917 г. // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 96. Л. 3.

[3] С подлинными докладами по Архиву Морского министерства. 12 января – 15 декабря 1917 г. // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 41. Л. 3.

[4] Книга приказов по архиву Морского министерства. 1 января – 28 декабря 1917 г. // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 96. Л. 9.

[5] Там же. Л. 18; Копии докладов, декретов и приказов канцелярии Архива Морского министерства. 19 мая 1917 г. – май 1918 г. Л. 25 // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 98.

[6] Книга приказов по архиву Морского министерства. 1 января – 28 декабря 1917 г. // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 96. Л. 14, 17.

[7] Копии докладов, декретов и приказов канцелярии Архива Морского министерства. 19 мая 1917 г. – май 1918 г. // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 98. Л. 16.

[8] Там же. Л. 32.

[9] Там же. Л. 32об.

[10] По решению Союза российских архивных деятелей вывозу подлежали: *«а) важнейшие документы XVIII и XIX вв. общегосударственного исторического значения, а также современные секретные, могущие иметь значение для неприятеля; б) подлинные Высочайшие Повеления, указы, Всеподданнейшие доклады и т.п.; в) части архивных фондов важнейшего исторического значения, объединяющие в себе данные остальных частей этого фонда, напр. для XVIII в. журналы и протоколы коллегий, камер-фурьерские журналы и т.п.; г) рукописные отделы и ценнейшие уники ведомственных или архивных библиотек; д) карты, планы, чертежи; е) частные архивы, сданные на хранение в архивы; г) описи и указатели»*. [По эвакуации текущего отдела Архива Морского министерства. 28 августа – 12 ноября 1917 г. // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 59. Л. 5.].

[11] Там же. Л. 8–10.

[12] По эвакуации Текущего отдела Архива Морского министерства. 28 августа — 12 ноября 1917 г. // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 59. Л. 2 — 2об.

[13] Там же. Л. 3.; Среди других вариантов рассматривался также Спасо-Прилуцский (Спасо-Прилуцкий Димитриев) монастырь в пяти верстах от Вологды *«на реке Вологда у полотна железной*

дороги на Архангельск». Для документов архива сначала предполагалось выделить небольшую надвратную церковь под входными воротами, а затем — трапезную. [Приём на хранение вещей и документов, предметов и вещей обстановки, оставшихся после эвакуации Центральных учреждений морского ведомства в Москву. 4 января — 15 апреля 1918 г. // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 997. Л. 76–76об.]

[14] Отчёт о работе исторического отдела архива с 1 апреля по 31 декабря 1917 г. 1918 г. // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 1019. Л. 2–3.

[15] Выборы и назначения в комитеты служащих архива, объединение общих вопросов личного состава, как о взаимоотношениях, так и материально-хозяйственного характера. 19 октября – 30 декабря 1917 г. // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 56. Л. 6.

[16] Книга приказов по архиву Морского министерства. 1 января – 28 декабря 1917 г. // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 98. Л. 34.; С подлинными докладами по Архиву Морского министерства. 12 января – 15 декабря 1917 г. // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 41. Л. 21.

[17] Отчёт о работе исторического отдела архива с 1 апреля по 31 декабря 1917 г. 1918 г. // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 1019. Л. 3.

[18] Там же. Л. 3об.

[19] Там же. Л. 29об.

[20] Общие собрания служащих Центрального архива флота и морского ведомства. 9 мая – 24 ноября 1917 г. // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 79. Л. 12об.

О матросе И.Д. Рогове известно, что он служил машинистом на линейном корабле «Полтава», был комиссаром Военно-Морского Революционного комитета в Дерябинских казармах 2-го Балтийского флотского экипажа, где ему предписывалось *«выяснить наличие сил экипажа и подготовить его к тому чтобы по первому требованию (...) дать отпор ожидаемым выступлениям контрреволюционеров»*. 29 января 1918 г. приказом по флоту и морскому ведомству № 124 отчислен с должности комиссара архива *«с назначением комиссаром при Отделе снабжения металлов Главного Управления Кораблестроения»*. До апреля 1919 г. состоял комиссаром Главного управления кораблестроения, после чего был направлен *«в распоряжение Морского Отдела Революционного Военного Совета Республики с сохранением получаемого им содержания»*. [Списки команды линейного корабля «Полтава» на 1 февраля 1917 г. – 1 февраля 1918 г. // РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 3. Д. 165. Л. 74.; Материалы по формированию Онежской флотилии и отряда моряков для отправки на Уральский фронт, о 5-ом съезде моряков

Балтийского флота, уничтожении заграждений в Балтийском море и по др.вопросам; перехваты передач немецкого и французского радио; обращение к немецким матросам; списки и удостоверение личного состава флота // РГАВМФ. Ф. р-96. Оп. 1. Д. 57. Л. 2–4.; Приказы по флоту и морскому ведомству. Подлинники. 1918–1919 гг. // РГАВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 171. Л. 40.; Приказы по флоту и морскому ведомству. 1917–1918. Л. 1об / НСБ РГАВМФ; Удостоверения военных моряков и служащих учреждений, частей, соединений и судов морского ведомства; списки и удостоверения бывших моряков Черноморского флота, направляемых в Петроград, Мурманск, Нижний Новгород и Волжскую военную флотилию. 1918 г. // РГАВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 230. Л. 45.; Приказы Реввоенсовета Республики по флоту и морскому ведомству. Подлинники. 1919 г. // РГАВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 329. Л. 78.].

[21] Выборы и назначения в комитеты служащих архива, объединение общих вопросов личного состава, как о взаимоотношениях, так и материально-хозяйственного характера. 19 октября – 30 декабря 1917 г. // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 56. Л. 3.

[22] Там же. Л. 4.

[23] Протоколы заседаний совета Центрального архива флота и морского ведомства и резолюции Центрального Исполнительного комитета. 1917 г. // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 101. Л. 6 – 6об.

[24] Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Совета Архива и связанная с этим переписка. 29 мая 1917 – 30 декабря 1918 гг. // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 75. Л. 73об – 74.

[25] Протоколы заседаний совета Центрального архива флота и морского ведомства и резолюции Центрального Исполнительного комитета. 1917 г. // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 101. Л. 18.

[26] Повестки Центрального комитета и разные бумаги к сведению. 13 марта – 16 декабря 1917 г. // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 80. Л. 44а.

[27] Журналы заседаний Исполнительного комитета центральных учреждений морского ведомства // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 81. Л. 66об.

[28] Там же. Л. 66об.

[29] Протоколы заседаний совета Центрального архива флота и морского ведомства и резолюции Центрального Исполнительного комитета. 1917 г. // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 101. Л. 12.

[30] Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Совета Архива и связанная с этим переписка. 29 мая 1917 – 30 декабря 1918 гг. // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 75. Л. 104.

[31] Приказы по флоту и морскому ведомству. 1917–1918. Л. 223–223об. // НСБ РГАВМФ.

[32] Приказы по флоту и морскому ведомству. 1917–1918. Л. 221об. // НСБ РГАВМФ.

[33] Приказы по флоту и морскому ведомству. 1917–1918. Л. 102. // НСБ РГАВМФ.

[34] Декреты и положения РСФСР об архивном деле. 1918–1919 гг. (копии) // СИФ РГАВМФ. Инв. № 44. Л. 1.; дата 1 июня — по новому стилю, т.к. с 1 (14) февраля 1918 г. в России был введён западно-европейский календарь [Приказы по флоту и морскому ведомству. Подлинники. 1918–1919 гг. // РГАВМФ. Ф. р-5. Оп. 1. Д. 171. Л. 9–10.].

[35] Приказы по архиву, протоколы собраний и заседаний исполнительного комитета и комиссии, повестки, циркуляры и другие бумаги, принятые к сведению, а также протоколы совещаний Управляющих отделениями секции и их заместителей Петроградского областного Управления архивным делом. 3 января 1918 – 9 января 1919 гг. // РГАВМФ. Ф. р-749. Оп. 1. Д. 161. Л. 63.

А. Ю. Емелин

Ярославское восстание 1918 г. и судьбы архивных документов учреждений морского ведомства

Любые войны, смуты, революции наносят удары по архивам. Документы, сами по себе не долговечные, чрезвычайно подвержены воздействию огня, воды, сырости. Ещё страшнее злая воля: во время войн — внешнего врага; в дни революций — ликующего возбуждённого народа, стремящегося уничтожить «тяжкое прошлое» (и в том числе документы), «двойных агентов», боящихся обнародования закрытых прежде документов старой власти об их действиях, а также верных своему долгу офицеров и чиновников, стремящихся не допустить возможного попадания секретных бумаг в руки противника. События Великой русской революции, спровоцированные трагедией Первой мировой войны и породившие собой войну гражданскую, также сказались на целости архивных документов, в том числе — документов РГАВМФ. Одним из печальных эпизодов стала гибель документов ряда учреждений морского ведомства во время Ярославского восстания в июле 1918 г.

Статья посвящена поискам ответов на вопросы: как документы центральных учреждений Морского министерства оказались в Ярославле? что с ними произошло во время подавления восстания? какие именно документы оказались утраченными?

Эвакуация: когда, куда и почему?

В течение лета 1917 г. ситуация на русско-германском фронте ухудшалась. Долго готовившееся наступление про-

валилось — войска в массе своей не хотели наступать. 21 августа немцы вошли в Ригу, под стенами которой до этого стояли более двух лет.

23 августа 1917 г. Временным правительством была учреждена должность особоуполномоченного по разгрузке Петрограда, а при нём — особая комиссия. Задача: не вызывая паники (обратим внимание на нейтральный термин — «разгрузка») вывезти вглубь страны (преимущественно — по водным путям) промышленные предприятия, склады, материальные ценности, учреждения, служащих, их семейства.

Тронулись в путь и архивы, в том числе — учреждений морского ведомства. Естественно, все крупные учреждения хранили у себя ещё не сданные в Центральный архив флота и морского ведомства[1] документы последних лет своей деятельности. У ряда учреждений в силу их специфики документов хранилось весьма много. Так, Главное гидрографическое управление (ГГУ) держало «при себе» массу старинных карт и отчётов о проведении съёмок побережий, в кораблестроительном отделе Главного управления кораблестроения (ГУК) находилось много чертежей кораблей и т. д. Вот эти-то документы, вместе с различными приборами и инструментами, были вывезены в Ярославль — частично осенью 1917 г. на деревянных баржах по Мариинской водной системе, частично — весной 1918 г. по железной дороге.

Задача об эвакуации была поставлена и Архиву Морского министерства (Центральному архиву флота и морского ведомства). Начальник архива Александр Иванович Лебедев 17 сентября представил морскому министру доклад, в котором подробно охарактеризовал опасности такой эвакуации. С его точки зрения, скорее следовало принять комплекс мер для обеспечения безопасности документов от пожаров и разграбления чернью в случае занятия города немцами. И, если уж эвакуировать документы, — то только железнодорожным транспортом, постепенно. Доклад был утверждён морским министром контр-адмиралом Д. Н. Вердеревским[2]. Работы по планомерной подготовке эвакуации продолжались (в т. ч. в части приискания помещений в отдалённых горо-

дах — в период с 31 августа по 12 сентября ездил по верхневолжским городам заведующий Текущим отделом архива коллежский секретарь М.Н. Варфоломеев), и были окончательно прекращены в декабре 1917 г., после заключения перемирия и начала переговоров. Отметим быстроту реакции начальника архива А. И. Лебедева — с 4 (17) декабря вступило в силу перемирие, и в тот же день Лебедев составил доклад, заверенный комиссаром архива И. Роговым, на имя начальника Морского Генерального штаба об отмене распоряжений об эвакуации архива. На следующий день начальник Морского Генерального штаба (МГШ) Е. А. Беренс рассмотрел документ и начертал «Согласен», а комиссар штаба Ф. Ф. Раскольников поставил резолюцию «Отменить эвакуацию архива и приступить к нормальной работе в помещении архива в Петрограде. Комиссар Генмора Раскольников»[3].

Из учреждений же эвакуация продолжалась. Так, в марте 1918 г. в Ярославль было вывезено имущество фототехнической мастерской ГГУ — 24 ящика полированных цинковых досок для печати карт общим весом в 140 пудов[4].

Ярославль: где хранилось, как погибло?

Под грузы морского ведомства в Ярославле в ноябре 1917 г. были заняты помещения Исправительного арестантского отделения на пересечении Малой Угличской и Мышкинской улиц (каменные и деревянные здания). На старинных планах Ярославля в этом месте уже была указана тюрьма, впоследствии не раз перестраивавшаяся. Для охраны имущества морского ведомства при здании по состоянию на начало 1918 г. находились военный моряк Николай Васильевич Чирков и 4 матроса 2-го Балтийского флотского экипажа[5].

О ходе Ярославского восстания и его подавлении в последние десятилетия написано немало. Отметим лишь, что выступление было организовано Союзом защиты Родины и Свободы под руководством Б.В. Савинкова, с опорой на сочувствовавших «белому делу» бывших офицеров и надеждой на помощь союзников с Севера. Восстание, начавшееся в ночь на 6 июля, было окончательно подавлено 21 числа

того же месяца. В ходе боевых действий красной стороной применялась преимущественно осадная тактика, сочетавшаяся с массированным артиллерийским обстрелом города. Считается, что вызванные обстрелами пожары уничтожили более 2000 зданий.

В документах Главного гидрографического управления сохранился подлинный рапорт Н. В. Чиркова, в котором кратко описано всё, что пережили «заведующий охраной имущества Морского комиссариата в Ярославле» и его подчинённые:

«В субботу, 6 июля н/с 1918 г. около 5 час[ов] утра нормального времени, в непосредственной близости от зданий бывшего Исправит[ельного] арест[антского] отделения, занятых под склады имущества Морск[ого] комиссариата, раздалась пулеметная стрельба. Этот момент нужно считать началом мятежа в г. Ярославле против существующей власти.

Участок, занятый зданиями б. Исправ[ительного] арест[антского] отдел[ения] оказался между двумя фронтами: правительственных войск с одной стороны и так называемых белогвардейцев — с другой стороны. В течение около двух недель этот участок подвергался жесточайшему, не прекращающемуся ни днем, ни ночью, пулеметному и ружейному огню положительно отовсюду, а со стороны правительственных войск верхние этажи двух корпусов обстреливались и из орудий.

Существовало, как впоследствии выяснилось, предположение, что из окон верхних этажей производилась стрельба белогвардейцами, хотя в ошибочности такого предположения весьма легко было убедиться, посетив двор и здания тюрьмы.

По корпусам было выпущено до 200 снарядов 3-дм калибра, которыми в стенах, обращенных на Мышкинскую ул. (пересекает Угличскую ул. с окраин города) проделаны большие бреши, но пожаров от разрывов снарядов не происходило, а потому и имущество Морск[ого] комиссар[иата], сложенному в двух нижних этажах первого корпуса, ущерба от орудийного огня причинено не было.

Со времени начала мятежа я и сослуживцы — сторожа по охране имущества: Лапин, Хитровский и Куянов, а также семь человек служащих при совместно расположенном Артил-

лер[ийском] складе, находились безотлучно при исполнении своих служебных обязанностей и не считали возможным покинуть свои посты ради спасения собственных жизней и достояния, пока не принуждены были к этому силой оружия.

Деревянные жилые дома не могли служить защитой от пуль, и жители спасались в погребах или рыли ямы, устраивая подобие блиндажей, а многие из ближайших домов шли под защиту каменных стен тюрьмы.

С первого же дня вокруг тюрьмы начались пожары, вызываемые артиллер[ийским] огнем, совершенно уничтожившие значительную часть города. Спасшиеся от огня также находили приют в стенах тюрьмы, и таким путем в них скопилось до 300 человек: 60 с лишком мужчин, а остальные — женщины и дети.

В воскресенье 14 июля, около полудня, на хозяйственный двор тюрьмы явились солдаты Красной Армии и потребовали выхода из-за стен тюрьмы всех мужчин для просмотра их документов, что нами и было исполнено.

После беглого просмотра документов и обыска мы были объявлены арестованными, что явилось полнейшей неожиданностью, и нам было приказано следовать в штаб ближайшего отряда. Отсюда мы были препровождены на жел[езно]-дор[ожную] ст[анцию] Всполье, где был расположен Чрезвычайный штаб действующих против мятежников войск, и здесь были только сосчитаны и посажены под арест в двух вагонах.

В течение недели половина из нас допрашивалась Чрезвыч[айной] следств[енной] комиссией по борьбе с контрреволюцией и была освобождена, а остальные, и в том числе все мы, служащие Морск[ого] комис[сариата], были освобождены той же Комиссией в понедельник 22 июля, когда мятеж был уже ликвидирован.

Со дня ареста и до среды 17 июля, в тюрьме оставались наши семьи, и за эти дни имущество Морск[ого] комиссар[иата] было еще в сохранности. В среду же солдатами Красной Армии все женщины и дети из тюрьмы были выведены, причем на сборы не было дано и нескольких минут, а потому вышли кто в чем был, и привезены на ту же ст. Всполье.

Что происходило в тюрьме со времени увода женщин — не известно, но оказалось, что первый и второй корпуса сгорели дотла, и находившиеся в первом корпусе имущество Морск[ого] комиссариата, и, в частности, принадлежащее Гл[авному] гидр[ографическому] управлению — все погибло. В сохранившихся от огня помещениях произведен разгром и грабеж как казенного, так и имущества частных лиц.

Донося об изложенном, прошу Главное гидрографическое управление о назначении комиссии для выяснения остатков уцелевшего имущества и для организации производства раскопок с целью извлечения материалов.

Достояние мое и моего семейства, сторожей Хитровского и Куянова, погибло в огне, а у сторожа Лапина разграблена лучшая половина имения и мы остались нищими.

Убедительно прошу Главное гидрографическое управление не оставить нас без помощи и выдать денежное пособие в усиленном размере и возможно скорее, так как у нас не имеется даже смены белья.

Н. Чирков
23 июля 1918 г.
г. Ярославль.
№ I-й

Резолюции:

Л. 11. — Телеграфировать как сказано чл[ену] Кол[легии] Альтфатеру. 2/VIII-18. Б.

Доложено члену Коллегии Саксу 2 авг. о посланной на место комиссии и телеграмме члену Коллегии Альтфатеру. Утверждено. 3/VIII Б.

Л. 12 об. — Член Коллегии Сакс приказал послать с Комиссией помощника комиссара для выяснения необходимых мер, которые надо принять по отношению к нашим служащим. 2/VIII-18 Бялокоз

Пометы: «К делу /подпись/»; «И.р. 785».

РГАВМФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 11. Л. 11–12 об.

Делопроизводитель Военно-морской комиссии по исследованию опыта войны 1914–1918 гг. на море Ф. А. Буштуев,

посетивший Ярославль в сентябре 1919 г. вместе с сотрудником архива М. Н. Варфоломеевым, с чужих слов писал, что пожар в бывшей тюрьме возник 17 или 18 июля от горевших соседних деревянных домов. «Пламя было так сильно, что плавились медь и железо, бумага же тлела до половины августа, т.е. около 3-х недель; вследствие такого сильного пламени из сложенных дел ничего не могло быть спасено»[6]. С другой стороны, как можно понять из иных описаний, к 17–18 июля деревянные дома вокруг здания уже выгорели.

А.И. Лебедев: попытки выяснения и спасения

Первыми забили тревогу гидрографы — 31 июля 1918 г. в Ярославль была отправлена телеграмма начальника ГГУ Евгения Людвиговича Бялокоза с просьбой сообщить о судьбе эвакуированных туда документов[7].

2 августа Е.Л. Бялокоз получил цитированное выше донесение заведующего охраной имущества Морского комиссариата в Ярославле Н. Чиркова от 23 июля 1918 г. с описанием событий, имевших место в ходе Ярославского восстания, и гибели эвакуированного имущества.

Уже 3 августа Е.Л. Бялокоз отправил в город специальную комиссию из шести человек под председательством Н. Г. Смирнова[8].

7 августа 1918 г. управляющий 2-м отделением III секции ЕГАФ (как тогда назывался наш архив) А. И. Лебедев представил в Коллегию Петроградского областного управления архивным делом краткий доклад. Как мы уже знаем, ни одного состоящего на учёте в архиве документа в Ярославле не было, но Лебедев всегда очень трепетно относился к вопросам комплектования архива и переживал за все материалы, имеющие отношение к истории флота. Сообщив в Коллегию полученные из Ярославля сведения о гибели документов, в числе которых он особо отметил «архив старых и старинных карт», он проинформировал об отправке в Ярославль комиссии от Главного гидрографического управления и поставил вопрос о назначении уже от Управления архивным делом инспектора для обследования «данного прискорбного факта»[9].

Надо сказать, что в Ярославле оказались не только «морские» документы, но и «военные», в том числе документы из собрания Артиллерийского музея и архив Преображенского полка. В связи с этим А. И. Лебедев нашёл себе решительного союзника в лице видного военного историка и руководителя военного отделения Главархива Георгия Соломоновича Габаева. В тот же день на заседании совещания при Главном управлении архивным делом было принято решение о командировании в Ярославль помощника Г. С. Габаева, Дмитрия Дмитриевича Зуева, бывшего командира 1-й роты Преображенского полка и сотрудника Главархива.

Не ясно, было ли официально на этом совещании поручено Д. Д. Зуеву выяснить судьбу документов морского ведомства. 9 августа А. И. Лебедев обратился к Г. С. Габаеву с просьбой поручить Зуеву установить судьбу документов, хранившихся в тюрьме, и перечислил, что, по его сведениям, было эвакуировано в Ярославль:

«1) по Главному морскому штабу — дела за 1913, 1914 и 1915 гг.;

2) по Главному морскому хозяйственному управлению дела за 1913, 1914 и 1915 гг., собрания узаконений и разное канцелярское имущество;

3) по Главному гидрографическому управлению — весьма ценные старинные карты (уники) и медные доски для печатания гидрографических карт;

4) по кораблестроительному отделу — чертежи судов парусного флота»[10].

9 августа А. И. Лебедев обратился напрямую к начальнику ГГУ Е. Л. Бялокозу. В первых строках он чётко объяснил свою заинтересованность: «По декрету о реорганизации и централизации архивного дела Российской Социалистической Федеративной Республики от 1-го июня сего года в Государственный архивный фонд поступают все дела и переписка правительственных учреждений, законченная к 25 октября 1917 года, вследствие чего документы и имущество, эвакуированное в гор. Ярославль и повреждённое при последних событиях пожаром бывшей тюрьмы, затрагивает

интересы Главного управления архивным делом, и в частности 2-го отделения III секции (Морского архива)». Далее сообщалось о командировании в Ярославль Д. Д. Зуева и содержалась просьба о срочном распоряжении о допущении Зуева к осмотру здания тюрьмы. Напомним, что оно по-прежнему находилось под охраной сторожей, подчинявшихся ГГУ[11].

Лишь к 20 августа А. И. Лебедеву стало известно, что «чертежи судов парусного и деревянного судостроения», эвакуированные в Ярославль Кораблестроительным отделом ГУК, «сложены были не в здании местной тюрьмы, а в женском монастыре, название которого, к сожалению, установить не удалось», о чём и было сообщено Г. С. Габаеву[12]. Интересно, что позднее об эвакуации чертежей кораблей парусного флота нигде не упоминалось, а нахождение в женском монастыре приписывалось 10 ящикам чертежей периода парового и броненосного флота[13].

Однако и в начале осени общий размер бедствия был ещё неизвестен. А. И. Лебедеву пришлось старательно наводить справки «среди служащих различных учреждений», чтобы составить хоть какой-то приблизительный перечень того, документы каких учреждений и за какие периоды оказались в эвакуации. 8 октября 1918 г. А. И. Лебедев сделал на заседании Комитета Главного управления архивным делом доклад о сгоревших документах морского ведомства. 16 октября он представил новый, уточнённый перечень погибших материалов, в пояснении к которому, однако, отмечал: «собрать точные сведения о количестве эвакуированных дел и документов <…> не представляется возможным, так как ни в одном учреждении фактически не могут разобраться, где дела находятся, после второй эвакуации учреждений морского ведомства в Москву»[14]. Далее А. И. Лебедев сообщал, что по рассказам очевидцев есть надежда на спасение части материалов, которые могли сохраниться в ящиках, погребенных под рухнувшими перекрытиями 2-го и 3-го этажей, и просил об организации особой комиссии «для выяснения на месте в Ярославле всего, что ещё не погибло окончательно, немедленного производства раскопок и спасения всего, что

еще можно спасти»[15]. Одновременно были отправлены обращения в отдел народного образования Ярославской области и в Ярославскую учёную архивную комиссию, а также в Московское областное управление архивным делом.

27 декабря на стол А. И. Лебедева легла копия ответа Ярославской губернской учёной архивной комиссии в Московское областное управление архивным делом от 28 ноября 1918 г., в котором сообщалось, что член комиссии тов. Торопов 10 ноября осмотрел главный корпус бывшей Ярославской тюрьмы и установил, что все документы сгорели, и есть надежда лишь на обнаружение в ходе начавшейся к тому времени расчистки здания в «куче мусора и пепла — металлических вещей архива»[16].

Одновременно предпринимало свои меры ГГУ, но его руководство более всего интересовали металлы, а также могшие сохраниться приборы — оптические, астрономические, геодезические, мореходные. В связи с этим в конце ноября в Ярославль был отправлен инженер А. Ерш с двумя сотрудниками для организации раскопок. Работы эти были окончены к 20 января[17]. Командированные вместе со спасённым имуществом прибыли в Петроград 10 марта 1919 г. Естественно, что работы велись только в помещениях, где находилось имущество ГГУ. Всего было вывезено около 500 медных досок разной степени сохранности, часть которых впоследствии удалось привести в прядок и использовать.

17 мая 1919 г. заведующий отделом общих дел ГГУ сообщил А.И. Лебедеву, что «все уцелевшее после пожара имущество управления, хранившееся в Угличской тюрьме в г. Ярославле, в настоящее время оттуда вывезено», в связи с чем предполагается снять охрану, состоявшую из служащих ГГУ. В связи с этим ставился вопрос — что предполагается делать с имуществом других учреждений морского ведомства, остающимся в здании тюрьмы[18].

27 августа распоряжение отправиться в Ярославль и лично на месте выяснить положение дел было дано заведующему Центральной регистратурой М. Н. Варфоломееву — о его отправке ходатайствовали и А. И. Лебедев, и на-

чальник исторического отдела при Морском генеральном штабе Н. В. Новиков. 13 сентября Варфоломеев отправился в путь, 30 сентября он вернулся в Петроград. Рапорт его был короче некуда — все эвакуированные дела погибли. Единственный «позитив» — под кучей обломков кирпича и мусора сохранился несгораемый шкаф Главного морского хозяйственного управления[19]. Общий объём эвакуированных документов точно подсчитать по-прежнему оказалось невозможно: было известно о 338 ящиках и 70 тюках, при этом количество ящиков, вывезенных ГГУ и Артиллерийским отделом ГУКа, установить не удалось. При этом совершенно непонятно, предпринимал ли М. Н. Варфоломеев какие-либо меры, чтобы установить, в каком женском монастыре находились 10 ящиков чертежей кораблей парового и броненосного флота и сохранились ли они.

Подводя итог, можно констатировать, что А. И. Лебедев приложил все возможные в той обстановке усилия для выяснения судьбы эвакуированных в Ярославль документов, которые, при более благоприятных обстоятельствах, несомненно, попали бы в архив. Надо отдать ему должное — принцип «моя хата с краю» был ему органически чужд, Александра Ивановича волновали лишь интересы дела.

Что мы потеряли?

Попытки подвести итоги потерям предпринимались и в 1918 и в 1919 гг.

Объединим имеющуюся в архивных документах информацию, разделив сведения по учреждениям.

1) Главный морской штаб.

• юрисконсультская часть ГМШ — оконченные производством исковые дела (около 8 ящиков);

• пенсионное отделение — дела за 1914–1916 гг. (Чудом не попали в Ярославль буквально несколько дел за эти годы, в т. ч., например, о назначении пенсии вдове старшего лейтенанта Г. Я. Седова Вере Седовой. Предположительно погибло, в числе прочих, пенсионное дело семьи адмирала Н. О. фон Эссена);

• оконченные производством дела за 1911–1913, 1915 гг.[20]

Всего дел ГМШ — примерно 12 ящиков.

2) Главное морское хозяйственное управление.

Дела за 1913, 1914 и 1915 гг., собрания узаконений и разное канцелярское имущество (в сентябре 1918 г. ГМХУ предоставило опись на 8 тюков разнообразных документов[21]; в октябре 1919 г. М. Н. Варфоломеев оценивал объём погибших документов в 100 ящиков и 70 тюков[22]).

3) Главное гидрографическое управление

• описные журналы[23] (на октябрь 1919 г. даже хотя бы общий объём эвакуированных документов оставался неизвестен[24]),

• различные карты.

В течение 1919 г. сотрудники ГГУ под руководством известного гидрографа и путешественника А.М. Бухтеева составили подробнейшие перечни погибших карт — 2747 позиций (дел, зачастую многолистовых). Приведем лишь некоторые примеры:

– Карта части реки Иртыша с реками большой и малой Обью Обской губою, 1734 г. (№ по каталогу 1397).

– Меркаторская карта Ледовитого моря от реки Печеры до Обской губы, сделанная с описей лейтенантов Малыгина и Скуратова 1737 г. (№ по каталогу 1391).

– Карты плавания лейт. Вакселя от Петропавловской гавани до Америки в 1741 и 1742 гг. (№ по каталогу 3011, 3012; копия 1744 г., № по каталогу 1939); плавания бота «Св. Павел» под командой капитана Чирикова в 1741 г., сочинена штурманом Елагиным (№ по каталогу 3009), капитана Левашова в 1767 г. от Камчатки до м. Алякса за подписанием лейтенанта Левашова (№ 1941, 1942), карты плаваний Биллингса разных лет, черноморские карты 1770-х – 1780-х гг., карты работ Колымской экспедиции 1821–1822 гг. с подписью лейтенанта Врангеля (№ по каталогу 1370), карты работ Литке и т.д.

– Меркаторская карта части Восточного океана с морями Охотским, Камчатским и Алеутскими островами до Американского берега от широты северной 50º до 68º,

с приложением плавания капитанов Беринга и Чирикова 1741 г. за подписанием вице-адмирала Нагаева, на 3 ½ листах (№ по каталогу депо карт — 1935)[25].

– То же (№ по каталогу 1936).

– Меркаторская карта Восточного океана от широты северной 40º до 62º на разность долготы 123º с положением плавания капитана Чирикова от Петропавловской гавани до Американского берега, копированная 1741 г., на ¾ листах, в двух экземплярах (по каталогу № 1937, 1938).

…и многие-многие другие.

Из документов более позднего периода, можно, например, назвать карты морской съёмки побережья Японского моря, выполненной в 1895 г. офицерами эскадренного броненосца «Император Николай I» и крейсера «Адмирал Корнилов» под руководством контр-адмирала С.О. Макарова (№ по каталогу депо 17182 и 17183).

К счастью, не были отправлены в Ярославль 12 ящиков карт «древнего архива»[26].

Известно, что в Ярославле также погибла часть материалов Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана[27].

Пострадало и различное имущество ГГУ: медные доски для печати карт, части машин и т.д.

4) Главное военно-морское судное управление — «важнейшие дела, наиболее ценная часть библиотеки и все книги всеподданнейших докладов о конфирмации приговоров»[28] (в октябре 1919 г. М.Н. Варфоломеев оценивал потери в 15 ящиков[29]).

5) Управление санитарной частью флота — в 1918 г. об этих документах не упоминалось, в октябре 1919 г. М. Н. Варфоломеев оценивал потери в более чем 100 ящиков[30].

6) Управление морской строительной частью — отдельные дела за 1906–1914 гг.; в 1918 г. об этих документах не упоминалось, в октябре 1919 г. М. Н. Варфоломеев оценивал потери в 24 ящика[31].

7) Главное управление кораблестроения:

А) Кораблестроительный отдел.

10 ящиков утверждённых и отчётных чертежей: броненосных батарей «Первенец», «Кремль» и «Не тронь меня», эскадренных броненосцев «Император Николай I», «Сисой Великий», «Наварин», всех трёх типа «Полтава», всех трёх типа «Пересвет», «Ретвизан», четырёх типа «Император Александр III», всех трёх броненосцев береговой обороны типа «Адмирал Ушаков», крейсеров I ранга «Адмирал Нахимов», «Владимир Мономах», «Рюрик», «Россия», «Громобой», «Паллада», «Варяг», «Баян», крейсеров II ранга «Забияка», «Новик» и «Изумруд», канонерских лодок «Град», «Бобр», «Сивуч», «Отважный», «Кореец», «Гиляк», клипера «Джигит», заградителей «Амур» и «Енисей», транспорта-мастерской «Камчатка»; большие подборки рабочих чертежей эскадренного броненосца «Цесаревич» (462 шт.), крейсеров «Рюрик» (предположительно, речь идёт о броненосном крейсере «Рюрик» (II), остававшемся в строю) (1276 шт.), «Богатырь» (868 шт.), 867 чертежей «разнородных проектов с 1880 по 1890 гг.», 728 «разных чертежей корветов, клиперов, мониторов, фрегатов», 465 чертежей гребных судов, 516 отчетных чертежей нескольких английских крейсеров и эскадренного броненосца «Пересвет»[32].

Б) Минный отдел — в 1918 г. об этих документах не упоминалось, в октябре 1919 г. М. Н. Варфоломеев оценивал потери в 15 ящиков[33].

В) Артиллерийский отдел — в 1918 г. об этих документах не упоминалось, в октябре 1919 г. М. Н. Варфоломеев указывал, что количество ящиков неизвестно[34].

8) Управление подводного плавания:

1 ящик документов собственно отдела (чертежи и описания по подводным лодкам типа 27В (фирмы «Холланд», строившихся для военного ведомства), и типов «Сиг», и «Стерлядь», а также отдельные тиражные чертежи и описания)[35];

7 больших и 1 малый ящики чертежной отдела подводного плавания: эскизные и отчётные чертежи подводных лодок типа «Кайман», «Минога», «Акула», описание «Акулы»,

проекты подводных лодок программы 1915 года (Русско-Балтийского, Путиловского, Невского заводов, общества «Ноблесснер», фирм Виккерс, Голланд, Норман, проекты Шнейдер-Лебеф, Журавлёва, И. Г. Бубнова, Тять), проекты паротурбинных и опытных лодок, подводного минного заградителя в 880 тонн (Общества Николаевских заводов и верфей), «исторические чертежи старых подводных лодок» и старые проекты, дело о замене двигателей Нобеля на подводной лодке «Касатка»[36].

9) Документы Балтийского судостроительного завода — в 1918 г. об этих документах не упоминалось, в октябре 1919 г. М. Н. Варфоломеев оценивал потери в 64 ящика с примечанием: «погибло много чертежей и приборов»[37].

К сожалению, потери, понесённые документами по истории нашего флота в Ярославле, были не единственными. Уже 29 октября 1918 г. запылали помещения Морской строительной части в Главном Адмиралтействе. От огня и воды погиб ещё один массив кораблестроительных чертежей эпохи парового и броненосного судостроения, находившихся в смежном помещении, принадлежавшем Главному управлению кораблестроения… События XX века оказались чрезвычайно жестокими и к людям, и к документам.

Примечания

[1] До сентября 1917 г. — Архив Морского министерства (решение о переименовании принято Адмиралтейств-советом 10.08.1917, подтверждено указом Правительствующего Сената № 8832 от 15.09.1917, объявлено приказом по флоту и морскому ведомству № 678 от 20.09.1917) (РГАВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 108. Л. 111).

[2] РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 41. Л. 18.

[3] Там же. Л. 21.

[4] Там же. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 202. Л. 560.

[5] Там же. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 899. Л. 18.

[6] Там же. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 12. Л. 15 об.

[7] Там же. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

[8] Там же. Л. 6, 7.
[9] Там же. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 103. Л. 6.
[10] Там же. Л. 8–8 об.
[11] Там же. Л. 7.
[12] Там же. Л. 9.
[13] Там же. Л. 91.
[14] Там же. Л. 14.
[15] Там же. Л. 14 об.
[16] Там же. Л. 74.
[17] Там же. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 11. Л. 37.
[18] Там же. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 103. Л. 88.
[19] Там же. Л. 90.
[20] Там же. Л. 67–69. Имеется лишь перечень дел по делопроизводственным номерам.
[21] Там же. Л. 40. Имеется лишь перечень дел по делопроизводственным номерам.
[22] Там же. Л. 90.
[23] Там же. Л. 14.
[24] Там же. Л. 90.
[25] Там же. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 202. Л. 420 об.
[26] Там же. Л. 158.
[27] *Блинов С. П., Мессер П. В.* Столетие Гидрографического управления. Л., 1927. С. XIV; ГАРФ. Ф. р-6817. Оп. 1. Д. 96. Л. 445–446. Сведения предоставлены Н. А. Кузнецовым.
[28] РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 103. 14.
[29] Там же. Л. 90.
[30] Там же. Л. 90.
[31] Там же.
[32] Там же. Л. 32–33 об.
[33] Там же. Л. 90.
[34] Там же.
[35] Там же. Л. 29.
[36] Там же. Л. 30–30 об.
[37] Там же. Л. 90.

Именной указатель

Абрамсон К. А. • 87
Александр III, император • 54, 132
Александров Н. Н. • 63–71
Александров Н. Н. (отец) •63
Алексеев М. В. • 26
Алексей Александрович, великий князь • 89, 101
Альтфатер В. М. • 6, 124
Акулова- Конецкая Т. В. • 82
Бахирев М. К. • 11, 90, 91, 94
Безкровный Б. С. • 18, 25
Беренс Е. А. • 14, 21, 22–27, 121
Берг В. В. • 70, 103
Бережной С. С. • 50
Бетулинский Ю. А. • 86
Бирилёв А. А. • 109
Бубнов А. Д. • 7–9, 16
Бухтеев А. М. • 130
Буштуев Ф. А. • 124
Бялокоз Е. Л. • 125, 126
Вагинов (Вагенгейм) К. К. • 78
Васильев Д. С. • 18
Васильковский С. Ф. •66
Варфоломеев М. В. • 109, 110, 121, 125, 128–133
Вахрамеев И. И. • 14
Вейнмарн • 21, 25
Вейхер А. А. • 81
Вердеревский Д. Н. • 11, 17, 120
Верховский А. И. • 8
Веселкина О. М. • 87, 89, 93, 101
Веселкин М. М. • 87, 89, 101
Вирен Р. Э. • 50
Владыкин А. • 85
Воеводский С. А. • 61
Волков Н. А. • 18, 2, 24, 26, 78
Волков П. Н. • 18, 26, 78
Воскресенский А. Н. •18
Врангель П. Г. • 18, 102, 106
Габаев Г. С. • 126, 127
Герасимов А. М. • 66, 103
Гигаури В. С. • 50
Голощёкин Д. С. • 82
Гольц [Р]., фон дер • 47
Грабовский А. А. • 86
Гревениц В. Е. • 67
Григорович И. К. • 11, 109
Гумилёв Н. С. • 78
Гучков А. И. • 7, 10–12, 14, 15, 17
Де-Симон (Десимон) А. М. • 86, 87, 89, 90
Джоржи В. П. • 97
Дмитриев В. И. • 18
Домбровский А. В. • 70, 71
Дунин-Борковский М. И. • 19–21, 24–26
Духонин Н. Н. • 8
Дыбенко П. Е. • 17, 19, 111
Евдокимов • 103
Ермакова А. М. • 103
Ермакова (Телятникова) В. М. • 103
Ермакова (Алексеева) М. А. • 98
Ермакова (Пташкина) Т. А. • 95
Ермаков В. М. • 103, 104
Ермаков В. П. • 95–98, 100, 102, 105
Ермаков М. М. • 103, 104
Ермаков М. П. • 95, 100–102, 104
Ермаков П. Г. • 95
Ермаков П. М. • 103
Ермаков Р. М. • 103, 104
Ермаков С. В. • 98, 99
Ерш А. • 128
Жерве Б. Б. • 62
Зарубаев С. В. • 69
Зиновьев А. Д. • 84
Зоф (Шанович) В. И. • 31

Зуев Д. Д. • 126, 127
Зуев-Ордынец М. Е. • 80
Иванова (Ермакова) Р. В. • 98
Иванова Г. П. • 98
Иванов В. К., заведующий гимназией • 74
Иванов В. К., подполковник • 81
Иванов М. В. • 17, 19, 111
Игнатьев Н. И. • 30
Каменев С. С. • 36
Камминг М. • 20
Капнист А. П. • 13
Каруана (Колбасьева) Э. Э. • 74
Кедров М. А. • 11, 14, 101, 103
Керенский А. Ф. • 8, 12, 17, 75
Киндеев • 9
Кирилл Владимирович, великий князь • 7, 15
Китаева К. В. • 89
Кладо Н. Л. • 61, 62
Князев Г.А. • 110, 113
Ковалевский В. П. • 86, 87, 91, 92
Ковальский В. В. • 19
Коварский Н. А. • 80
Колбасьева Г. С. • 81
Колбасьев А. В. • 74
Колбасьев Е. В. • 75
Колбасьев С. А. • 74–83
Колбасьев С. А. (внук) • 82
Конецкий В. В. • 82
Коптелов А. А. • 12
Кравченко • 81
Крыленко Н. В. • 9
Крылов Н. Н. • 88
Кукель С. А. • 14, 17
Куроедов В. И. • 81
Курчевский Л. В. • 37
Лазарев А. М. • 66
Лебедев А. И. • 107–110, 112, 113, 120, 121, 125–129
Лебедев В. И. • 17
Ленин В. И. • 75
Лентовская Л. Д. • 74
Ливен К. П. • 8, 9
Лобыцын В. • 102, 105
Логин И. О. • 86
Лудри И. М. • 70
Лукомский А. С. • 6
Лукомский [С. В.] • 97
Луначарский А. В. • 78, 79
Лысикова Т. Д. • 50
Макалинский А. А. • 18, 25
Максимов А. С. • 6, 7
Малевич М. Н. • 99
Машуков [Н. Н.] • 103
Молас Э. С. • 8, 9
Мордвинов Р. Н. • 50
Морозов В. В. • 86
Муравьёв Б. П. • 12
Назаренко К. Б. • 9, 15, 17
Ненюков [Д. В.] • 103
Непенин А. И. • 7, 68
Нестор Летописец, св. • 113
Нечаев П. М. • 79
Николай II, император • 68, 69
Николя А. С. • 81, 103
Новиков К. Л. • 99
Новиков Н. В. • 129
Нозиков • 97
Окерлунд Р. А. • 19–21, 26
Орлов [1-й, В. И.] • 97
Остелецкий Н. П. • 8, 9
Панцержанский Э. С. • 79
Папанин И. Д. • 39
Пелль Г. Н. • 35
Пенкин И. Н. • 71
Плен П. М. • 86, 87, 90, 91
Поликарпов А. Р. • 80
Попов В. А. • 96
Попов В. Л. • 89
Путин В. В. • 91
Раскольников Ф. Ф. • 19, 24, 79, 85, 110, 121
Рейснер И. М. • 79

Рейснер Л. И. • 79
Рён П. • 80
Римский-Корсаков М. М. • 18
Рогов И. Д. • 111, 112, 116, 121
Романов С. • 91
Рузский Н. В. • 6
Русин А. И. • 5, 7
Рыков А. Н. • 87–89
Саблин М. [П.] • 99, 103
Савинков Б. В. • 17, 121
Сакс С. Е. • 19
Седов Г. Я. • 129
Семёнова В. П. • 79
Сикорский И. И. • 71
Скугаревский А. [П.] • 61
Соболев А. А. • 45
Соболев Л. С. • 83
Соловьёв Г. А. • 86
Смирнов И. А. • 87
Смирнов Н. Г. • 125
Спешнев • 25
Стасевич П. Г. • 50
Сташевский В. А. • 18, 21, 25, 27
Тихонов Н. • 78
Толмачёв Н. Г. • 58
Тошаков А. А. • 30
Трифонов И. Н. • 86
Туманов В. С. • 86
Федотов-Уайт Д. Н. • 10, 16
Фердинанд, румынский
король • 8
Фролов Р. Н. • 62
Фрунзе М. В. • 30, 36
Холл Р. • 20
Христен И. П. • 87
Четверухин Г. Н. •48, 63–72
Четверухин К. Г. • 72
Четверухин Н. М. • 63
Чирков Н. В. • 121, 122, 124, 125
Ширинская А. А. • 103, 106
Шпицберг В. В. • 88, 93
Щастный А. М. • 69
Щербачев Д. Г. • 8, 9
Шульгина В. В. • 86
Щеглов А. Н. • 18
Эльсберг [Эльцберг Е. Р.] • 97
Эссен Н. О., фон • 129
Юденич Н.Н. • 69
Яковлев • 25

Сведения об авторах сборника 9-х Елагинских чтений

Вартанян Юлия Тиграновна

главный специалист отдела организационно-методической работы Российского государственного архива Военно-Морского Флота (г. Санкт-Петербург); uliavartanan@gmail.com.

Виноградов Сергей Евгеньевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центрального Музея Вооружённых сил Российской Федерации Министерства Обороны (г. Москва); sergei101000@mail.ru.

Емелин Алексей Юрьевич

кандидат исторических наук, начальник отдела информационного обеспечения и выставочной деятельности Российского государственного архива Военно-Морского Флота (г. Санкт-Петербург); dirk-kortic@yandex.ru.

Каримов Олег Владимирович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина (г. Москва); heleg@bk.ru.

Карпенко Ирина Александровна

кандидат исторических наук, учёный секретарь Государственного музея истории Санкт-Петербура (г. Санкт-Петербург);

irina_karpenko@mail.ru

Козлов Денис Юрьевич

доктор исторических наук, президент Российской ассоциации историков Первой мировой войны, капитан 1 ранга (г. Москва); kozloff_d@mail.ru.

Куликов Сергей Валерьевич

научный сотрудник НИО (исторический) ЦНИ ПРФ Военно-Учебного Научного Центра Военно-Морского Флота «Военно-мор-

ская академия им. Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова», капитан 2 ранга (запаса) (г. Санкт-Петербург);
ksv1904@mail.ru.

Пумпянская Ольга Владимировна
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина (г. Москва); heleg@bk.ru.

Смирнов Валентин Георгиевич
доктор исторических наук, директор Российского государственного архива Военно-Морского Флота, капитан 1 ранга (г. Санкт-Петербург); @mail.ru.

Удалова Екатерина Георгиевна
независимый исследователь (г. Санкт-Петербург);
katuka_udalova@inbox.ru.

Федечкин Алексей Дмитриевич
соискатель степени кандидата исторических наук при Санкт-Петербургском государственном Морском Техническом университете (г. Москва); rurik63@yandex.ru

Фотуньянц Владимир Николаевич
ведущий инженер Государственного научно-исследовательского испытательного института военной медицины Министерства обороны РФ, капитан 2 ранга в отставке (г. Санкт-Петербург); for-de-wind@yandex.ru

Содержание

Предисловие научного редактора 3

Д. Ю. Козлов
Органы стратегического руководства Российским флотом в 1917 году: от реформ Временного правительства до революционного коллапса 4

О. В. Каримов, О. В. Пумпянская
Кризис российской военно-морской разведки (октябрь 1917 – февраль 1918 гг.) 18

С. Е. Виноградов
Модернизационный потенциал боевых кораблей судостроительных программ 1911–1914 гг. и его реализация в РККФ 29

А. Д. Федечкин
Артиллерия русских броненосных крейсеров в Рабоче-Крестьянском Красном флоте (по материалам РГАВМФ). . . . 41

С. В. Куликов
Материалы военно-морских игр как источник по истории отечественного Военно-Морского Флота на рубеже эпох (1910–1929 гг.) 51

В. Н. Фотуньянц
Н. Н. Александров и Г. Н. Четверухин: две судьбы в эпоху войн и революций.. 63

В. Г. Смирнов
«Красный выбор» гардемарина Колбасьева 74

И. А. Карпенко
Офицеры российского флота — заключенные Петропавловской крепости в 1918 г. 84

Е. Г. Удалова
Морские офицеры Ермаковы — разные пути 95

Ю. Т. Вартанян
Центральный архив флота и морского ведомства в годы революции (1917–1918 гг.) 107

А. Ю. Емелин
Ярославское восстание 1918 г. и судьбы архивных документов учреждений морского ведомства 119

Именной указатель 135

Сведения об авторах сборника 9-х Елагинских чтений 138

Сборник статей

Елагинские чтения
выпуск IX.

Подписано в печать 24.08.2018
Формат 60х90 1/16. Печ. л. 8,875
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 100 экз.

Группа МИД»
почтовый адрес: Санкт-Петербург,
ул. Седова, д. 12, бизнес центр «Т4»
тел./факс: (812) 458-43-69